

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 гг.

РАЗСКАЗЪ МОХНАЦКАГО ¹⁾.

I.

Ночь 17 (29) ноября 1830 г.

Ночь 17 (29) ноября. — Пожаръ на Сольцѣ. — Ошибка Высоцкаго. — Тревога въ Лазенкахъ. — Набѣякъ. — Вооруженіе подпрапорщиковъ. — Нападеніе на Бельведеръ. — Любовидскій. — Въ покояхъ княгини Ловичъ. — Отрядъ народной мести. — Жандръ. — Высоцкій. — Нападеніе на казармы кавалерійскихъ полковъ. — Въ казармахъ уланскаго полка. — Стычка съ кирасирами. — Въ Радзивиловскихъ казармахъ. — „Стась“. — Краковское предмѣстье. — Трембидскій. — Гауке. — Новицкій. — Смерть Трембидкаго. — Недостатокъ единолушія. — Конные егеря.

Подъ вечеръ 17 (29) ноября 1830 года, когда близился условленный часъ, заговорщики, изъ статскихъ чиновъ и изъ другихъ лицъ гражданскаго званія состоявшіе, т. е. непринадле-

¹⁾ Въ числѣ многихъ матеріаловъ къ исторіи Польскаго возстанія 1830—1831 гг., появившихся на страницахъ „Русской Старины“—конечно нандрагоцѣннѣйшіе—переписка о немъ императора Николая Павловича съ гр. И. И. Дибичемъ. Переписка эта еще далеко не окончена изданіемъ въ нашемъ журналѣ и, продолжая ее, необходимо для всесторонняго освѣщенія польской смуты 1830—1831 гг. привести свидѣтельство и враговъ нашихъ въ ту эпоху,—польской sprawy. Наиболѣе сдержаннымъ, наиболѣе безпристрастнымъ (конечно, лишь говоря относительно), является разсказъ Мохнацкаго. Трудъ его извѣстенъ русскимъ читателямъ по извлеченіямъ, болѣе или менѣе обширнымъ, появившимся въ монографіяхъ о 1830—1831 гг.

„Русская Старина“ печатаетъ разсказъ Мохнацкаго въ старинномъ переводѣ на русскій языкъ,—переводѣ, исполненномъ отличнымъ, нынѣ уже покойнымъ, знатокомъ польскаго языка.

Нѣкоторыя, болѣе важныя, ошибки Мохнацкаго исправлены въ примѣчаніяхъ переводчика, другія же и вообще общій тонъ его разсказа совершенно ослабляются для читателя „Русской Старины“, если онъ вспомнитъ интересныя и обширныя разсказы о тѣхъ же событіяхъ Д. В. Давыдова, П. А. Колзакова, А. П. Петрова и другихъ русскихъ людей, какъ-бы разсказы явились въ нашемъ же изданіи „Русская Старина“.

жавшіе въ военному заговору, конимъ поручено было начать дѣйствія нападеніемъ на Бельведеръ, шли по двое и по трое, разными дорогами въ Лазенковской роцѣ; одни съ пистолетами, скрытыми подъ одеждою, другіе безъ пистолетовъ, — всѣ въ надеждѣ получить ружья въ школѣ подпрапорщиковъ пѣхотныхъ полковъ. Небо было цѣлый день пасмурно, такъ что сумерки и ночь слились незамѣтно въ одинъ и тотъ же моментъ. Симъ мужественнымъ юношамъ назначено было сойтись въ Лазенкахъ, по правую и лѣвую сторону монумента Собѣскаго, за полчаса до урочнаго времени. Ихъ всего должно было собраться до 40 человекъ; но по разнымъ обстоятельствамъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, число ихъ уменьшилось слишкомъ на половину. Отряды войска, составлявшіе гарнизонъ обширной столицы Польши, расположены были въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Сигналомъ, къ общему и одновременному дѣйствію, долженъ былъ служить пожаръ пивоварни на улицѣ Солѣцъ, о чемъ всѣ предварены были наканунѣ. За появленіемъ этого сигнала на Солѣцѣ, т. е. въ южной сторонѣ города, слѣдовало по плану заговорщиковъ, зажечь въ противоположной сторонѣ два деревянные дома въ недалекомъ разстояніи отъ казармъ лейбъ-гвардіи Волинскаго полка, на улицѣ Ново-Липье. По симъ двумъ сигналамъ должны были отряды польскаго гарнизона двинуться со всѣхъ пунктовъ: изъ казармъ Александровскихъ, Сапѣжинскихъ, Николаевскихъ и Ординавскихъ, изъ квартиръ своихъ въ городѣ, и съ главныхъ караульныхъ постовъ. Двинувшись разомъ, они могли легко, въ одинъ мигъ, напасть на неприготовленнаго непріятеля, обезоружить и забрать его въ плѣнъ въ самыхъ его казармахъ и въ другихъ мѣстахъ, а потомъ занять назначенные заговорщиками пункты. Таковъ былъ планъ дѣйствій этой ночи — планъ хорошо обдуманый, разочтенный, и, судя по превосходству нашихъ силъ, удобный къ исполненію. Но злобный рокъ, издѣвающійся надъ людскою прозорливостію, чуть было не разрушилъ всего въ самомъ началѣ. Лазенковскіе ли часы шли впередъ противъ городскихъ, или два подпрапорщика, посланные на Солѣцъ для зажженія пивоварни, слишкомъ торопливо хотѣли исполнить свое порученіе, — довольно того, что сигналъ къ общему дѣйствію данъ былъ и преждевременно, и дурно. Огонь на Солѣцѣ сверкнулъ въ половинѣ 6-го

и погасъ въ 6 часовъ ¹⁾). Пивоварня, зданіе старое и полусогнившее, долго не загоралось. Высоцкій поздно, не прежде 28-го ноября, потребовалъ горючихъ матеріаловъ отъ артиллерійскаго поручика Карла Штольцмана, бывшаго адъютантомъ при арсенальномъ управленіи. Онъ потребовалъ матеріаловъ только 28-го ноября, въ воскресенье, когда мастерская была заперта; между тѣмъ, какъ самъ обѣщалъ предупредить Штольцмана за нѣсколько дней до возстанія. За неимѣніемъ горючихъ матеріаловъ, которыми можно бы было облегчить предпріятіе и обезпечить успѣхъ, принуждены были оба подпрапорщика употребить солому. Огонь разгорѣлся съ большимъ трудомъ и показался прежде, нежели успѣли собраться въ Лазенкахъ тѣ заговорщики, которымъ назначено было напасть на Бельведеръ. Это натурально привело ихъ въ замѣшательство и подало поводъ къ разнымъ толкамъ. Набѣлякъ спѣшилъ тогда, вмѣстѣ съ Гоцинскимъ, отъ ведущей въ Бельведеръ аллеи къ сборному мѣсту академиковъ. Они удвоили шаги, замѣтивъ тотъ ранній огонь, но, по прибытіи въ Лазенки, застаютъ не болѣе десяти человекъ своихъ товарищей. Въ ту же минуту ударили въ русскихъ кавалерійскихъ казармахъ пожарную тревогу, и, въ мгновеніе ока, все въ окрестности пришло въ движеніе. Посылочные, конные и пѣшіе, пробѣгали рощу во всѣхъ направленіяхъ, отъ Бельведера къ казармамъ, отъ казармъ къ Бельведеру. Засверкало множество огней между деревьями, зазвонили на гауптвахтахъ и караулы начали выступать. Цесаревичъ, ѣздившій обыкновенно на пожаръ и днемъ, и ночью, могъ и теперь выскочить изъ Бельведера. Изъ числа прибывшихъ, человекъ 20-ти академиковъ, не осталось среди того смятенія и десяти. Наконецъ и эти разсыпались въ разные стороны, чтобы не попасть въ руки солдатамъ и полицейскимъ. Слишкомъ полчаса продолжалась въ Лазенкахъ эта тревога.

Ранній и слабый пожаръ пивоварни былъ потушенъ безъ труда. Это происшествіе, само по себѣ мелочное, ставить заговоръ въ самое крутое положеніе и производить всѣ дурныя послѣдствія, какія обыкновенно неразлучны съ одновременностію

¹⁾ Пожаръ былъ тотчасъ потушенъ. Его едва замѣтили въ ближайшихъ улицахъ, а въ самомъ городѣ почти не знали о немъ. Улица Солѣцъ составляетъ предмѣстье Варшавы съ южной стороны. Прим. перев.

дѣйствія на столь обширномъ театрѣ. Съ той минуты идетъ все тяжело: заговорщики, бывшіе въ южной части города около Бельведера и гвардейскихъ казармъ кавалерійскихъ, не могли подать о себѣ вѣсти заговорщикамъ, разсыпаннымъ на столькихъ пунктахъ столицы;—а эти, не видя сигнала съ южной стороны, полагали, что тамъ ничего еще не начато. Утрачено отъ сего много времени по прошествіи условленнаго часа,—и такимъ образомъ одно ничтожное обстоятельство, происшедшее отъ разсѣянности Высоцкаго, вредитъ всему дѣлу и подвергаетъ опасности судьбу возстанія.

Но вскорѣ утихло все въ Лазенкахъ. Разсыпавшійся отрядъ началъ собираться. Заговорщики, выходя изъ-за деревьевъ, описываются другъ съ другомъ;—но что начать, пробудивъ чуткость непріятеля, что начать въ столь маломъ числѣ,—не знаютъ. По короткомъ совѣщаніи между собою, рѣшили они тѣмъ, чтобы Набѣляевъ пошелъ провѣдать, что дѣлается въ школѣ подпрапорщиковъ—шагахъ въ 200 отъ моста Собѣскаго. Набѣляевъ отправился туда, но возвратился ни съ чѣмъ. Высоцкій былъ еще въ городѣ, не воротились и тѣ два подпрапорщика, которымъ поручено было зажечь пивоварню на Сольцѣ. Школа находилась въ такомъ же смятеніи, какъ и отрядъ, которому слѣдовало напасть на Бельведеръ; больше всего боялись подпрапорщики, чтобы не поймали зажигателей. Тутъ наступила другая пауза, длинная какъ вѣкъ—пауза бездѣйствія и ожиданія, среди ускореннаго обращенія крови. Проходилъ уже цѣлый часъ за срокъ, назначенный для начатія дѣйствій. Неудача въ сигналѣ, который могъ поднять весь городъ и обезпечить подпрапорщиковъ на счетъ помощи оттуда, отнимала бодрость, особливо у молодыхъ академиковъ, довольно отважныхъ, чтобы броситься въ первомъ пылу на самыя большія опасности, но при холодномъ размышленіи (къ чему у нихъ было довольно времени) уже начинавшихъ измѣрять бездонную пропасть, отверзавшуюся предъ ними. Эта проволочка, дѣйствовавшая сильно на живое, юное воображеніе, была мучительна. Набѣляевъ и Гоцинскій идутъ опять въ школу подпрапорщиковъ—и опять напрасно: нѣтъ ни откуда никакой вѣсти. Уже возвращаясь изъ школы, встрѣчаются они съ Шлегелемъ, Добровольскимъ, Пашкевичемъ и Роттермундомъ. Высоцкій съ первыми двумя тотчасъ побѣжалъ въ школѣ;

Пашкевичъ и Роттермундъ предпочли присоединиться къ отряду, шедшему въ Бельведеръ на цесаревича. Съ этой минуты всѣ оживились новымъ духомъ. Вынесли ружья русскихъ подпрапорщиковъ, которые показывали видъ, будто ничего не замѣчаютъ ¹⁾. Между тѣмъ какъ школа вооружилась, Набѣлякъ и Гощинскій заряжали ружья и считали свои силы: ихъ было всего восемнадцать человѣкъ съ Пашкевичемъ, Роттермундомъ и съ двумя подпрапорщиками Тршасковскимъ и Кобылинскимъ, которые, зная хорошо внутренность Бельведера, могли служить проводниками отряду. Они раздѣлились на двѣ равныя части. Одна, подъ командою Тршасковского, отправилась вверхъ по дорогѣ въ Мокотовской заставѣ, чтобы вторгнуться въ Бельведеръ спереди, въ главные ворота. Отрядъ этотъ состоялъ изъ самыхъ крѣпкихъ, сильныхъ рукъ; нравственные же силы были у всѣхъ одинаковы. Другая часть, подъ начальствомъ Кобылинскаго, двинулась къ Бельведерскому саду, для дѣйствія въ тылъ дворца, на случай, если птичка, какъ выражались заговорщики, вылетѣла бы въ садъ ²⁾.

Отрядъ, пошедшій къ главнымъ воротамъ дворца, приближася къ нимъ, удвоилъ шаги и въ мигъ, съ провзительнымъ крикомъ: „смерть тирану!“ влетѣлъ на дворъ. Нѣсколько лицъ, случившихся на дворѣ, тотчасъ скрылись и успѣли запереть за собою двери, ведущія въ корпусъ дворца. Одинъ изъ отряда ударилъ въ тѣ двери ружейнымъ прикладомъ и съ помощію товарищей высадилъ ихъ изъ петель. Побили стекла въ сѣняхъ, при безпрестанномъ крикѣ: „смерть тирану!“ Въ это самое время нападала школа подпрапорщиковъ на уланскія казармы, и ея пальба слышна была въ Бельведерѣ, что на людей великаго князя наво-

¹⁾ Не всѣ, а только нѣкоторые, опредѣлившіеся въ наши полки изъ жителей Царства. Многіе изъ русскихъ подпрапорщиковъ нашли способъ бѣжать въ ту же минуту изъ школы, и донесли своему начальству о мятежныхъ замыслахъ своихъ товарищей.

Прим. перев.

²⁾ Въ первомъ отрядѣ находились: Константинъ Тршасковскій, Людвигъ Набѣлякъ, Северинъ Гощинскій, Зенонъ Нѣймоіовскій, Рохъ и Никодимъ Рупніовскіе, Людвигъ Орпашевскій, Людвигъ Янковскій и Валентинъ Намбровскій. Во второмъ, со стороны сада: Карлъ Кобылинскій, Карлъ Пашкевичъ, Станиславъ Понянский, Эдуардъ Трищинскій, Эдуардъ Роттермундъ, Александръ Свѣнтославскій, Валентинъ Красновскій, Леонардъ Реттель и Антонъ Косинскій.

Прим. перев.

дило еще большій ужасъ, а нападателямъ придавало бодрости. Черезъ окна и двери ворвались въ главный корпусъ ¹⁾. Вездѣ глухое молчаніе! Никакого отпора — тихо въ цѣломъ дворцѣ! Бѣгутъ вверхъ, отпираютъ, или точнѣе высаживаютъ двери за дверями, идутъ изъ комнаты въ комнату — нѣтъ живой души! Поднимаютъ страшный крикъ; ворочаютъ все вверхъ дномъ—но великаго князя нѣтъ нигдѣ! Въ комнатѣ предъ пріемной залой стоитъ высокій мужчина, притаясь за полуотворенными дверями; онъ хотѣлъ, казалось, ускользнуть отъ неминуемой гибели. Узнаанный и пораженный нѣсколькими штыками, онъ падаетъ на полъ, но не умираетъ: его коснулись руки еще неопытныя. Это былъ вице-президентъ города (оберъ-полицеймейстеръ) Любавидскій, котораго за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ привела въ Бельведеръ злая звѣзда, съ вѣрною уже вѣстью, что точно затѣваютъ революцію.

Возстаніе застало цесаревича спящаго. За первымъ внизу крикомъ, камердинеръ Кохановскій ²⁾ будить цесар. Константина — не даетъ ему протерѣть глазъ, стаскиваетъ насильно съ постѣли и вводитъ въ кабинетъ, откуда потаенная лѣстница вела внизъ, въ покои княгини Ловичъ. Это было сдѣлано во-время; ибо вслѣдъ затѣмъ ворвались въ кабинетъ нѣсколько заговорщиковъ. У кня-

¹⁾ Въ Бельведерскомъ дворцѣ не было никогда караула. У главныхъ вѣрохъ и у особаго съ передней стороны входа стояло по одному человеку изъ русскихъ гвардейскихъ инвалидовъ, не имѣвшихъ при себѣ иного оружія, кромѣ тесака. Заговорщики, тотчасъ по прибытіи къ дворцу, захватили обоихъ инвалидовъ и отдали ихъ на руки тѣмъ изъ своего отряда, которыхъ оставили у воротъ. Авторъ, находившійся, въ ночь 29-го ноября, въ сѣверовосточной части города, для возбужденія черни къ бунту, пишетъ, по рассказамъ другихъ, о происходившемъ въ ту ночь на прочихъ пунктахъ и поминаетъ о многомъ несогласно съ происшествіями — по крайней мѣрѣ несогласно съ тѣмъ, что обнаружено самымъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ слѣдственными комиссіями бывшаго въ Варшавѣ верховнаго уголовного суда. По показанію жившихъ во дворцѣ очевидцевъ происшествія, не было никого на дворѣ, когда вторглись заговорщики, и всѣ двери были по обыкновенію отперты. Они ворвались прямо въ корпусъ: вбѣжавъ въ сѣни, выстрѣлили изъ ружья, разбили висѣвшую въ сѣняхъ лампу, а въ смежной лакейской комнатѣ разбили зеркало. Здѣсь одинъ изъ нихъ, Валентинъ Витковскій, бывавшій прежде во дворцѣ у камердинера великаго князя Кохановскаго и знавшій потому расположеніе внутреннихъ комнатъ, закричалъ своимъ товарищамъ: „Господа, навѣрхъ, навѣрхъ!“—и тотчасъ кинулся вслѣдъ за лѣстницу, ведущую въ первый этажъ.

Прим. перев.

²⁾ Не Кохановскій, а другой камердинеръ—Фризе.

Прим. перев.

гини Ловичъ происходила живописная сцена ¹⁾

Отрядъ народной мести, обшаривъ весь верхній и нижній этажъ, кромѣ покоевъ княгини Ловичъ, улетѣлъ изъ дворца, какъ влетѣлъ туда—порывомъ вихря; но прежде, на дворѣ оставилъ еще одну жертву, въ память своего посѣщенія. „Нехорошій человекъ“ — какъ называлъ его (??) самъ великій князь — неразлучный товарищъ, конюшій, первый факторъ цесаревича, генералъ Жандръ, спѣша въ конюшню, попалъ въ руки заговорщиковъ. Онъ кричалъ изо всей мочи: „Je suis général du jour!“ — но это не помогло: ему нанесли штыкомъ въ грудь глубокую смертельную рану ²⁾.

Весь поискъ продолжался не болѣе десяти минутъ. Юноши ³⁾, обагривъ покои цесаревича кровью, поворотили, при выходѣ изъ Бельведера, вправо и чрезъ Ботаническій садъ устремились скорымъ шагомъ къ мосту Собѣскаго. Здѣсь соединился весь бельведерскій отрядъ съ школою подвѣрапорщниковъ; ибо и другая часть, которой нечего было дѣлать въ бельведерскомъ саду, отступила въ эту же сторону, положивъ на мѣстѣ одного изъ бывшихъ въ саду часовыхъ, бѣжавшаго во дворецъ съ извѣстіемъ о

¹⁾ Не влизъ и не въ покои княгини Ловичъ провелъ государя цесаревича камердинеръ Фризъ, но въ дальніе, находящіеся вверху, возлѣ компаты, въ коихъ помѣщались нѣкоторые изъ придворныхъ служителей. Тамъ оставался цесаревичъ до самаго ухода изъ Бельведерскаго дворца — и такимъ образомъ не было въ покояхъ княгини Ловичъ той сцены, которую опиываетъ сочинитель.

Прим. перев.

²⁾ Въ комнатахъ цесаревича дали заговорщикамъ нѣсколько ранъ штыкомъ гардеробному помощнику Свистунову, а на дворѣ штыкомъ-же прокололи придворнаго лакея Курочкина, который отъ этой раны умеръ въ четвертый день.

Прим. перев.

³⁾ Слѣдуетъ добавить: злодѣи и притомъ измѣнники добровольно данной ими присягѣ на вѣрность службѣ государю и отечеству. Перевод.

прибытіи неожиданныхъ гостей ¹⁾). Едва успѣли Набѣлякъ и его товарищи отойти шаговъ на двѣсти отъ дворца, какъ сильный конскій топотъ на дорогѣ отъ Лазенокъ къ Бельведеру удосто- вѣрилъ ихъ, сколь счастливо и почти чудесно избѣжали они величайшей опасности; ибо въ то самое время прискакалъ подъ Бельведеръ эскадронъ кирасиръ, разбитыхъ (?) подпрапорщиками, и окружилъ и спереди, и сбоку дворецъ отъ Ботаническаго сада. Еще нѣсколько минутъ—и никто изъ ворвавшихся во дворецъ главными воротами не вышелъ бы живой.

Въ то время, когда революція, въ первомъ движеніи своемъ, вторглась въ Бельведеръ и подняла съ постели цесаревича, вели подпрапорщикъ кровавый, упорѣйшій бой съ превосходными силами непріятеля. Высоцкій, какъ сказано выше, вбѣжавъ въ школу, прервалъ лекцію, которую обыкновенно преподавали въ эту пору, и, обнаживъ шпагу, закричалъ громкимъ голосомъ: „Поляки, ударилъ часъ мщенія! сегодня мы должны побѣдить или умереть:—встрѣтимъ же грудью враговъ нашихъ—да будетъ она Термопилами для нихъ!“ Въ залѣ раздался крикъ: „къ ружью, къ ружью!“ Неустрашимые юноши разобрали боевые патроны, принесенные Шлегелемъ, зарядили ружья и скороѣе, чѣмъ можно бы было это описать, построились внизу въ боевой порядокъ. Ихъ было всего съ небольшимъ 160 человекъ ²⁾, каждый изъ нихъ зналъ бригадную и дивизионную команду какъ генералъ, а держалъ ружье какъ рядовой. Ловче застрѣльщиковъ и мѣтче стрѣлковъ не было конечно ни въ какомъ войскѣ. Они шли выплачивать русскимъ за долгіе уроки на Саксонской площади! Въ челѣ этой колонны ученыхъ бойцовъ шелъ Высоцкій, прямо къ казармамъ трехъ непріятельскихъ кавалерійскихъ полковъ. Казармы эти, защищаемыя пѣхотою, могли быть не долимою крѣпостью; но для конницы, хотя-бы и

¹⁾ Въ саду не убили никого. Бывшая тамъ шайка мятежниковъ, просто лѣвъ нѣсколько минутъ, бѣжала еще прежде той, которая ворвалась спереди въ бельведерскій дворецъ. Примѣч. перев.

²⁾ Состояло въ школѣ всего 247 человекъ,—а 162 вышли съ Высоцкимъ: изъ остальныхъ 85-ти были одни въ отсутствіи, другіе успѣли уйти изъ школы и явились въ Бельведеръ къ цесаревичу. Прим. перев.

нѣсколько тысячной, атакованной только однимъ баталіономъ пѣхоты, были они позиціею невыгодною и опасною. Внутри было нѣсколько десятковъ продолговатыхъ конюшенъ, а между этими конюшнями въ промежуткахъ множество домиковъ, въ которыхъ помѣщались солдаты. Красныя крыши, перила, флюгера вокругъ конюшенъ и прямыя, длинныя между конюшнями улицы давали этимъ строеніямъ видъ особаго строенія, предмѣстья, примыкающаго къ Сольду. Въ серединѣ между строеніями было нѣсколько площадей, усыпанныхъ пескомъ и такъ просторныхъ, что два и даже три эскадрона могли разомъ маневрировать. Все пространство обведено было широкимъ и глубокимъ рвомъ, водою наполненнымъ, котораго лошадь не перескочитъ. Сверхъ того отдѣлялись казармы одного полка отъ казармъ другаго особыми небольшими рвами, на которыхъ было нѣсколько деревянныхъ мостовъ. Подходя къ уланскимъ казармамъ, выстрѣлили нѣсколько разъ на воздухъ, для произведенія большаго смятенія въ русскіхъ полкахъ и чтобы своимъ карабиннымъ ротамъ, которымъ, по плану заговора, слѣдовало прибыть изъ города, подать сигналъ, что бой уже начался. Эта пальба-то и была слышна во время нападенія на Бельведеръ!—Подпрапорщики, вслѣдъ за первыми выстрѣлами въ часовыхъ, ворвались въ середину казармъ лейбъ-уланскаго полка, гдѣ застали уже готовыхъ, на коняхъ, до трехъ сотъ человѣкъ ¹⁾. Они, не медля ни минуты, подошли къ уланамъ на полуружейный выстрѣлъ и съ этого разстоянія, въ которомъ каждый сѣдокъ и каждая лошадь служатъ мишенью, тотчасъ сбили непріятельскій отрядъ. Уланы опять построились мигомъ и тронулись на рысяхъ впередъ. Тогда подпрапорщики, открывъ огонь еще въ ближайшемъ разстояніи, свалили нѣсколько человѣкъ съ коней. Остальные побѣжали въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, который дошелъ до высочайшей степени у переправы чрезъ мосты, гдѣ они всѣ стѣснились и гдѣ пули осыпали ихъ градомъ. Ночь была темная. Русскимъ казалось, что напали на нихъ тысячи двѣ пѣхоты. Тревога, замѣшательство были такъ велики, что если бы въ это время зашли спереди отъ города

¹⁾ Этого не было и не могло быть, такъ какъ лейбъ-уланскій полкъ не могъ ни откуда получить свѣдѣнія о поднятій шкелою бунта—и въ казармы уланскія въѣжала шкела въ минѣ по выходѣ изъ своихъ казармъ, которыя отъ уланскихъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Прим. перев.

хотя двѣ роты ожидаемыхъ егерей, то легко бы можно было обезоружить всю эту кавалерію и забрать ее въ плѣнъ. Съ одною же школою, безъ всякаго изъ города подкрѣпленія, нельзя было Высоцкому предпринять ничего рѣшительнаго. Его положеніе не позволяло ему даже преслѣдовать уланъ: у него были въ тылу другіе два полка русской гвардейской кавалеріи, кирасирскій и гусарскій, которыхъ казармы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ уланскихъ. Сии полки, имѣвъ довольно времени сѣсть на коней и выйти въ боевомъ порядкѣ, могли легко окружить школу и отрѣзать ее отъ города. Такое положеніе дѣла, а отчасти недостатокъ боевыхъ патроновъ заставили подпрапорщиковъ выступить изъ захваченныхъ ими пустыхъ уланскихъ казармъ ¹⁾.

Сей первый подвигъ (!?) необычайнаго мужества поразилъ, а потому удивилъ непріятеля, когда онъ убѣдился, что горсть молодежи выбросила его изъ казармъ. Высоцкій взялъ позицію за мостомъ Собѣскаго. Онъ здѣсь рѣшился ожидать братской помощи, здѣсь прислушиваться, скоро-ли изъ-за пригорка подъ Радзивилловскими казармами загремятъ четыре орудія поручика Нѣтокоца, которымъ надлежало прибыть туда по плану заговора. Для развѣданія объ этихъ орудіяхъ, да о карабинныхъ ротахъ, посылаетъ онъ подпрапорщика Камилла Мохнацкаго, приказывая ему поторопить Нѣтокоца, если бы встрѣтилъ его. Но Мохнацкій воротился чрезъ нѣсколько минутъ, и принесъ только ту вѣсть, что вмѣсто польской пѣхоты, онъ встрѣтилъ кирасиръ, которые со всѣхъ сторонъ окружаютъ подпрапорщиковъ, для отрѣзанія имъ дороги въ городъ. Высоцкій, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, самъ убѣдился въ справедливости донесенія. Надобно было еще выдержать кровавую сшибку, чтобы вывернуться изъ рукъ непріятеля.

Отъ моста Собѣскаго ведутъ въ городъ двѣ дороги: одна прямо въ гору, а оттуда, чрезъ бельведерскую аллею, къ костелу святаго Александра; другая тотчасъ отъ моста вправо, позади Уздовскаго госпиталя, къ кофейному дому, извѣстному подъ названіемъ Вѣйска кава. Кирасиры, построенные къ атакѣ, за-

¹⁾ Сшибка въ уланскихъ казармахъ продолжалась не болѣе 10-ти минутъ. Не успѣли еще осѣдлать лошадей во всѣхъ эскадрахъ, когда подпрапорщики бѣгомъ отретировались къ мосту Собѣскаго, услышавъ, что затрубили тревогу въ кирасирскихъ и гусарскихъ казармахъ. Прим. перев.

нимали объ эти дороги. Высоцкій приказываетъ ударить въ штыки на отрядъ, стоявшій на дорогѣ, которая ведетъ къ бельведерской аллеѣ, а самъ, съ нѣсколькими подпрапорщиками, бросается вправо на другой, занимавшій боковую дорогу, ведущую къ Вѣйской кавѣ ¹⁾. Бой кончился мигомъ; подпрапорщики, рассыпаясь и собираясь по застрѣльщикамъ, нападая и отступая, по мѣрѣ того какъ позволяла мѣстность,—стрѣлая изъ рвовъ, изъ-за деревьевъ, спередь и съ боку, разогнали кирасиръ, — и потомъ, собравшись, пошли по дорогѣ, лежащей за Уяздовскимъ госпиталемъ ²⁾. Часть разбитой (!) конницы поскакала къ Бельведеру въ то самое время, когда выходили оттуда заговорщики; другая же часть безпокоила подпрапорщиковъ съ тылу; но школа, имѣя предъ собою открытый путь, подвигалась впередъ, отражая безпрестанно атаки кавалеріи ³⁾. Подходя къ Вѣйской кавѣ, наша молодежь увидѣла предъ собою новаго непріятеля—эскадронъ гусаръ, шедшій въ ту самую сторону на рысяхъ отъ бельведерской аллеи, на встрѣчу колонны Высоцкаго. Положеніе подпрапорщиковъ было самое критическое. Напираемые сзади кирасирами, угрожаемые спереди гусарами, (которыхъ весь полкъ стоялъ въ резервѣ на полѣ, позади того эскадрона), они сдѣлали полуоборотъ влево отъ Вѣйской кавы, достигли счастливо Радзивилловскихъ казармъ, которыя еще не были отстроены и, засѣвши тамъ въ окнахъ и дверяхъ, убили у русскихъ нѣсколько людей и лошадей. Здѣсь хотѣлъ Высоцкій задержать собою какъ можно долѣе и долѣе непріятельскую кавалерію, чтобы не дать ей ворваться въ городъ, чтб явно бы повредило начинавшейся тамъ тревогѣ и помѣшало бы заговорщикамъ занять важнѣйшіе пункты. Сверхъ того, полагалъ Высоцкій, что по крайней мѣрѣ, въ этомъ оборонитель-

¹⁾ Былъ всего одинъ эскадронъ Подольскаго кирасирскаго полка, который спѣшилъ изъ своихъ казармъ къ Бельведеру, по дорогѣ къ бельведерской аллеѣ; а вправо (т. е. на улицѣ Гурна, ведущей отъ моста Собѣскаго къ Вѣйской кавѣ) не было никакого русскаго войска. Подпрапорщики, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ эскадронъ кирасиръ, бросились вправо чрезъ перила, протянутыя вдоль дороги, ведущей къ бельведерской аллеѣ, и рощею пробрались на улицу Гурна, которая оканчивается между Вѣйскою кавою и Радзивилловскими казармами. Прим. перев.

²⁾ Т. е. по улицѣ Гурна.

³⁾ Не кирасиры были у подпрапорщиковъ въ тылу, но небольшой отрядъ лейбъ-уланскаго полка, настигшій ихъ на улицѣ Гурна, почти у самой Вѣйской кавы. Прим. перев.

номъ положеніи, подойдутъ къ нему орудія Нѣтокоця и карабинерныя роты. Но, наконецъ, когда у всѣхъ почти подпрапорщиковъ оказался недостатокъ патроновъ, и когда у воротъ Радзивиловскихъ казармъ начала накопляться русская кавалерія, не оставалось ему иного, какъ только штыкомъ проложить себѣ путь въ городъ. „Насъ окружаютъ!“ закричали подпрапорщики. Тутъ открыли они казармныя ворота и бросились на гусаръ Сей третій кавалерійскій отрядъ, подобно двумъ первымъ, не устоялъ противъ натиска школы ¹⁾). По входѣ въ городъ, не затрудняло уже ничто побѣдоноснаго (!) шествія подпрапорщиковъ. У костеля св. Александра встрѣчаютъ они Стася (графа Станислава) Потоцкаго ²⁾). Не зная, не подозрѣвая даже, что именно онъ, Потоцкій, былъ главнымъ виновникомъ опасностей, которыми они подверглись отъ неполученія помощи въ неравной борьбѣ со всею почти кавалеріею цесаревича — не вѣдая, что этотъ генералъ содѣйствовалъ больше всѣхъ передачъ въ руки цесаревича карабинерныхъ и гренадерскихъ ротъ, которыя, за минуту предъ тѣмъ, шли по Новому Свѣту къ Лазенкамъ и что поэтому не было человека — по крайней мѣрѣ поляка — преступнѣе Потоцкаго, они окружили его, и увѣренные, счастливые, почти гордые, что послѣ подвига, достойнаго позднѣйшей памяти, будутъ имѣть предводителемъ одного изъ товарищей Костюшки, умоляли его: „Генералъ! веди насъ впередъ чрезъ городъ!“ Нѣтъ сомнѣнія, что принятіемъ предводительства надъ подпрапорщиками Потоцкій поднялъ бы въ мигъ высоко дѣло революціи. Высоцкій и Шлегель присоединяли просьбы свои къ моленіямъ подпрапорщиковъ, заклинали его торжественно именемъ отечества, памятью жестокихъ поступковъ съ нимъ Игельстрома; — но ничто не могло переломить упрямства, пагубнаго (!) для Польши. По-

¹⁾ У Радзивиловскихъ казармъ былъ тотъ же кавалерійскій отрядъ, который настигъ подпрапорщиковъ на улицѣ Гурна и отъ котораго скрылись они въ эти казармы, тогда еще не отстроенныя. Командовавшій отрядомъ, получивъ тутъ повелѣніе государя цесаревича не входить съ жителями въ бой и избѣгать всякаго повода къ кровопролитію, отступилъ отъ помянутыхъ казармъ, чтобы команды своей не подвергать напрасно встрѣчамъ подпрапорщиковъ. Снѣвъ пользуясь, выбѣжали подпрапорщики въ то же мгновеніе изъ казармъ и бросились въ городъ чрезъ Війскую улицу.

Прим. перев.

²⁾ Графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ отъ инфантеріи, былъ начальникомъ всей глѣхоты польскихъ войскъ.

Прим. перев.

тощій казался въ борьбѣ съ собою, размышлялъ, казалось: губить-ли далѣе народное дѣло, или кинуться въ объятія юношей, которые уважали его, которые простили бы ему все, что онъ сдѣлалъ уже противъ народа. Онъ рѣшился, вѣроятно, на первое, потому что не далъ никакого отвѣта Высоцкому и подпрапорщикамъ, а самъ остался на пунктѣ сообщенія между городомъ и Бельведеромъ, гдѣ цесаревичу еще не одну оказалъ услугу, пока не получилъ приказанія отъ него и, наконецъ, за эту безпорочную вѣрность—кроваваго возмездія изъ братскихъ рукъ ¹⁾).

Слѣдуя далѣе Новымъ Свѣтомъ, гдѣ жили военные русскіе офицеры и чиновники, отрядъ Высоцкаго тщетно старался вызвать народъ кликами: „къ ружью!“, — тщетно усиливался прервать молчаніе, которое царствовало еще въ этой части города. Но и дальше, на Краковскомъ предмѣстьи, не было ни народа, ни веселыхъ криковъ, ни огней, ни звука оружія, хотя всего этого слѣдовало ожидать въ первыя минуты возстающей свободы. Какъ будто ничего не случилось—какъ будто не бывать ничему,—такъ глуха, такъ разительно тиха была вся эта часть Варшавы. Городъ дремалъ! Что же могло больше тревожить и раздражать юношей? Имъ казалось тогда, что они только одни возстали,—и этому-то чувству, этой надобности пробудить столицу отъ сна, а отчасти и упорству, оказанному генераломъ Потоцкимъ при самомъ вступленіи ихъ въ городъ, должно приписать слѣды крови, кото-

¹⁾ Высоцкаго предупредилъ Заливскій, что Потоцкій далъ честное слово не только присоединиться, но даже предводительствовать народнымъ дѣломъ, если бы не случилось другого начальника — и поэтому не арестовалъ Потоцкаго у Александровскаго востела, какъ бы ему то слѣдовало сдѣлать. Высоцкій думалъ, что Потоцкій еще образумится. Что зналъ Потоцкій о революціи—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но точно ли онъ обѣщалъ предъ революціею пристать къ заговору и въ чемъ состояли его обѣщанія—объ этомъ трудно сказать теперь, что-нибудь вѣрное, ибо Заливскому вѣрить нельзя. Чтобы придать больше вѣса между заговорщиками, чтобы внушить имъ высокое понятіе о своемъ вліяніи, о своихъ знакомствахъ и связяхъ, Заливскій ручался часто за такихъ, съ которыми никогда не говорилъ и съ которыми вовсе не былъ знакомъ. Жалкой логикѣ Заливскаго, что будто бы человѣкъ, самъ по себѣ ничтожный, можетъ подняться въ мнѣніи другихъ, посредствомъ связей съ генералами и высшими чиновниками, должно приписать всѣ сказки его о сношеніяхъ съ Потоцкимъ, Жимирскимъ, Круковѣцкимъ и т. п., которыя онъ между заговорщиками распускалъ изъ подтишка, а потомъ такъ безстыдно огласилъ за границею въ небольшой брошюрѣ, гдѣ нѣтъ ни одного слова правды. Прим. соч.

рыми школа подпрапорщиковъ обозначила дальнѣйшій ходъ свой къ арсеналу. Въмѣсто волоколовъ, смерть должна была ударить шумную тревогу въ Варшавѣ. Жертва сего естественнаго (!) расположенія умовъ—генераль Трембицкій, которому цесаревичъ Константинъ Павловичъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, поручилъ надзоръ за школою, (надзоръ, въ которомъ онъ явилъ всю строгость службы), попалъ въ руки подпрапорщиковъ, ѣдущій верхомъ въ бельведерской аллеѣ ¹⁾. Они знали куда онъ ѣдетъ—и онъ самъ не скрывалъ этого отъ нихъ. Но уважая въ немъ отличныя военныя способности и желая отклонить его, въ столь рѣшительную минуту, отъ замысловъ, вредныхъ (!) для Польши, они хотѣли обратить его на прямой путь, приобрести его для народа, — хотя, предъ тѣмъ онъ и сурово съ ними обходился. „Генераль!“ говорили они ему, какъ Потоцкому: „веди насъ далѣе!“ Когда онъ не соглашался, то къ просьбамъ присоединили грозныя намеренія, когда же, наконецъ, хотѣлъ вырваться отъ нихъ, то окружили его и повели подъ прикрытiемъ. Трембицкій души высокою, гордою, шелъ по неволѣ, онъ не щадилъ на пути ни дерзкихъ словъ, ни самыхъ угрозъ, повторялъ безпрестанно приказанiе положить оружье и сдаться на милость цесаревича, предлагая быть ходатаемъ за нихъ. Между тѣмъ у дома царскихъ намѣстниковъ вызываетъ къ нимъ на встрѣчу военный министръ, графъ Гауке, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, полковникомъ Мецишевскимъ. Гауке отозвался къ подпрапорщикамъ въ словахъ грубыхъ; а Мецишевскій, больше вспыльчивый и больше ненавидимый, выхватилъ изъ сѣдла пистолетъ и выстрѣлилъ. Оба легли на мѣстѣ. Раутенштраухъ, ѣхавшій за ними, услышалъ первый выстрѣлъ, бросился вправо по Трембецкой улицѣ—и этимъ спасъ себя. Нѣсколько шаговъ далѣе попадаетъ имъ карета. На вопросъ подпрапорщиковъ: „кто ѣдетъ?“ кучеръ отвѣчалъ: „генераль Новицкій!“ Нѣсколько пуль пробили въ мигъ карету. Этотъ несчастный генераль, съ которымъ бы не случилось ничего дурного, погибъ ошибкою: подпрапорщики ослышались. Они приняли Новицкаго за русскаго генерала Левицкаго, коменданта Варшавы.

¹⁾ Трембицкій былъ захваченъ подпрапорщиками на Новомъ Свѣтѣ. У дома, принадлежавшаго обществу любителей наукъ. Онъ ѣхалъ въ Лазенки, въ школу подпрапорщиковъ, получивъ отъ полицiи извѣстiе, что на Соліцѣ пожаръ.

скаго. Послѣ сихъ дѣяній революціоннаго терроризма, школа, обрызганная кровью, остановилась на углу улицъ Сенаторской и Бѣланской. „Генераль!“ говорили опять подпрапорщики плѣннику своему Трембицкому, свидѣтелю тѣхъ ужасныхъ сценъ: „пристань къ дѣлу народа, кромѣ начальства надъ нами; ты видишь, что ожидаетъ измѣнниковъ“.

Трембицкій отвѣчаетъ имъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: „не приму начальства надъ вами; вы подлецы, вы убійцы“. Подпрапорщики, и послѣ этихъ словъ, возобновляютъ еще свои просьбы; кричатъ ему всѣ: „генераль! мы даемъ тебѣ время для размышленія“. Провели его чрезъ почти всю Бѣланскую улицу—и снова остановились. Здѣсь, по произнесеніи къ подпрапорщикамъ: „вы можете лишить меня жизни, но никогда не принудите нарушить присяги, данной монарху!“ палъ Трембицкій, достойный, безъ сомнѣнія, лучшей участи, человѣкъ характера столь непреклоннаго, мужества столь неустрашимаго....

Польское войско было уже тогда собрано подъ арсеналомъ. Соединилась съ нимъ и школа подпрапорщиковъ....

И такъ тревогою, безъ рѣшительныхъ послѣдствій, началось дѣло на югѣ—въ Бельведерѣ и въ казармахъ непріятельской кавалеріи. Изъ всѣхъ предначертаній заговорщиковъ, ничто, почти ничто не удалось. Константинъ, проведя минуту величайшей опасности, сѣлъ на коня, нашелъ отрядъ кирасиръ у своего дворца и началъ понемногу собирать въ аллеяхъ всю свою кавалерію. Въ это самое время подходили изъ Ординецкихъ казармъ, на помощь школѣ подпрапорщиковъ: двѣ карабинерныя роты 3-го егерскаго и двѣ гренадерскія 6-го пѣхотнаго полковъ—слишкомъ тысяча человѣкъ пѣхоты. Это подкрѣпленіе, особливо при помощи артиллеріи (четырехъ орудій Нѣтокоца), могло дать иной оборотъ нашему дѣлу, если бы, подоспѣвъ въ пору, ударило въ русскую кавалерію спереди отъ города, когда подпрапорщики атаковали еще съ тылу. Названныя мною роты вышли изъ своихъ казармъ нѣсколько поздно. Одни изъ офицеровъ сихъ ротъ вовсе не принадлежали къ заговору; другіе, почти наканунѣ возстанія принятые, усиливались тщетно вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ давнѣйшихъ заговорщиковъ отнять команду у старшихъ офицеровъ, которые не чувствовали въ себѣ силы дѣйствовать въ духѣ заговора, какъ не имѣвшіе въ немъ участія. Да и роты шли не

вмѣстѣ, а врознь. По мѣрѣ приближенія ихъ къ костелу св. Александра, находившійся въ этой части города генералъ графъ Станиславъ Потоцкій отговаривалъ, сбивалъ съ пути одну роту за другою: приводилъ ихъ въ раздумье, а недоѣхавшихъ двѣ роты отослалъ къ цесаревичу, наконецъ окружила ихъ кавалерія. Такимъ образомъ всѣ роты доставались во власть великаго князя, въ то время, когда подпрапорщики дрались за Уздовымъ съ кираширами и въ Радзивилловскихъ казармахъ съ гусарами ¹⁾).

Все это происходило въ девятомъ часу вечера. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ построилъ свою кавалерію въ аллеяхъ, а польскую пѣхоту послалъ въ тылъ къ Бельведеру. Всего важнѣе было то, что онъ могъ каждую минуту послать за артиллеріею въ Гуру и въ Скѣрнивицы. Внезапно подходитъ къ нему неожиданная помощь. Одинъ изъ его адъютантовъ, Трембицкій, братъ генерала, — какъ только сдѣлалось замѣшательство въ городѣ, — велѣлъ ударить тревогу въ Мѣровскихъ казармахъ и съ цѣлымъ гвардейскимъ конноегерскимъ полкомъ (кромя отряда, бывшаго въ тотъ день на Саксонской площади для разъѣздовъ), пустился на рысяхъ, боковыми улицами, къ аллеямъ, ведущимъ въ Бельведеръ. Радость великаго князя при видѣ конныхъ егерей была невыразима; онъ подѣ ихъ защиту отдавалъ себя нѣкоторымъ образомъ: „на ихъ честь, на ихъ вѣрность полагался“, считалъ себя счастливымъ, что не все польское войско отступилось отъ него въ эту роковую минуту. Изъявленіе благодарности, увѣреніе, что такой благородный поступокъ онъ доведетъ до свѣдѣнія императора и другіе увлекательные отзывы, преувеличенные Курнатовскимъ, Винцентіемъ и Изидоромъ Красинскими, Эймонкою Скаржин-

¹⁾ Изъ названныхъ сочинителемъ 6-ти ротъ, только 4 изъ карабинерныхъ прибыли на площадь у св. Александра. Онѣ вмѣстѣ вышли изъ Ординецкихъ казармъ, въ которыхъ помѣщались, и вмѣстѣ же пришли къ костелу. Здѣсь засталъ ихъ генералъ Курнатовскій, командовавшій гв. кавал. дивизіею и отвелъ къ цесаревичу, — а гренадерскія роты 6-го пѣхотнаго полка (которыхъ квартиры находились на улицахъ Крулевской и Мирославской), всѣхъ тѣхъ генералъ отъ инфантеріи графъ Станиславъ Потоцкій, еще до прибытія ихъ къ костелу св. Александра, отослалъ къ цесаревичу. Обманутые офицеры и солдаты ни Курнатовскому, ни Потоцкому не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Школу подпрапорщиковъ встрѣтилъ графъ Потоцкій, возвращаясь уже въ городъ отъ цесаревича, по отводѣ къ его высочеству, поманутыхъ ротъ 6-го пѣхотнаго полка.

скимъ, обратили этотъ полкъ въ послушное противъ возстанія орудіе.... Конноегерскій полкъ, дѣйствующій противъ возстанія, давалъ видъ домашней распри между поляками, — портилъ (!) дѣло въ самомъ началѣ. Товарищи Кршижановскаго, одни изъ самыхъ давнихъ заговорщиковъ въ войскѣ.... изъ отвращенія къ предпріятію, которое уже разъ не удалось, были въ эту минуту усерднѣе и Гродненскихъ гусаръ, и польскихъ кирасиръ, — больше тѣхъ и другихъ пылали жаромъ пролетѣть галопомъ чрезъ цѣлый городъ и истоптать все, что, по ихъ словамъ, было „какимъ-то бунтомъ“, который казался имъ безвременнымъ, конечно потому, что не они его начали — ничего не имѣли, или лучше, не хотѣли имѣть въ немъ никто участія.

II.

Планъ дѣйствій мятежниковъ. — Доставка патроновъ. — Ожиданіе сигнала. — Тревога въ Волынскомъ полку. — Неудавшаяся попытка обезоружить Литовскій полкъ. — Ленгзвичъ. — Больбертъ. — Ген. Жишарскій. — Сборъ войска на Марсовомъ полѣ. — Стычка у арсенала. — Убіеніе ген. Блюмера. — Грессеръ. — Баталіонъ Майковскаго. — Нападеніе артиллеристовъ на арсеналъ. — Раздача оружія. — Тревога въ городѣ. — Участіе Бомбардирной школы. — Дѣятельность Нѣтоколя. — Кн. Четвертинскій. — Движеніе у арсенала. — Порядокъ. — Подполковникъ Хоржевскій. — Настроеніе Варшавы. — Великій князь. — Оборонительныя мѣры инсургентовъ. — Поручикъ Менцинскій. — Смерть Потоцкаго. — Сѣміонтковскій.

Таковъ былъ первый актъ 29-го ноября! вмѣсто того, чтобы обезоружить, мы только вызвали непріятеля къ бою въ южной части города. Такое-жъ послѣдствіе, какъ мы тотчасъ увидимъ, имѣли движенія инсургентовъ и въ противоположной сторонѣ, у заставъ Маримонтской и Повонзевской. Для лучшаго объясненія всѣхъ дѣйствій въ городѣ, я обозначу сперва главные пункты, которые были занимаемы разными отрядами польскаго гарнизона, и укажу какія движенія слѣдовало каждому изъ тѣхъ отрядовъ совершить по плану заговора.

Въ обширныхъ Александровскихъ казармахъ, пазывавшихся прежде Коростыми, на пути отъ Маримонтской заставы къ Здроямъ, помѣщался русскій пѣхотный полкъ, лейбъ-гвардія литовскій. Вмѣстѣ съ нимъ находились въ тѣхъ же Александровскихъ казармахъ: польскій гвардейскій гренадерскій полкъ, въ которомъ

состояло до 2,400 человекъ,—двѣ гренадерскія роты 1-го пѣхотнаго полка,—двѣ третьяго и двѣ 7-го пѣхотнаго.

По плану заговора, долженъ былъ гвардейскій гренадерскій полкъ, вмѣстѣ съ обѣими гренадерскими ротами 3-го пѣхотнаго, ворваться, съ заряженными ружьями, и въ то отдѣленіе казармъ, которое занималъ Литовскій полкъ, и взять его въ плѣнъ. Разомъ съ ними, обѣ гренадерскія роты 1-го пѣхотнаго полка должны были выступить изъ Александровскихъ казармъ въ направленіи къ Вислѣ, занять бывшіе тогда на сей рѣкѣ два моста и овладѣть предмѣстьемъ Прагою и находившимся на Прагѣ пороховымъ магазиномъ. Обезоруженіе Литовскаго полка въ его казармахъ поручено было поручику Урбанскому и другимъ заговорщикамъ.—а занятіе Праги майору 1-го пѣхотнаго полка Кѣжърницкому и поручику сего же полка Черномоскому.

Послѣ же Александровскихъ казармъ на улицѣ Закрочимской, въ казармахъ, называемыхъ Сапѣжинскія, стоялъ польскій 4-й пѣхотный полкъ. Первый его баталіонъ, съ частью 2-го, занималъ 29 ноября главные караульные посты въ городѣ ¹⁾. Изъ офицеровъ этого полка, бывшихъ на службѣ, слѣдовало однимъ остаться на своихъ постахъ, а другимъ сойти съ постовъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ нижними чинами. Подпоручикъ Юліанъ Заіончковскій, командовавшій карауломъ на Краковскомъ предмѣстѣ у монастыря Бернардиновъ, долженъ былъ ворваться въ находившійся возлѣ его поста театръ Розмантиосыци (Varieté), арестовать русскихъ офицеровъ, которыхъ тамъ застанетъ, а потомъ поднять тревогу въ городѣ по всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ арсеналу. Подпоручикамъ Макишевскому, у францискановъ (т. е. въ городской тюрьмѣ) и Готовскому, въ смиренительномъ домѣ (называвшемся тогда Проховая), дано было приказаніе наблюдать строго за арестантами и не допустить ихъ вырваться на свободу. Баталіонъ 4-го полка, находившійся въ своихъ казармахъ, долженъ былъ, тотчасъ за подачею сигнала, выступить къ арсеналу.

¹⁾ Сочинитель ошибается. Не 1-й баталіонъ, съ частью 2-го, содержалъ 29-го ноября караулы въ городѣ, — но 2-й съ нѣсколькими взводами двухъ гренадерскихъ ротъ 7-го пѣхотнаго полка, которыя, какъ сказано, помѣщались въ Александровскихъ казармахъ. Весь 1-й баталіонъ 4-го полка былъ 29-го въ своихъ казармахъ; онъ содержалъ караулы накануне.

Двумъ гренадерскимъ ротамъ 2-го пѣхотнаго полка, помѣщавшимся въ казармахъ на Поцѣиовѣ, назначено было занять площадь предъ банкомъ, а двумъ гренадерскимъ 8-го полка расположиться на Пивой улицѣ у Марцинканалъ и въ обывательскихъ домахъ, занять рынокъ въ той части города, которая называется Старое мѣсто.

Такимъ образомъ, по обезоруженіи гвардейскаго Литовскаго полка (въ чемъ не позволяло сомнѣваться превосходство нашихъ силъ въ Александровскихъ казармахъ), Новое мѣсто, Старое мѣсто (главные пункты въ серединѣ города), вся часть отъ Вислы и самое предмѣстье Прага должны были, безъ выстрѣла, достаться въ руки инсургентовъ, въ самомъ началѣ дѣйствій.

Въ другомъ главномъ же пунктѣ, у заставы Повонзковской, въ казармахъ на улицѣ Дзина, называвшихся прежде артиллерійскими, а со времени царства—Волинскими, стоялъ другой русскій пѣхотный полкъ, лейбъ-гвардіи Волинскій. Обезоруженіе непріятеля въ этомъ мѣстѣ представляло больше трудностей, нежели въ Александровскихъ казармахъ, ибо, за исключеніемъ человѣкъ тридцати польской бомбардирной школы, находились въ Волинскихъ казармахъ одни русскіе. Они, въ случаѣ нападенія, могли отразить нашихъ, могли запереться въ казармахъ или выйти съ орудіями, которыхъ было у нихъ четыре. Для обезоруженія сего полка, или, въ крайнемъ случаѣ, для удержанія его въ казармахъ, придумали заговорщики слѣдующія средства. У Марсова поля, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Волинскаго полка, въ казармахъ, называемыхъ Николаевскія, стоялъ польскій саперный баталіонъ. Сему баталіону велѣно было на Волинскій полкъ ударить съ тылу, коль скоро бы онъ выступилъ изъ своихъ казармъ и пошелъ къ Марсову полю; а спереди долженъ былъ напасть на него въ то же время баталіонъ 4-го пѣхотнаго полка, не бывшій въ тотъ день на службѣ, подкрѣпленный двумя гренадерскими ротами 5-го, которыми вмѣстѣ съ симъ баталіономъ слѣдовало прибыть туда въ арсеналу. Отъ ловкаго исполненія сего движенія зависѣло совершенное овладѣніе столицею. Народъ, поднятый статскими заговорщиками съ гнѣзда своего, Старога мѣста, а съ другихъ пунктовъ самымъ движеніемъ отрядовъ гарнизона, долженъ былъ наполнять площади Варшавы, переноситься массами съ мѣста на мѣсто для оживленія военнаго возстанія

и чтобы оно больше имѣло видъ революціоннаго обывательскаго¹⁾. Войнамъ не нужна была, въ предстоявшей борьбѣ, помощь народа, а потому и не предполагали заговорщики раздать ему оружіе изъ арсенала: войску нужно было только присутствіе народа, какъ важнаго свидѣтеля при первомъ торжественномъ актѣ возстановленія отчизны. Банкетъ, всѣ вообще кассы, всѣ казенныя заведенія и тюрьмы обезпечены были караулами, которыми, по распоряженію заговорщиковъ, не слѣдовало участвовать въ бою. Все дѣло въ городѣ основывалось на томъ, чтобы напасть нечаянно на слабѣйшаго непріятеля и обезоружить его или уничтожить, если бы онъ предпринялъ сопротивляться. Въ двумъ часамъ пополудни взяты были всѣ мѣры, нужныя для приведенія въ дѣйствіе сего плана, который былъ сообщенъ каждому заговорщику.

Возстаніе не имѣло главнаго начальника. Каждый подпоручикъ, каждый заговорщикъ былъ начальникомъ въ своемъ пунктѣ — и, къ удивленію, все шло наилучшимъ (!) образомъ, какъ будто бы одна невидимая рука управляла этою огромною сложною машиною. Недоставало боевыхъ патроновъ. Подпоручики 7-го полка Флоріанъ Домбровский и 1-го егерскаго Осипъ Пршиборовскій, взявши днемъ еще два фургона и съ ними двухъ солдатъ, поѣхали въ лагерь, арестовали унтеръ-офицера изъ ветерановъ, имѣвшаго надзоръ за патронами въ баракѣ генерала Блюмера, смѣнили сперва часовыхъ, будто бы по приказанію коменданта, нагрузили потомъ фургоны патронами, а на вопросъ у заставы: „что везутъ?“ отдѣлались отвѣтомъ: „новые мундиры для войска“. Такимъ образомъ они доставили пѣхотѣ нѣсколько десятковъ тысячъ боевыхъ зарядовъ, которые по казармамъ ротные офицеры и раздавали солдатамъ, передъ самымъ выступленіемъ ихъ изъ казармъ.

Еще до общаго движенія, какъ только смерклось, грендерскія 5-го полка роты, выведенныя подпоручиками Чарноцкимъ и Линовскимъ изъ квартиръ на улицахъ: Виронья, Луцва и Лѣшно, начали собираться за Красинскимъ садомъ, на площади около

¹⁾ Сочинитель невольно проговаривается здѣсь — указывая ясно, что нѣтъ былъ поднять не обывателями, которые не имѣли въ немъ ни малѣйшей нужды, при той благодѣтельной свободѣ, которою они пользовались съ 1815—1830 гг., а горстью фанатиковъ юношей, погубившихъ свое отечество!

манежа, шагахъ въ двухъ стахъ отъ квартиры варшавскаго коменданта генерала Любовидскаго (Левицкаго?). Они исполнили это очень ловко и осторожно. Въ городѣ царствовала еще глубокая тишина. Переходы солдатъ, не только въ малыхъ группахъ, но и въ значительныхъ отрядахъ, не изумляли никого, а если кто и спрашивалъ на этотъ счетъ, то отвѣчали офицеры: „что полки, по приказанію коменданта, выступаютъ на главный патруль“. Артиллерійская школа была уже готова; саперный баталіонъ, гренадерскія роты, караулы на всѣхъ пунктахъ ожидали съ нетерпѣніемъ условленнаго знака. Въ эту только минуту, принадлежавшіе къ заговору офицеры сочли приличнымъ, при раздатѣ патроновъ въ Салѣжнскихъ и Александровскихъ казармахъ, сказать солдатамъ о чемъ идетъ дѣло.... ¹⁾.

Наконецъ, пробило шесть часовъ на городской башнѣ и глаза всѣхъ невольно устремились на Сolecъ. При всемъ безпорядкѣ, какой обыкновенно сопровождаетъ первыя политическія потрясенія, ни одно изъ великихъ происшествій въ свѣтѣ не имѣло въ себѣ столько согласія, столько единомыслія (!!), какъ революція 29-го ноября 1830 г. Ни одного движенія, возникшаго изъ народнаго духа, нельзя было направить легче къ одной цѣли. Я увѣренъ, что если бы зарево подъ Сольцемъ засіяло въ условленную минуту, то обезоруженіе непріятеля въ городѣ было бы непременно приведено въ дѣйствіе, не смотря на то, что не было въ заговорѣ начальника, — и вся революція пошла бы тогда другимъ путемъ; ибо по взятіи въ плѣнъ (!?) русской пѣхоты, что же иное оставалось бы цесаревичу, какъ положить оружіе? Но не было намъ суждено начать разомъ такъ сильно и разумно! Пожаръ на Сольцѣ не загорался по причинамъ, когорыя я объяснилъ выше. За ожиданіемъ этого сигнала прошло въ городѣ не мало времени, — и все дѣло, такъ хорошо улаженное, испорчено проволочкою.

„Видно не бывать сегодня ни чему!“ разсуждали заговорщики во многихъ пунктахъ, по пробитіи 6-ти часовъ. Напряженное

¹⁾ Боевые патроны розданы были солдатамъ не прежде, какъ при выступленіи изъ казармъ. На всѣхъ пунктахъ не многимъ изъ нихъ было извѣстно куда ихъ ведутъ: однимъ говорили офицеры, что вбунтовались русскіе полки и они идутъ усмирять ихъ; другимъ, что русскіе рѣжутъ поляковъ.

Прим. перев.

ожиданіе не видѣло предъ собою конца, видѣло только вѣрную гибель. И въ 7 часовъ, и послѣ 7-ми, все оставалось еще на мѣстѣ: думали, что школа подпрапорщиковъ, но какимъ либо чрезвычайнымъ препятствіямъ, не успѣла начать въ условленное время. Не прежде какъ въ половинѣ 8-го пронеслась молніею вѣсть о движеніяхъ у Бельведера и въ Лазѣнкахъ. Крики „къ ружью!“ раздались тогда на нѣсколькихъ улицахъ и барабанный гулъ привелъ въ движеніе весь городъ. Произошло изъ этого естественно, что вмѣстѣ съ нами бросился къ ружью и непріятель, и такимъ образомъ, въ открытую борьбу обратилось то, что минутою прежде могло быть кончено внезапнымъ нападеніемъ.

Какой-то русскій штабъ-офицеръ или генералъ, подѣхавъ въ наемной коляскѣ къ казармамъ лейбъ-гвард. Волынскаго полка, приказалъ ударить тревогу и закричалъ изъ всей мочи: „проворныхъ людей къ пушкамъ!“ ¹⁾ Это былъ гонецъ изъ Бельведера ²⁾. Волынскій полкъ началъ тотчасъ готовиться къ выступленію, но не вдругъ сталъ подъ ружье. Пользуясь первыми минутами, подпоручикъ артиллеріи князь Четвертинскій успѣлъ безпрепятственно вывести изъ Волынскихъ казармъ помѣщавшуюся въ нихъ польскую бомбардирную команду. Цесаревичъ, еще въ началѣ октября замѣтивъ въ столицѣ волненіе умовъ со времени іюльскихъ въ Парижѣ происшествій, предназначилъ (отданнымъ тогда же приказомъ) каждому отряду гарнизона, польскому и русскому, особая сборныя мѣста, на которыя они должны были

¹⁾ Такъ у сочинителя: „prawornych ludiej do puszek!“ Перев.

²⁾ Что сочинитель приписываетъ здѣсь гонцу изъ Бельведера, то, вѣроятно, относится къ полковнику Овандеру, который, въ 1830 году, командовалъ 1-мъ баталіономъ Волынскаго полка. Подпрапорщикъ этого полка, Аксѣвъ, состоялъ въ школѣ польскихъ подпрапорщиковъ и находился на вечерней лекціи, когда Высоцкій, ворвавшись въ залу, произнесъ къ подпрапорщикамъ возмутительную рѣчь. Успѣвъ бѣжать изъ школы въ то самое время, какъ большая оной часть кинулась въ свой цейхаузъ за ружьями, Аксѣвъ посѣдѣлъ въ городъ и обо всемъ донесъ Овандеру, не заставъ полковаго командира генералъ-маіора Есакова, который находился тогда въ Брюлевскомъ дворцѣ въ главномъ штабѣ его высочества и потомъ захваченъ былъ мятежниками у арсенала, возвращаясь изъ штаба въ казармы. Овандеръ, жившій неподалеку отъ арсенала на улицѣ Нагѣвки, успѣлъ пробраться въ казармы и мгновенно принялъ всѣ нужныя мѣры для отраженія мятежниковъ, если бы они осмѣлились напасть на полкъ. Подпрапорщикъ Аксѣвъ, за примѣрное исполненіе своего долга, награжденъ впоследствии чиномъ прапорщика и орденомъ св. Анны 4-й степени.

явиться, коль скоро бы возникло въ городѣ какое-либо смятеніе. Волынскому полку назначены были мѣста: одному баталіону у банка, а другому у арсенала — и на сіи-то пунеты собирався идти Волынский полкъ.

Въ казармахъ Александровскихъ случилось то же, что и въ Волынскихъ. Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, часу въ 8-мъ, замѣчаетъ необыкновенное движеніе между поляками, выходятъ изъ своихъ казармъ, становится подъ ружье и собирается идти на Марсово поле, назначенное ему сборнымъ мѣстомъ. Поляковъ двигала съ мѣста революція, — а русскихъ вышенъясненный приказъ цесаревича. При Литовскомъ полку не было командира его, генералъ-маіора Энгельмана. Польскіе офицеры, принадлежавшіе къ заговору, не успѣвъ захватить литовцевъ въ ихъ казармахъ, хотѣли задержать ихъ на дворѣ, напавъ на нихъ внезапно. Не обошлось бы тутъ безъ кровопролитія; но недоброжелательство нашихъ ¹⁾ не допустило поправить того, что медленностію еще не совсѣмъ было испорчено. Дежурный по казармамъ, гвардейскаго гренадерскаго полка капитанъ Ленкѣвичъ, притворяясь, будто ни о чемъ не знаетъ, становится съ обнаженною шпагою у дверей и запрещаетъ полякамъ выходить подъ предлогомъ, „что нѣтъ на это приказанія“. Обезоруженіе Литовскаго полка, удобное въ его казармахъ, а на дворѣ съ болѣею трудностію сопряженное, было теперь совершенно невозможно. Подоспѣлъ и Кольбертъ (подполковникъ гвардейскаго гренадерскаго полка); онъ требовалъ, какъ и Ленкѣвичъ, чтобы полкъ ожидалъ приказанія великаго князя или, по крайней мѣрѣ, прибытія своего командира, дивизионнаго генерала Жимарскаго.

Между тѣмъ какъ Ленкѣвичъ и Кольбертъ останавливаютъ польскихъ солдатъ, выступили русскіе изъ своихъ казармъ въ величайшемъ порядкѣ, подъ начальствомъ варшавскаго коменданта генерала Левицкаго; Левицкій же, какъ только возникло смятеніе въ городѣ, сѣлъ на коня, полетѣлъ въ Александровскія казармы и, пользуясь бездѣйствіемъ заговорщиковъ, увелъ Литовскій полкъ на Марсово поле. Гренадерамъ слѣдовало нагнать этотъ полкъ; они могли заставить его положить оружіе (!!) на дворѣ, но сами

¹⁾ Не недоброжелательство, а вѣрность данной присягѣ со стороны нѣкоторыхъ офицеровъ-поляковъ.

Прим. перев.

насилу успѣли выйти на казарменный дворъ послѣ долгихъ споровъ съ Ленкевичемъ и Кольбертомъ. Въ этихъ казармахъ одинъ Кекерницкій (маіоръ 1-го пѣхотнаго полка) исполнилъ въ точности возложенную на него обязанность: онъ вывелъ безъ сопротивленія обѣ гренадерскія роты своего полка и тотчасъ ушелъ съ ними на Прагу ¹⁾. Урбанскій (гвард. гренад. полка поручикъ), желая загладить вредъ, которому главною виною была собственная его оплошность, ибо ему слѣдовало или прежде ввести Ленкевича въ заговоръ или теперь строго наказать его, объявилъ офицерамъ своего полка, бывшимъ въ заговорѣ, что до сихъ поръ дѣлалось все по условленному плану, а теперь надобно имъ идти съ гренадерами за Литовскимъ полкомъ и наблюдать за нимъ на Марсовомъ полѣ ²⁾. Въ ту самую минуту прѣзжаетъ въ казармы генералъ Жимарскій. Онъ застаётъ юлаковъ, собранныхъ на дворѣ поротно, бранить офицеровъ за раздачу солдатамъ патроновъ и спрашиваетъ по чьему приказанію они розданы? „Кто велѣлъ зарядить ружья?“ закричалъ Жимарскій, „гренадеры! сыпать порохъ съ полки!“ а вслѣдъ за симъ онъ двинулся въ баталіонныхъ колоннахъ за Литовскимъ полкомъ на Марсово поле, назначенное сборнымъ мѣстомъ и для гренадерскаго полка. Изъ бывшихъ въ заговорѣ офицеровъ полагали одни, что генералъ Жимарскій былъ обо всемъ предвѣренъ (а предвѣрить его долженъ былъ подполковникъ Пашковичъ) ³⁾ и потому не употребили противъ него никакихъ насильственныхъ мѣръ, полагая, что онъ слѣдуетъ внушенію Урбанскаго, что хочетъ дѣйствовать въ духѣ возстанія, но такъ, чтобы не выдать себя заранѣе; другіе же, угадавъ, что намѣренія Жимарскаго не самыя искреннія, полагали отступить отъ него съ своими ротами и исполнили это при самомъ выступленіи изъ

¹⁾ Кекерницкій, взятый въ плѣнъ въ Ковнѣ во время экспедиціи генерала Гельгуда, застрѣлился въ Вяткѣ, когда свѣдалъ, что требуется въ Варшаву предъ верховнымъ уголовнымъ судъ.

Прим. перев.

²⁾ Трудно повѣрить, чтобы Урбанскій давалъ какіе нибудь совѣты. По показаніямъ всѣхъ офицеровъ полка, онъ былъ въ тотъ вечеръ мертвъ пьянъ и еще до прибытія генерала Жимарскаго скрылся въ свою квартиру, легъ спать, и въ первые четыре дня мятежа нигдѣ не показывался.

Прим. перев.

³⁾ Пашковичъ, служившій прежде въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку, состоялъ въ то время при польскомъ комиссаріатѣ.

Прим. перев.

казармъ ¹⁾. Шесть мушкетерскихъ ротъ, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я и 2-я вольтижерная, подъ командою Чеховскаго, Ласкаго, Бартоновскаго, Рогускаго, Клементовскаго и Бортивѣвича, отдѣлясь отъ полка тотчасъ по выходѣ за казармныя ворота, пошли чрезъ Фавары и Закрочимскую улицу къ арсеналу ²⁾. На пути, у мѣста, называемаго Здрон, они встрѣтили пикеты маіора Кѣйбѣрницкаго, который занявъ мостъ, ведущій изъ Жолоборжа на Прагу, разставилъ своихъ часовыхъ отъ того моста до самой Гвардбядцкой улицы. Роты, пошедшія съ Жимарскимъ, заняли позицію на Марсовомъ полѣ, гдѣ сперва нѣсколько времени наблюдали за Литовскимъ полкомъ, а потомъ, вмѣстѣ съ литовцами, пошли въ Бельведеръ къ великому князю ³⁾.

¹⁾ За Жимарскаго можно ручаться, что онъ столько же зналъ о заговорѣ, какъ и генералъ графъ Станиславъ Потоцкій. Заговорщики, хваливъ одинъ предъ другимъ своими связями съ генералами, обманывали другъ друга. Самъ сочинитель раскрываетъ это во многихъ мѣстахъ, а между тѣмъ принимаетъ увѣренія ихъ за истину.

Прим. перев.

²⁾ Генералъ Жимарскій, собравъ весь полкъ в построенья его, повелъ на Марсово поле казармными воротами, ведущими на Гвардбядцкую улицу, но у самаго выхода взялъ вправо въ улицу, называемую Ватна. Такъ вышли всѣ роты 1-го баталіона, а за ними и 2-го баталіона, 2-я гренадерская и 7-я мушкетерская. Когда же пришла очередь выступать 8-й ротѣ, которой офицеры не успѣли прибыть въ казармы, то участвовавшіе въ заговорѣ подполучникъ Чеховскій, выбѣжавъ изъ 7-й, къ которой принадлежалъ, взялъ самовольно команду надъ 8-ю и вмѣсто того, чтобы повернуть на улицу Ватна, повелъ ее прямо по Гвардбядцкой, а потомъ на Закрочимской и Фрета къ арсеналу. Вслѣдъ за 8-ю пошли, по темнотѣ ночи, 9-я, 10-я, 11-я и 12-я мушкетерскія и 2-я вольтижерная и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ 8-ю попали у арсенала въ руки мятежниковъ.

Прим. перев.

³⁾ Къ Жимарскому воротилась отъ арсенала 9-я рота. Командира ея, капитана Шимановскаго, не было въ казармахъ при выступленіи полка. Встрѣтивъ ее на Закрочимской улицѣ, Шимановскій пошелъ при ней вмѣстѣ за 8-ю. По прибытіи къ арсеналу, увидѣвъ себя среди мятежниковъ и узнавъ, какимъ образомъ рота отдѣлилась отъ полка, онъ велѣлъ ей тотчасъ стать во фронтъ и, напомнивъ солдатамъ, что долгъ ихъ быть вѣрными монарху, а мѣсто тамъ, гдѣ назначено главнокомандующимъ и гдѣ знамя полка, повелъ ихъ прямо на Марсово поле. Солдаты повиновались безпрекословно своему ротному командиру; всѣ пошли за нимъ—и никто изъ присташихъ къ мятежу не осмѣлился напасть на Шимановскаго, хотя всѣмъ извѣстно было, куда онъ ведетъ свою роту. Такъ могли бы и прочіе ротные командиры сдѣлать, еслибъ достало у нихъ мужества отклонить своихъ солдатъ отъ участія въ мятежѣ. Но не успѣли бы полковые командиры; ибо они вообще ненавидимы были солдатами, и только къ себѣ ненависти должно отнести, что въ 4-мъ полку ни одинъ не взялъ сторону командира своего Богуславскаго, при насильственныхъ съ нимъ поступкахъ низшихъ офицеровъ, какъ наложено вслѣдъ за нимъ.

Прим. перев.

Таковая же точно сцена, только съ лучшимъ для революціи результатомъ, происходила въ казармахъ Сапѣжинскихъ. 4-й пѣхотный полкъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ цесаревича Константина Павловича. Заговорщики, чтобы задѣть этотъ полкъ за живое, распустили, за нѣсколько дней передъ 29-мъ ноября, разные слухи, будто бы ласки цесаревича сдѣлали изъ нихъ приверженцевъ Россіи, враговъ отечества и т. п. Такія разоглашенія достигли предположенной цѣли: никто не горѣлъ большимъ желаніемъ очиститься (!!) отъ подобныхъ упрековъ, какъ 4-й полкъ. Трудно было удержать рвеніе солдатъ, когда наступилъ условленный часъ ¹⁾. Подпоручики Пршерадзкій и Косицкій раздали боевые патроны; всѣ роты, бывшія въ Сапѣжинскихъ казармахъ, стали на дворѣ подъ ружье; поручики Любовидзкій, Свѣнцицкій и Вышпольскій выводили уже ихъ со двора — какъ вдругъ останавливаетъ ихъ полковой командиръ Богуславскій у самыхъ воротъ. Между Богуславскимъ и названными офицерами завязалась жаркая ссора; надобно было свалить его съ ногъ: такъ не расположена была къ народному дѣлу (?!!) вся старшина въ польскомъ войскѣ ²⁾. Богуславскій уступилъ только насилію заговорщиковъ и чуть было не поплатился жизнью за свое упорство. Надъ этимъ отрядомъ 4-го полка взялъ команду капитанъ Росляковскій, встрѣтивъ его на дорогѣ: онъ пошелъ съ нимъ по Францишканской улицѣ къ Налѣвкамъ и прибылъ къ арсеналу въ то самое время, когда завязалось тамъ живое и кровопролитное дѣло съ Волинскимъ полкомъ ³⁾.

¹⁾ Показаніе автора несправедливо. Солдаты 1-го баталіона 4-го полка, находившіеся (17) 29-го ноября въ казармахъ, выведены были къ арсеналу обманомъ офицеровъ и, до выступленія изъ казармъ, не знали куда ихъ ведутъ. Боевые патроны даны были имъ уже въ казармѣ, на Францишканской улицѣ.

Прим. перев.

²⁾ Въ какой мѣрѣ было не народнымъ дѣломъ это злополучное для всей страны возстаніе—проговаривается, какъ мы видѣли выше, самъ сочинитель этого разсказа.

Прим. перев.

³⁾ Семь ротъ 4-го полка помѣщались въ казармахъ Сапѣжинскихъ, — а три, 1-я мушкетерная и обѣ резервныя въ казармахъ Сѣраковскихъ въ близкомъ разстояніи отъ Сапѣжинскихъ. 29-го ноября, какъ сказано уже выше, находились 1-й баталіонъ въ казармахъ, а весь 2-й содержалъ караулъ въ городѣ. Изъ казармъ Сапѣжинскихъ вывелъ солдатъ поручикъ Любовидзкій, командовавшій 1-ю гренадерскою ротою за болѣзнію, изъ Сѣраковскихъ капитанъ Росляковскій, командовавшій 1-ю мушкетерскою. Оба отряда со-

Арсеналь, согласно плану заговора, охраняли обѣ гренадерскія роты 5-го пѣхотнаго полка; одна, подъ командою подпоручика Чарнецкаго, заняла позицію на улицѣ Пршеяздъ: между домами правительственной комисіи внутреннихъ дѣлъ и казармами гвардейской конно-артиллерійской батарейной батареи, а другая, подъ командою подпоручика Липовскаго, между барьерами артиллерійскаго манежа и площадью на Налѣвкахъ. Разставленные ими посты задерживали и брали подъ арестъ русскихъ офицеровъ, проходившихъ около нихъ. Сими постами были захвачены и посажены на арсенальную гауптвахту генералы Энгельманъ и Есаковъ, командиры гвардейскихъ русскихъ полковъ, Литовскаго и Волинскаго, также нѣсколько русскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Вдругъ даютъ знать, что идетъ Волинскій пѣхотный полкъ. Этотъ полкъ, какъ сказано выше, былъ предостереженъ высланнымъ изъ Бельведера офицеромъ; онъ выступилъ изъ казармъ вскорѣ по прибытіи того офицера, раздѣлился на двѣ части и двумя улицами, Дзикою и Налѣвками, съ орудіями впереди, приближался къ арсеналу. Предъ тѣмъ началъ горѣть деревянный домъ на улицѣ Дзика ¹⁾. У сего дома, гренадеры 5-го пѣхотнаго полка, командуемые подпоручикомъ Липовскимъ, видятъ предъ собою наступающій непріятельскій баталіонъ и встрѣчаютъ его батальнымъ огнемъ такъ мѣтко, что нѣсколько десятковъ русскихъ пало тотчасъ на мѣстѣ. Въ этотъ же моментъ подоспѣлъ къ арсеналу 1-й баталіонъ 4-го пѣхотнаго полка и развернулся за нимъ фронтомъ къ Налѣвкамъ. Командовавшій

шелъ у воротъ казармъ Сапѣжнскихъ. Росляковскій взялъ команду надъ обоими, т. е. надъ цѣлымъ 1-мъ баталіономъ и повелъ его къ арсеналу. Полковаго командира Богуславскаго, который удерживалъ солдатъ отъ выступления изъ казармъ, лишили офицеры начальства и, въ борьбѣ съ нимъ, повалили на землю, — а маіора Кандлера, который (17) 29-го ноября наиболѣе явилъ мужества и преданности на улицѣ Воловой, неподалеку отъ арсенала, такъ сильно ударилъ ружейнымъ прикладомъ, что онъ упалъ безъ чувствъ и впоследствии лишился слуха. Прибывъ въ казармы, по выходѣ уже 1-го баталіона, Кандлеръ побѣжалъ вслѣдъ за нимъ, достигъ его на Францишканской улицѣ, бросился въ ряды, не смотря на всѣ угрозы офицеровъ, успѣлъ троекратно остановить солдатъ своими увѣщаніями и только полученный имъ ударъ положилъ предѣлъ его усиліямъ возвратити ихъ къ долгу.

Прим. перев.

¹⁾ Этотъ домъ былъ подожженъ по приказанію подпоручика Заливскаго, для подачи сигнала отрядамъ польскаго гарнизона, расположеннымъ въ сѣверной части города.

Прим. перев.

симъ баталіономъ, капитанъ Росляковскій, открываетъ здѣсь столь же удачный огонь по другому баталіону Волинскаго полка, который шелъ къ арсеналу по Налѣвкамъ, подъ командою полковника Овандера ¹⁾. Пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась не болѣе пяти минутъ. Волинцы побѣжали въ чрезвычайномъ безпорядкѣ; потомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, пріостановились, подобрали тѣла убитыхъ и по командѣ, въ полголоса произнесенной, совершили въ порядкѣ свое отступление ²⁾.

Арсеналъ остался цѣлъ.

Между тѣмъ какъ рота подпоручика Липовскаго отражала непріятеля, гренадеры другой, того же 5-го полка, роты, подъ командою подпоручика Чарнецкаго, убили генерала Блюмера, который, подѣхавъ къ арсеналу, хотѣлъ сперва говорить къ солдатамъ, а потомъ, когда его, арестованнаго, вели на гауптвахту, вздумалъ отнимать у нихъ оружіе. Онъ палъ отъ двухъ только пуль, но разнеслась тотчасъ молва, что ему столько пуль попалю, въ голову и въ грудь, сколько несправедливыхъ приговоровъ подписалъ онъ....

Когда непріятель былъ уже отраженъ, подошли къ арсеналу тѣ роты польскаго гвардейскаго полка, которыя отстали отъ Жимарскаго, и двѣ гренадерскія 3-го пѣхотнаго. Подошла и школа подпрапорщиковъ. Собравшуюся въ этомъ мѣстѣ массу войска надобно было раздѣлить, чтобы дѣйствовать успѣшнѣе. Здѣсь узнаютъ инсургенты, одинъ отъ другого, обо всемъ случившемся на столькихъ пунктахъ столицы. Положеніе дѣла не было утѣшительно: вездѣ была неудача; но заговорщики не теряли духа. Они положили защищаться до послѣдняго, а въ особенности отстоять оружіе и казну—арсеналъ и банкъ. Подпоручикъ гвардейскаго гренадерскаго полка, Александръ Ласкій, поставилъ своихъ гренадеръ у дома комисіи внутреннихъ дѣлъ, для разсѣянія сколько нибудь толпы, тѣснившейся у арсенала

¹⁾ Полковникъ Овандеръ находился на улицѣ Дзика съ 1-мъ баталіономъ Волинскаго полка, а на Налѣвкахъ былъ 2-й баталіонъ, подъ командою полковника Либертова.

Прим. перев.

²⁾ Волинскій полкъ отступилъ на обонхъ пунктахъ, получивъ повелѣніе государя цесаревича не вступать въ бой съ мятежниками и избѣгать всякаго повода къ кровопролитію. Сіе повелѣніе даво было его высочествомъ для уничтоженія распространенныхъ заговорщиками слуховъ, будто бы русскіе нападаютъ на поляковъ и истребляютъ ихъ.

Прим. перев.

и мѣшавшей всѣмъ дальнѣйшимъ распоряженіямъ. Гренадеры устроили въ томъ же мѣстѣ баррикаду и поставили за нее орудія, обращенныя къ улицѣ Дзика.

Адъютантъ великаго князя Грессеръ избѣжалъ участи Блюмера почти чудеснымъ образомъ. Онъ свалился во весь опоръ къ Волинскимъ казармамъ и, подѣхавъ къ дому комиссіи внутреннихъ дѣлъ, спросилъ отъ имени великаго князя: „кто тутъ командуетъ“? Гренадеры пустили по немъ нѣсколько десятковъ выстрѣловъ. Подъ градомъ пуль погибъ только казакъ, ѣхавшій за нимъ, — а Грессеръ свалился съ лошади, получивъ нѣсколько тяжелыхъ, но не смертельныхъ ранъ. Его отнесли въ арсеналъ подъ гауптвахту ¹⁾.

Высланные за непріателемъ патрули донесли, что гвардейскій Волинскій полкъ пошелъ чрезъ Мурановъ на Марсово поле.... На Мурановѣ, 2-й его баталіонъ, бывшій подъ командою полковника Альбертова, столкнулся съ нашими саперами, шедшими подъ начальствомъ своего командира подполковника Майковскаго. Разойтись было невозможно. Русскіе вошли въ переговоры съ саперами, требуя свободного пропуска и предлагая его взаимно. Когда съ нашей стороны согласились на это, пошелъ баталіонъ Волинцевъ своей дорогой и на Марсовомъ полѣ соединился съ Литовскимъ полкомъ, наблюдаемымъ пристально гренадерами Жимарскаго, который всю ночь провелъ въ нерѣшительномъ положеніи посредника; — а другой баталіонъ Волинскаго полка занялъ свои казармы и окольные дома.

И саперному баталіону досталось также, въ вечеръ 29-го ноября, выдержать жаркій споръ съ командиромъ своимъ, подполковникомъ Майковскимъ. Этотъ баталіонъ находился въ тотъ

¹⁾ Адъютантъ Грессеръ ѣхалъ не въ казармы Волинскаго полка, но въ арсеналъ и раненъ былъ, возвращаясь уже отъ арсенала. Проѣзжая въ 1-й разъ около саперъ, стоявшихъ возлѣ гренадеръ, онъ спросилъ: „которая рота?“ — и на отвѣтъ, что „1-я піонерная“ — сказалъ: „а! капитана Гавронскаго!“ — Гавронскій и командовавшіе возлѣ него гренадерани, подпоручики Клементовскій и Лыскій, — узнавъ Грессера и заключая изъ положенія дѣлъ, что ему должно будетъ опять проѣзжать мимо нихъ, приказали солдатамъ стеречь его. Какъ скоро появился Грессеръ, забѣжали ему саперы дорогу, стащили съ лошади и дали нѣсколько тяжелыхъ ранъ въ голову. Ѣхавшій за нимъ казакъ убитъ былъ выстрѣломъ изъ толпы, бродившей около роты Гавронскаго (показаніе саперовъ и солдатъ польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка, допрашиваемыхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ).

день въ своихъ казармахъ. Марсово поле назначено ему было сборнымъ пунктомъ въ случаѣ смятенія въ городѣ: онъ выступилъ туда, прежде чѣмъ Майковскій успѣлъ прибыть въ казармы ¹⁾. Догнавъ его уже на самомъ Марсовомъ полѣ, Майковскій приказываетъ ему воротиться въ городъ. Участвовавшіе въ заговорѣ, капитанъ Гавронскій и подпоручики Карснинскій, Гасфортъ, Колтуновскій, Мальчевскій и Цернеръ представляли Майковскому, „что баталіону слѣдуетъ присоединиться къ народу“; — когда же слова ихъ не подѣйствовали, то поручикъ Мальчевскій выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и хотя не попалъ, но пуля, пролетѣвъ около уха Майковского, шепнула ему: „добрый совѣтъ“—какъ говорили саперы. Съ тѣхъ поръ нельзя было жаловаться на Майковского: онъ всею душою присталъ къ народному (!!) дѣлу.

Во время спибки подъ арсеналомъ, подпоручикъ сапернаго баталіона, Феликсъ Новосельскій, вывелъ школу артиллерійскихъ подпрапорщиковъ, въ которой онъ былъ прикомандированъ. Два орудія, данныя школѣ для практическаго ученія, стояли въ томъ же домѣ на Медовой улицѣ, въ которомъ помѣщалась школа, но не было лошадей. Новосельскій приказалъ впречь лошадей полковника Савинскаго, командира аппликаціонной школы, помѣщавшейся въ томъ самомъ домѣ; но какъ приказаніе это долго не исполнялось, то подпрапорщики на себѣ повезли орудія въ арсеналу. Состоявшій въ артиллерійской школѣ унтеръ-офи-

¹⁾ И здѣсь авторъ ошибается. Майковскій прибылъ въ казармы, еще до выступленія баталіона. Онъ самъ построилъ его и самъ повелъ на Марсово поле, которое цесаревичемъ назначено было сборнымъ мѣстомъ и для сапернаго баталіона. Этотъ баталіонъ принадлежалъ къ пѣшей гвардейской бригадѣ, которою командовалъ генералъ Жимарскій. Прибывъ первымъ на Марсово поле, Майковскій построилъ свой баталіонъ въ колонну и на занятомъ имъ мѣстѣ предполагалъ ожидать приказаній Жимарскаго; — но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, подпоручикъ Мальчевскій, находившійся впереди при саперномъ взводѣ, вышедши изъ фронта, приступилъ къ нему. Майковскому, съ требованіемъ, чтобы онъ велъ баталіонъ въ городъ. Получивъ отъ Майковского отвѣтъ, что безъ приказанія генерала Жимарскаго не тронется баталіонъ съ Марсоваго поля, Мальчевскій вынулъ изъ кармана пистолетъ и въ мигъ выстрѣлилъ въ своего командира, но не попалъ въ него: пуля прошла между Майковскимъ и стоявшимъ впереди него баталіоннымъ адъютантомъ Аксамитовскимъ. Такъ показалъ самъ Мальчевскій, который, по укрощеніи мятежа, найденъ былъ въ Царствѣ Польскомъ и осужденъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ. Прим. перев.

церъ Онуфрій Корженіовскій привезъ боевые заряды изъ лабораторіи ¹⁾. Артиллеристы, шедшіе съ Новосельскимъ, выстрѣлили на пути въ проѣзжавшаго мимо нихъ верхомъ адъютанта великаго князя, Безобразова, а по прибытіи въ арсеналъ, тотчасъ, не теряя времени, приступили къ выломанію арсенальныхъ воротъ и, на сей конецъ, потребовали патроновъ изъ желѣзной лавки, на Долгой улицѣ. Предполагалось, по плану заговора (какъ я сказалъ выше), сохранить въ цѣлости находившееся въ арсеналѣ оружіе; но теперь, послѣ столькихъ неудачъ, при умножающемся числѣ непріятеля, который былъ уже сильнѣе насъ, надлежало раздать народу этотъ драгоценный запасъ. Вскорѣ подоспѣло множество мастеровыхъ; они старались высадить съ крюковъ толстыя дубовыя ворота. Новосельскій, въ нетерпѣніи, велѣлъ выломать бывшія въ окнахъ рѣшетки и тотчасъ, чрезъ окна, начали подавать народу ружья, сабли и пистолеты ²⁾. Наконецъ вылетѣли и ворота, — но у ружей не было кремней. Стоявшій при артиллерійской лабораторіи поручикъ артиллеріи Штольцманъ указалъ секретное мѣсто, гдѣ спрятаны были кремни, что весьма способствовало къ вооруженію сперва малаго, а потомъ все большаго числа людей, приходившихъ за оружіемъ, а наконецъ, не долѣе, какъ чрезъ часъ, цѣлой варшавской черни, прилетѣвшей со всѣхъ сторонъ въ несмѣтной толпѣ. Съ двухъ особенно пунктовъ былъ поднятъ народъ въ одно и то же время: съ Краковского предмѣстья и съ Старога мѣста—тамъ военными, здѣсь статскими. Подпоручикъ 4-го пѣхотнаго полка Заіончковскій, командовавшій карауломъ на Краковскомъ предмѣстьи, слѣдуя данному приказанію, вбѣжалъ, вмѣстѣ съ отставнымъ подпоручикомъ Осипомъ Добровольскимъ, въ театръ Розмантиосци (*Variétés*), съ обнаженною саблею въ рукѣ и закричалъ: „Господа! вы здѣсь изволите веселиться, а между тѣмъ русскіе рѣжутъ нашихъ до тла!“ Вѣсть чрезвычайная, ужасная для суетнаго свѣта, забавляемаго комедіей!.... Публика бросилась на улицу

¹⁾ Корженіовскій ѣздилъ изъ лабораторію за зарядами, но не привезъ, потому что не было тамъ зарядовъ. Прим. перев.

²⁾ Не подпоручикъ Новосельскій, и не артиллерійская школа выломали ворота и окна въ арсеналѣ, но подпоручикъ 4-го пѣхотнаго полка Заіончковскій, по приходѣ туда съ гауптвахты, что на Краковскомъ предмѣстьи, гдѣ онъ 29-го ноября командовалъ карауломъ.

Прим. перев.

и въ цѣломъ городѣ распространила ужасъ. Заіончковскій и Добровольскій отправились съ карауломъ далѣе, съ криками: „въ оружію!“ подняли тревогу на улицахъ: Подвалѣ, Сенаторской и Медовой. Возлѣ Сигизмундова монумента, они захватили молодого Жандра, корнета лейбъ-гвардіи уланскаго цесаревича полка, и прибыли въ арсеналу въ то время, когда тутъ ломились въ ворота—въ минуту нападенія Волынскаго полка на нашихъ.

Вездѣ съ трескомъ запирали лавки и дома. Фонари погасли. Одни изъ жителей скрывались передъ смятеніемъ, котораго послѣдствія были еще такъ сомнительны; другіе смотрѣли на него изъ оконъ и съ крышъ. Смѣльчаки и любопытные выбѣгали на улицу и собирали тысячи пустыхъ слуховъ. Но городъ обратился тотчасъ въ пустыню; только простой народъ, мастера: сапожники, портные, кузнецы, слесари въ мигъ смекнули дѣломъ.

На Старомъ мѣстѣ—среди преданій 1794 года, на той классической мостовой, гдѣ, при Костюшкѣ, вышло столько измѣнниковъ,—ожидали сигнала къ дѣйствию: Ксаверій Брониковскій, Владиміръ Корманскій, Осипъ Козловскій, Анастасій Дуниязъ, Михайло Дембинскій и я, съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, какимъ томились заговорщики на всѣхъ прочихъ пунктахъ столицы. Прошло семь часовъ—и нѣтъ конца напрасному ожиданію! Брониковскій отправляется на Новый святъ развѣдать, что дѣлается. Черезъ полчаса возвращается онъ съ страшнымъ извѣстіемъ, „что цесаревичъ только-что выѣхалъ изъ французскаго театра въ Бельведеръ. Въ возрастающемъ безпокойствѣ нашемъ на счетъ успѣха возстанія, слышимъ мы наконецъ вдали барабанный бой и выходимъ на площадь, крича: „въ оружію, въ оружію!“ Въ это самое время подходятъ изъ бывшихъ вблизи казармъ двѣ роты 8-го пѣхотнаго полка ¹⁾. Одинъ изъ офицеровъ, на вопросъ нашъ: „не пора ли приняться за дѣло?“ отвѣчаетъ съ притворнымъ удивленіемъ: „о какомъ дѣлѣ говорите вы, господа?“

„Мы пришли сюда“,—присовокупилъ онъ—„потому, что здѣсь дорога къ нашему сборному мѣсту“.

Этотъ отвѣтъ, показывающій чрезвычайную осмотрительность,

¹⁾ Въ окрестностяхъ Старога мѣста нѣтъ вовсе казармъ. Гренадерскія роты 8-го пѣхотнаго полка расположены были на ближнихъ улицахъ въ обывательскихъ домахъ.

имѣлъ свои основанія ¹⁾; ибо, въ случаѣ неудачи, могли офицеры, поступая осторожно, оправдать себя предъ великимъ княземъ, сославшись на приказъ, которымъ велѣно имъ было выступить изъ казармъ къ сборнымъ мѣстамъ, какъ только замѣчено будетъ какое либо смятеніе въ городѣ. Но въ мигъ раздались крики на ближнихъ улицахъ, на Пивной и на Подвалѣ; сбѣжалось множество народа на площадь Старого мѣста. Мы говорили къ народу какъ умѣли; когда же собралось его больше, отправились съ нимъ по Сенаторской и Медовой къ арсеналу. Обѣ помянутыя роты слѣдовали за нами до того мѣста, гдѣ сходится Сенаторская съ Медовою, а отсюда пошли къ дому правительственной военной комиссіи и заняли ея дворъ, который былъ имъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ.

На улицѣ Долгой, шагахъ въ двухъ стахъ отъ арсенала, масса народа была уже велика; онъ приставакъ со всѣхъ сторонъ къ толпѣ, которую мы вели съ Старого мѣста; вездѣ носились революціонныя крики. Въ томъ разстояніи слышали мы пальбу у арсенала; она открыта была нашими по Волинскому полку, который напиралъ на 4-й пѣхотный и на гренадерскія роты 5-го. Эти первые выстрѣлы подѣйствовали на народъ такъ сильно, что все пришедшее съ нами, все стремившееся съ Подвала и съ Нового мѣста, разбѣжалось во мгновеніе ока и невѣдомо куда дѣвалось, оставивъ на улицѣ насъ однихъ. Нѣтъ ничего тревожнѣе въ первыхъ минутахъ, какъ народъ невооруженный. Первые сборища суть обыкновенно толпы любопытныхъ. Вскорѣ минулъ тутъ мгновенный испугъ: мы снова побѣжали на Старое мѣсто, и народъ началъ снова собираться. Пораженный первымъ впечатлѣніемъ, онъ распространялъ повсюду вѣсть: „что русскіе рѣжутъ нашихъ!“ Эти слухи помогли намъ взволновать чернь, столпить ее въ разныхъ пунетахъ столицы и стануть къ центру съ самыхъ дальнихъ концовъ.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалось съ тѣми четырьмя, нѣ-

¹⁾ Отвѣтъ офицеровъ имѣлъ основанія самыя простыя: обѣ гренадерскія роты 8-го пѣхотнаго полка не участвовали въ заговорѣ и весь вечеръ, а потомъ и цѣлую ночь съ 29 на 30 ноября простояли спокойно у Военной комиссіи, гдѣ назначено имъ было сборное мѣсто. Командиръ этого полка, полковникъ Сържинецкій, находившійся въ тотъ вечеръ въ Варшавѣ, прибѣгалъ къ нимъ нѣсколько разъ и не допустилъ ни офицера, ни солдата сойти съ мѣста.

сколько уже разъ упомянутыми орудіями, которымъ, по плану заговора, слѣдовало быть на пригоркѣ у Радзивилловскихъ казармъ и стрѣлять оттуда на воздухъ, во время спячки подпорщиковъ съ русскою кавалеріею, — ибо въ этотъ именно моментъ надлежало поручику Нѣтокоци прибыть съ орудіями на тотъ пригорокъ и начать дѣйствія, которыя заговорщиками соображены были съ выступленіемъ шести ротъ изъ Ординацкихъ казармъ.

Артиллерія, на которую много рассчитывало возстаніе, состояла: изъ 8-ми орудій конно-артиллерійской гвардейской батарейной батареи, помѣщавшейся въ гвардейскихъ артиллерійскихъ казармахъ, — изъ 3-хъ орудій, находившихся въ арсеналѣ, — изъ 2-хъ легкихъ, данныхъ артиллерійской школѣ для практическаго ученія, которыя, какъ мы уже видѣли, вывезъ оттуда Новосельскій, — и изъ 4-хъ бывшихъ при бомбардирной школѣ. Сими-то послѣдними назначено было занять позицію у Радзивилловскихъ казармъ. Отъ того-ли, что въ заговорѣ мало пеклись о вовлеченіи артиллерійскихъ и другаго оружія офицеровъ, или же отъ безпорядка въ сношеніяхъ главныхъ заговорщиковъ, которые, поручая приемъ новыхъ лицъ одинъ другому, не всегда удостовѣрялись, какъ исполнены данныя порученія, — открыта была тайна бомбардирной школѣ не прежде, какъ наканунѣ возстанія, хотя всѣ полагали, что она давно уже въ заговорѣ. Правда, что, за нѣсколько еще недѣль до 29-го ноября, офицеры этой школы Нѣтокоцъ, князь Янушъ Четвертинскій и Хоѣнцикій, по собственнымъ догадкамъ, приняли нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. Учредили они въ сихъ видахъ надежнѣйшій присмотръ за лошадьми бомбардирной школы, стоявшими далеко отъ орудій, назначая въ конюшняхъ только такихъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ образъ мыслей былъ извѣстенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не переставали внушать всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ что, въ случаѣ замѣшательства въ городѣ, положеніе ихъ будетъ опасное, чѣмъ другихъ отрядовъ польскаго гарнизона, такъ какъ бомбардиры помѣщались въ казармахъ лейбъ-гвардіи Волинскаго полка, слѣдовательно среди русскихъ, которые могли тотчасъ на нихъ броситься и вырѣзать ихъ. Но всѣ эти приготовленія дѣлались безъ вѣдома начальниковъ заговора и были слѣдствіемъ только предусмотрительности офицеровъ, которыхъ никто не предупредилъ ни

о мѣрахъ, принимаемыхъ къ произведенію возстанія, ни о срокѣ, назначенномъ для начатія. Бывшему при бомбардирной школѣ учителемъ поручику Нѣтокоцу, пользовавшемуся довѣріемъ товарищей и нижнихъ чиновъ, не прежде какъ наканунѣ 29 ноября, сообщилъ поручикъ Штольцманъ, по порученію Высоцкаго, что возстаніе наступитъ въ слѣдующій день вечеромъ и что общество возлагаетъ на него вывести въ шесть часовъ вечера четыре орудія къ Радзивилловскимъ казармамъ ¹⁾. Нѣтокоцъ, хотя и поздно поручили ему дѣло, сопряженное съ чрезвычайными трудностями, общалъ всякую съ своей стороны помощь, но не очень вѣрилъ, чтобы въ слѣдующій день могло послѣдовать возстаніе, рассуждая, и весьма основательно, что если революціи нужны пушки, то надобно было ранѣе подумать о нихъ.

Не ожидая ничего важнаго, Нѣтокоцъ, 29-го ноября, весь день просидѣлъ у себя на квартирѣ. Когда пробило шесть часовъ, когда прошло семь и даже за половину восьмаго, а на улицахъ никакого не замѣтно было движенія, — усомнился онъ совершенно въ революцію, и не прежде, какъ послѣ первыхъ криковъ: „къ оружію“, началъ принимать мѣры къ выступленію съ орудіями. Орудія стояли въ полѣ, за лагеремъ сапернаго баталіона, верстахъ въ семи отъ Радзивилловскихъ казармъ; люди отъ сихъ орудій были въ казармахъ Волынскаго полка; лошади — въ казармахъ гвардейской артиллеріи, а аммуниція — въ лабораторіи. Сколько же препятствій предлежало одолѣть въ столь короткое время! Но Нѣтокоцъ уладилъ все съ быстротою неизъяснимою. Подпоручикъ князь Янушъ Четвертинскій былъ 29-го ноября дежурнымъ въ Бомбардирной школѣ ²⁾. Узнавъ отъ товарища своего Хоѣнцакаго, что въ шесть часовъ пополудни положено начать возстаніе, онъ послалъ, при наступленіи вечера, нѣсколько человекъ рядовыхъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ въ конюшни гвардейскихъ артиллерійскихъ казармъ надѣть хомуты на лошадей, послѣ переклички велѣлъ бомбардирамъ не отлучаться

¹⁾ Поручикъ Нѣтокоцъ откомандированъ былъ въ бомбардирную школу изъ легкой пѣшей № 1-й роты, а поручикъ Штольцманъ состоялъ по артиллеріи и находился при арсенальномъ управленіи, въ званіи адъютанта.

Прим. перев.

²⁾ Подпоручикъ князь Четвертинскій былъ прикомандированъ къ Бомбардирной школѣ, изъ конно-артиллерійской № 2-го батарея, которая квартировала Подляскаго воеводства въ г. Седльцѣ.

Прим. перев.

изъ казармъ ни на шагъ и, вѣривъ тайну нѣсколькимъ унтеръ-офицерамъ, возложилъ на однихъ внушить солдатамъ, что ожидаютъ въ школу главнаго ея командира, генерала Бонтанъ; то въ его присутствіи будетъ вторая переключка, и чтобы затѣмъ были они всѣ готовы въ казармахъ, — а другихъ послать въ арсеналу съ тѣмъ, чтобы дали ему знать, какъ только соберутъ около него отряды польскаго гарнизона, — ибо не прежде какъ по занятіи арсенала предполагалъ Четвертинскій вывести солдатъ изъ казармъ, чтобы не встревожить заранѣе Волинскаго полка. Вскорѣ прибѣжали унтеръ-офицеры съ донесеніемъ, что у арсенала собирается польское войско. Началъ тогда же выступать и Волинскій полкъ, свѣдавъ о тревогѣ въ городѣ отъ присланнаго великимъ княземъ офицера. Четвертинскій, при помощи унтеръ-офицеровъ, провелъ Бомбардирную школу сквозь русскихъ, выль съ собою съ казармной гауптвахты караулъ, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ артиллеристовъ, поспѣшилъ въ казармы гвардейской артиллерійской батареи и обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ донесъ командовавшему тою батареею подполковнику Хоржевскому, который важную его услугу принималъ какъ нельзя холонѣе. Хоѣницкій, еще до Четвертинскаго, прибылъ въ тѣ же казармы: подоспѣлъ тотчасъ и Нѣтокоць, взялъ съ собою Школу, завернулъ въ арсеналъ за ружьями для бомбардировъ и чрезъ Лѣшно (ибо Повонзковская застава была занята русскими) отправился въ лагерь за орудіями. На улицѣ Лѣшно, Нѣтокоць вмѣстѣ съ Хоѣницкимъ и бомбардирами, отбилъ тюрьмы въ Кармелитскомъ вѣнцѣ, что взяло у него также не мало времени. Не далѣе, какъ черезъ часъ послѣ того, Нѣтокоць, собравъ всѣ принадлежности своей артиллеріи, разбросанныя на столь многихъ мѣстахъ, привелъ четыре орудія съ лошадьми, ammunition и бомбардирами въ городъ чрезъ Вольскую заставу и пошелъ по Электоральной улицѣ, въ намѣреніи пробраться къ Александровскому костелу, а оттуда къ Радзивилловскимъ казармамъ. Но все это было уже поздно! Бомбардирная школа, не вѣдая ни о чемъ, встрѣтилась около банка съ командою гвардейскаго конно-егерскаго полка, который, передавшись великому князю, высылалъ сильные разѣзды въ городъ. Начальникъ той команды, прибывъ въ обману довольно низкому, для узнанія отъ Нѣтокоця и отъ бомбардировъ революціоннаго отзыва, велѣлъ своимъ егерямъ

окружить орудія и, какъ бы прикрывая ихъ, повелъ къ цесаревичу ¹⁾. Штольцманъ и Высоцкій увѣрили Нѣтокоца, что сонные егеря будутъ за насъ,—не мудрено-же, что онъ на нихъ положился! Но какъ изумились добрые бомбардиры, когда великій князь выслалъ къ нимъ адъютанта своего, полковника Турхо, съ изъясненіемъ благодарности за прибытіе съ орудіями во-время и когда, вслѣдъ затѣмъ, онъ отправилъ курьера въ Петербургъ съ донесеніемъ, что часть польской артиллеріи перешла на его сторону! Трудно описать отчаяніе Нѣтокоца и Хоѣнцаваго! Они хотѣли лишиться себя жизни и особенно, когда солдаты и унтеръ-офицеры приступили къ нимъ съ горькими и отчасти справедливыми упреками за позднее выступленіе. Ихъ удержала только та мысль, что еще можно имъ будетъ загладить свою вину, обративъ орудія противъ Константина, если бы онъ вздумалъ атаковать городъ ²⁾. По овладѣніи арсеналомъ, толпы народа шумнаго. большею частію уже вооруженнаго, переносились съ улицы на улицу, отъ предмѣстья къ предмѣстью. Вдоль по Вислѣ городъ былъ въ нашихъ рукахъ; войско наполняло въ особенности одну часть города, Налѣвки, и площади передъ домомъ Коммисіи внутреннихъ дѣлъ, передъ арсеналомъ и передъ банкомъ; въ этихъ мѣстахъ народъ прибывалъ безпрестанно. Каждую минуту ожидали нападенія непріятеля съ двухъ сторонъ: отъ Но-

¹⁾ Все это неправда. Нѣтокоца, съ 4-мя орудіями и съ находившимися въ Бомбардирной школѣ нижними чинами, встрѣтилъ начальникъ всей польской артиллеріи, генералъ Ределъ, на улицѣ Братской, примыкающей къ площади, на которой костьялся с. Александръ. Генералъ Ределъ, не полагаясь на увѣренія Нѣтокоца, что онъ идетъ къ Бельведеру, велѣлъ встрѣченной имъ командѣ конныхъ егерей эскортировать школу и, подъ этою эскортою, отвелъ ее и бывшія при ней орудія къ цесаревичу. Нижніе чины, которые не знали даже, куда ихъ велѣлъ Нѣтокоць, были и на пути и въ Бельведерѣ особенно покорны. Самъ Нѣтокоць увѣрялъ всѣхъ бывшихъ при цесаревичѣ генераловъ въ своей неограниченной преданности.

Прим. перев.

Когда, на другой день, одинъ изъ русскихъ генераловъ, кажется Герштенцвейгъ, указывалъ бомбардирамъ, въ которую сторону оборотить орудія въ случаѣ нападенія бунтовщиковъ, Нѣтокоць сказалъ ему: „извините генералъ! Я въ своихъ стрѣлахъ не буду—и не только я, но и ни одинъ изъ моихъ солдатъ“.

Авторъ.

Прим. перев. Это такой же вздоръ, какъ и горе солдатъ объ отправленіи великимъ княземъ курьера съ донесеніемъ, что Бомбардирная школа не пристала къ бунтовщикамъ. Какъ будто цесаревичъ давалъ знать солдатамъ, о чѣмъ пишетъ къ государю императору!!!

Прим. соч.

ваго свята—его кавалеріи, а отъ Марсова поля—пѣхоты. Надлежало обезпечить ту центральную позицію. На сей конецъ Артиллерійская Школа выкатила изъ арсенала три легкія орудія, а два еще прежде привезла изъ своихъ казармъ, съ Медовой улицы. Эти пять орудій разставили такимъ образомъ: два, подъ командою поручика артиллеріи Грабовскаго, защищали доступъ къ Муранову; другія два, подъ командою подпоручика Валигурскаго, обстрѣливали площадь передъ домомъ Комисіи внутреннихъ дѣлъ изъ-за баррикады, устроенной гвардейскими гренадерами наскоро изъ кирпича; одно орудіе, обращенное на улицу Лѣшно, было подъ командою Новосѣльскаго. Это движеніе около арсенала, являло особое, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Гдѣ столько собралось войска, столько вооруженнаго народа, гдѣ столько офицеровъ раздавали приказанія, гдѣ каждый начальствовалъ, распоряжался, кричалъ, — тамъ, кажется, нельзя бы было не произойти безпорядку, который описать трудно, а остановить еще труднѣе. Между тѣмъ случилось совсѣмъ противное. Всякій благоразумный совѣтъ былъ тотчасъ исполняемъ и добрая воля каждого заступала высшую власть. Инсурекція безъ главнаго предводителя, остановленная, передъ началомъ своимъ и во время ополченія народа, самою несчастною проволочкою, необезоружившая врага, собранная потомъ случаемъ, нуждою, инстинктомъ собственнаго спасенія въ одну массу. въ одинъ пунктъ, — показала себя подлинно мастерски (!) въ этой оборонительной и довольно грозной позиціи. Непріятель не смѣлъ ¹⁾ напасть на насъ вторично. По неимѣнію готовыхъ зарядовъ, подпрапорщики Артиллерійской Школы, явившіе себя въ эту минуту истинными сынами отечества, приготавливали пушечные заряды изъ нѣсколькихъ фунтовъ пороха, найденнаго случайно въ арсеналѣ, а ядра подбирали изъ лежащихъ предъ арсеналомъ. Недоставало пыжей; тотчасъ гренадеры и саперы, не смотря на стужу, поскидали рукавицы и употребили ихъ на заряды вмѣсто пыжей. Но при всемъ этомъ

¹⁾ Совершенный вздоръ. Общеизвѣстный фактъ, что инсурекція была бы задавлена въ первыя же минуты вспышки, если бы десаревичъ Константинъ Павловичъ явилъ большую рѣшительность и не увлекся несчастною мыслью—не поднимать оружія, дабы не навлечь укоровъ, что русскіе проливаютъ кровь поляковъ. И вотъ, вмѣсто десятковъ жертвъ, погибли потомъ десятки тысячъ, страна вся обогрилась кровью въ братоубійственной войнѣ.

слѣдовало еще укрѣпить много открытыхъ мѣстъ, дававшихъ непріятелю свободный доступъ; а главная артиллерія Варшавскаго гарнизона, т. е. гвардейская батарея Хоржевскаго оставалась до гѣхъ поръ въ совершенномъ бездѣйствіи. По уходѣ Нѣткова съ Бомбардирною школою въ саперный лагерь за орудіями, подпоручикъ князь Четвертинскій и состоявшій въ артиллерійской школѣ унтеръ-офицеръ Гаевскій остались въ казармахъ гвардейской батареи. Тщетно старались они убѣдить командира ея, подполковника Хоржевскаго, чтобы онъ послалъ на Прагу за зарядами, въ которыхъ вездѣ оказывался недостатокъ. Хоржевскій отговаривался то тѣмъ, то другимъ и даже въ грубыхъ выраженіяхъ остановилъ Гаевского. Лучшій успѣхъ имѣло требованіе подпоручика Новосѣльскаго. Онъ вбѣжалъ въ казармы и, приближась къ командиру батареи со взведеннымъ пистолетомъ въ рукѣ, оставилъ ему на выборъ: смерть или скорую рѣшимость въ дѣлѣ народа (!). Тогда только Хоржевскій послалъ на Прагу князя Четвертинскаго и унтеръ-офицера батареи Шадурскаго, съ тремя фурами и однимъ ящикомъ. Четвертинскій взялъ съ собою у арсенала взводъ 4-го пѣхотнаго полка, подъ командою подпоручика Пршерадзскаго, а какъ носился слухъ, что кирасиры, зайдя отъ Сольца, пресѣкли сообщеніе между Варшавою и Прагою, то для усиленія своей эскорты, звалъ онъ вездѣ народъ идти за фурами. Эта торжественная процессія принуждена была остановиться на Краковскомъ предмѣстьи. Патруль саперовъ встрѣтилъ ее у Сигизмундова монумента съ извѣстіемъ, что конные егеря стрѣляли по немъ и напираютъ отъ Саксонской площади. Фуры могли быть захвачены; но саперы очистили имъ дорогу, начавъ дѣйствовать противъ конныхъ егерей и принудивъ ихъ оставить Саксонскую площадь.

Маіоръ Кежерницкій, уже около трехъ часовъ, занималъ Прагу съ двумя гренадерскими 1-го пѣхотнаго полка ротами. Тотчасъ, по прибытіи туда, онъ послалъ патрули во всѣ стороны, велѣлъ развести половину моста на Вислѣ, а ворота пороховаго магазина приказалъ выломать, постановивъ взорвать его на воздухъ, если бы русскіе учинили нападеніе въ превосходныхъ силахъ. По прибытіи своихъ, онъ снабдилъ ихъ зарядами, которые такимъ образомъ пришли чрезъ часъ по отпращиваніи фуръ изъ казармъ гвардейской батареи. На Прагѣ, Четвертинскій роздалъ

два тюка ружейныхъ патроновъ провожавшему его народу, который, стрѣляя безпрестанно около фуръ, чуть было не зажегъ ихъ, а проѣзжая чрезъ городъ, онъ раздавалъ патроны народу и войску; далъ пушечныхъ зарядовъ стоявшей около арсенала артиллеріи, а остальные увезъ въ казармы гвардейской батареи.

Не было, наконецъ, у Хоржевскаго отговорокъ къ удержанію своей батареи отъ дѣйствія въ столь важное время. Онъ расхаживалъ по казармному двору, заложа руки, придумывая средства, какъ бы продлить еще бездѣйствіе. Прежде не было у него зарядовъ; теперь, когда ихъ привезли, онъ представлялъ, что не можетъ безъ прикрытія выступить съ орудіями на улицу. Устранили и это препятствіе. Пришла тотчасъ рота гренадеръ изъ подъ арсенала. Пѣхотные офицеры разсуждали между тѣмъ, не наказать ли примѣрно, то есть смертію, столь явнаго упорства. Участь Хоржевскаго была крайне сомнительна. Но Четвертинскій поставилъ на видъ, что Хоржевскій можетъ еще съ пользою служить отечеству; что не отказывается онъ отъ участія въ дѣлѣ народа, но ожидаетъ только какихъ-то приказаній. Одни эти уваженія спасли командира гвардейской батареи. Унтеръ-офицеръ Онуфрій Корженіовскій сказалъ ему передъ фронтомъ пѣхотной роты, пришедшей для прикрытія: „что теперь, безъ явной измѣны (!), не можетъ онъ удерживать орудія въ казармахъ“. Пушечные и пистолетные заряды были уже розданы по взводамъ: Хоржевскій по неволѣ долженъ былъ приказать батарее выступить. Она тронулась изъ казармъ около полуночи и заняла слѣдующія позиціи: подпоручикъ Орловскій, съ первымъ взводомъ, сталъ лицомъ къ Налѣвкамъ и Ново-липью; поручикъ Лабановскій и подпоручикъ Экфельскій поставили четыре орудія на Красинской площади, обративъ одно къ улицѣ Фрета, другое на Медовую, а два оставили у театра. Подпоручикъ графъ Гауке занялъ площадь Тлумацкую, навелъ одно орудіе на улицу Лѣшно, гдѣ уже не было Новосѣльскаго, а другое поставилъ на улицѣ Бѣлянской, по направленію къ Савсонской площади.

Эта артиллерія обезпечила внутреннюю оборону. Чтобы точнѣе понять, въ какомъ состояніи находились тогда инсургенты, бросимъ взглядъ на планъ Варшавы. Всѣ улицы, ведущія къ арсеналу, были укрѣплены; доступъ къ нимъ, съ одной стороны, отъ

Марсова поля и отъ казармъ Волынскаго полка, а съ другой стороны, отъ Новаго свята, былъ достаточно обезпеченъ; народъ въ большихъ толпахъ окружалъ повсюду войско. Тутъ дружились онъ съ солдатами и поддѣрпывалъ въ нихъ духъ своимъ числомъ, своею вѣрою, своею на все готовностью;—тамъ сопровождаемый академиками, освобожденными изъ монастыря кармелитовъ, слушалъ пламенные ихъ рѣчи, или стрѣлялъ на воздухъ изъ забавы; въ одномъ мѣстѣ отбивалъ магазины гнуснаго откупщика Новаховича, навлекшаго на себя общую ненависть; въ другомъ—грозными выходками стращалъ евреевъ—вездѣ полный усердія къ святому дѣлу (!?), за которое схватилъ оружіе—вездѣ далекій отъ грабежа, хотя и убогій ¹⁾. Остальная, зажиточнѣйшая часть столицы заперлась на замки и на ключи отъ дѣла, которое не представляло еще никакихъ корыстныхъ видовъ эгоизму, жадности, спѣси или боязни;—таково было наше положеніе по полуночи! Патрули наши изъ-подъ арсенала и непріятельскіе, конные и пѣшіе, встрѣчались иногда другъ съ другомъ; но между ними не доходило до спиховокъ. Польскіе конные гвардейскіе егеря отличались больше всѣхъ; они пуще русскихъ желали смять, уничтожить возстаніе. Саперы были въ безпрестанномъ движеніи противъ этого полка, невѣрнаго родному дѣлу; они занимали попеременно то Краковское предмѣстье, то Саксонскую площадь, то площадь передъ банкомъ.

Отъ генерала Фенша, который былъ высылаемъ для развѣдыванія о происходящемъ въ городѣ, узналъ цесаревичъ, и не прежде какъ по полуночи, что народъ варшавскій разобралъ оружіе изъ арсенала. Эта вѣсть произвела на его умъ чрезвычайное впечатлѣніе. Оборотясь тотчасъ къ окружавшимъ его генераламъ, онъ закричалъ: „Messieurs, pas un coup de fusil!“ Примѣръ Парижа и Брюсселя внушалъ (опасенія). Въ эту минуту, самое слабое наступательное движеніе съ нашей стороны къ аллеямъ, особенно съ орудіями и съ народомъ въ цѣлой массѣ,—въ эту минуту, одно перенесеніе революціонной суматохи за Новый святъ было бы, по мнѣнію моему, достаточно для взятія въ плѣнъ

¹⁾ Мало однако жъ осталось улицъ, на которыхъ не были разграблены лавки, не только съ съѣстными припасами, но и съ товарами разнаго рода; на Францисканской улицѣ подле глосъ этой участи не малое число изъ еврейскихъ лавокъ, изъ купеческихъ конторъ и винныхъ погребовъ.

цесаревича Константина Павловича, не знавшаго, что дѣлается съ его пѣхотою, неимѣвшаго съ нею никакого сообщенія. Судьба, которая сначала подвергла опасности все предпріятіе, отъ неудачи въ сигналѣ, недопустившей напасть на непріятеля врасплохъ, представляла теперь заговорщикамъ наилучшій способъ поправить дѣло. Но не кому было стать на челѣ взволнованной столицы. И вмѣсто того, чтобы всю свою разноручную, революціонную толпу двинуть на Новый святъ, а оттуда къ аллеямъ, вмѣсто того, чтобы такимъ сильнымъ напоромъ сокрушить цесаревича и послѣ въ торжествѣ провести его чрезъ городъ съ обезоруженною (!!!) гвардіею,—рѣшились инсургенты: ждать разсвѣта въ положеніи оборонительномъ, въ бездѣйствіи, какъ бы съ вѣщаго предчувствія, что возстаніе и въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ будетъ держаться только оборонительной системы. Не страгъ удержалъ инсургентовъ; остановила ихъ одна невозможность прекратить и привести въ дѣйствіе мѣру рѣшительную разомъ, съ предварительнаго общаго совѣщанія. Быть также можетъ, что заговорщики боялись, чтобы во время нападенія на великаго князя, русская пѣхота не ворвалась въ городъ съ тылу. Какъ бы то ни было, гдѣ всѣ дѣйствуютъ и никто не распоряжается, тамъ обыкновенно соглашаются скорѣе на оборону, нежели на атаку. Наступательныя движенія требуютъ одного вожда. Къ тому же подпоручики, начальники возстанія, имѣли въ войскѣ слишкомъ мало вѣса, чтобы предпринять что нибудь подобное, хотя бы оно и пришло имъ на умъ: старшихъ, какъ мы видѣли, смертію надобно было склонять къ революціи,—а въ толпѣ народа, приставаго къ инсургентамъ, не было человѣка, за которымъ бы пошли другіе и котораго воля была бы для нихъ закономъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ оставалось дѣло безъ дальнѣйшаго хода.

Въ это однакожъ время (гораздо уже за полночь) сдѣлали инсургенты родъ наступательной демонстраціи. Дано было знать, что гвардейскіе конные егеря, собравшись около лютеранской церкви, на улицахъ Мазовѣцкой и Крулѣвской, тревожатъ мимоходящія толпы народа; что стрѣляютъ по нимъ, отнимаютъ оружіе и задерживаютъ военныхъ, отлучающихся отъ своихъ командъ. По полученіи этого извѣстія, отправленъ былъ подпоручикъ Гауке съ двумя орудіями чрезъ улицу Вѣржбову на Саксонскую

площадь. Конные егеря тотчасъ усажали.... По отступленіи егерей, Гауке, Четвертинскій и нѣсколько пѣхотныхъ офицеровъ постановили, съ общаго совѣщанія, вытянуть отъ Сигизмундова монумента до банка оборонительную цѣпь, для отнятія у непріятеля способа дѣлать рекогносцировки въ важнѣйшихъ пунктахъ, или зайти даже инсургентамъ въ тылъ. Этотъ планъ они исполнили такимъ образомъ: на Бѣланской улицѣ сталъ подпоручикъ Валигурскій съ двумя орудіями; часть пѣхоты, собравшейся на Саксонской площади, заняла улицу Сенаторскую по правой и по лѣвой сторонѣ; Гауке, съ своими орудіями и съ остальною частью пѣхоты, пошелъ къ Сигизмундову монументу. Лишь только тронулся онъ съ мѣста, пронеслась внезапно вѣсть, что русскіе кирасиры вторглись на Сенаторскую улицу: стукъ его орудій подервнулъ тотъ слухъ и стоявшій на Красинской площади поручикъ гвардейской батареи Лабановскій пустилъ на Сенаторскую три выстрѣла вдоль Медовой, отъ чего патруль гренадерскихъ ротъ 8-го пѣхотнаго полка, стоявшихъ около Правительственной военной комисіи, потерялъ убитымъ одного рядового. Гауке остановился у этой комисіи и только на другой день перешелъ съ своими орудіями на Красинскую площадь.

Со стороны Марсова поля, русская пѣхота не сдѣлала никакого движенія. Нижніе чины гвардейскаго егерскаго полка (поляки), который на Марсовомъ полѣ наблюдали за Литовскимъ, безпрестанно прибѣгали къ польской пѣхотѣ и уговаривали ее атаковать литовцевъ, ругаясь, что воль скоро покажутся поляки, положить русскіе тотчасъ оружіе. Великій князь не предпринималъ ничего — посылалъ только конные патрули, которые то появлялись, то исчезали. Эту службу исправлялъ у цесаревича поручикъ Менцинскій съ командою конно-егерскаго полка, съ которою онъ 29-го ноября 1830 г. былъ дежурнымъ на Саксонской площади для разѣздовъ — и первый началъ дѣйствовать противъ народа, еще прежде чѣмъ полкъ его выступилъ изъ Мѣровскихъ казармъ къ цесаревичу.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до самаго утра.

Эта ночь была довольно кровопролитна. Она была убійственна въ особенности для генераловъ, которые или давнѣе, вѣрно цесаревичу службою, обратили общее (?) на себя негодованіе или изъ неумѣстной (!) осторожности колебались пристать къ дѣлу на-

рода. Погибли изъ числа первыхъ: генералъ отъ артиллеріи графъ Гауке, бригадные генералы: Трембицкій и Блюмеръ и полковникъ Мецишевскій. Изъ числа другихъ только генералъ отъ инфантеріи графъ Станиславъ Потоцкій и начальникъ главногo штаба польской арміи, бригадный генералъ Сѣміонтовскій, подверглись той же участи. Ее по всей справедливости заслуживали гораздо больше Рожницкій, Винцентій Красинскій и Курнатовскій; но они уцѣлѣли. Менѣе преступныхъ (!), какъ случается часто, постигла мѣсть, всегда въ первомъ движеніи неумолимая.

Смерть Потоцкаго была ужасна. Этотъ старецъ, совративъ съ пути долга (!!) отечеству шесть гренадерскихъ ротъ, слѣдовавшихъ изъ Ординацныхъ казармъ на поддержаніе школы подпрапорщиковъ, не переставалъ и послѣ того деморализовать войско, обезоруживать народъ¹⁾. Какое нибудь пагубное движеніе души ослѣпляло его въ сихъ вредныхъ усиліяхъ, — только злой, превратный взглядъ на вещи, овладѣвъ его умомъ въ сіи великія минуты, могъ довести его до той запальчивости, съ какою онъ метался во всѣ стороны противъ усиливающагося возстанія. Потоцкій не былъ никогда дурнымъ полякомъ; но тутъ не подѣйствовали на него ни просьбы, ни угрозы. Облетѣвъ безуспѣшно весь почти городъ, онъ подъѣзжаетъ около полуночи къ гренадерской 3-го пѣхотнаго полка ротѣ, стоявшей на углу улицъ Римарской и Лѣшно, между комиссіею финансовъ и комиссіею внутреннихъ дѣлъ. Онъ хочетъ и здѣсь уговорить солдатъ и наконецъ подпоручику Липовскому, командовавшему ротой, приказываетъ вести ее вслѣдъ за нимъ — къ Бельведеру. Въ эту самую минуту, нѣсколько статскихъ подбѣгаютъ къ незнакомому имъ офицеру, который, заложа руки, рассказывалъ по Тлумадкой площади, шагахъ въ 20-ти отъ мѣста той сцены. „Потоцкій уво-

¹⁾ Всѣ эти слова должно читать иначе: доблестный старецъ съ мужествомъ, дѣлавшій ему величайшую честь, направилъ къ своему долгу шесть ротъ, готовыхъ пристать къ мятежу и т. д.

Вообще не надо забывать, что рассказъ принадлежитъ одному изъ заговорщиковъ и притомъ писавшему скорѣ послѣ подавленнаго возстанія, въ чадѣ еще ненависти къ побѣдителямъ-русскимъ и къ тѣмъ благоразумнымъ полякамъ, которые въ предвидѣніи всѣхъ бѣдствій для отечества, тщетно пытались остановить революцію.

Прим. перев.

дить солдатъ!“ кричатъ ему тѣ статскіе. — „Такъ всадить ему пулю въ лобъ!“ отвѣчаетъ офицеръ и тотчасъ отходитъ отъ нихъ. Этотъ офицеръ былъ Заливскій ¹⁾. Вслѣдъ за его отвѣтомъ, тѣ самые статскіе подскочили въ мигъ къ Потоцкому, сорвали у него со шляпы перо и обступили кругомъ, подерѣпляемые чернью. Потоцкій защищается шпагою; когда же у него сломали шпагу—кулаками отбивается отъ нападающихъ. Долго боролся онъ съ чернью: наконецъ оборвали на немъ эполеты, свалили съ ногъ, избили до крови. Еще спасеніе его зависить отъ показавшагося жандармскаго разъѣзда; но нѣсколько выстрѣловъ изъ рядовъ вышеназванной гренадерской роты дѣлаютъ тщетную всякую помощь. Онъ на другой же день скончался отъ ранъ.

Сѣміонтковскій погибъ на Саксонской площади, бывъ почти насильно поставленъ противъ революціи—полковникомъ Скржинецкимъ, командиромъ 8-го пѣхотнаго полка, который пріѣхавъ въ столицу изъ Пултуска, гдѣ была его штабъ-квартира, игралъ въ вистъ у Сѣміонтковскаго, когда въ городѣ возникло волненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что будущій вождь народнаго возстанія считалъ легкимъ унять первыя его движенія. Усмирить волненіе онъ почиталъ честію, непремѣннымъ долгомъ военнаго человѣка; — онъ Сѣміонтковскому, незнавшему что начать, далъ совѣтъ бѣжать стремглавъ, куда его призывала обязанность начальника штаба, куда звала опасность цесаревича. Сѣміонтковскій колебался еще. Скржинецкій говоритъ ему: „что скажешь ты завтра великому князю,—чѣмъ оправдаешься передъ нимъ, когда онъ уйметъ все это? *Allez, général, et dites de ma part à monseigneur, que je suis corps et âme à Lui* ²⁾“. Такого мнѣнія былъ Скржинецкій о дѣлѣ, которое повело его потомъ на челѣ отечественнаго войска!... Сѣміонтковскій послушался роковаго совѣта,—сѣлъ на коня, встрѣтилъ почти у подъѣзда, въ нѣсколькихъ шагахъ

¹⁾ Свидѣтелемъ сего происшествія былъ Анастасій Дуининъ, одинъ изъ заговорщиковъ. Онъ разговаривалъ въ то самое время съ Заливскимъ на Туумадкой площади, проходя случайно отъ арсенала. Я отъ Дуинина знаю эти подробности и помѣщаю ихъ для того, что Заливскій, въ изданной имъ за границею брошюрѣ, горюетъ о смерти Потоцкаго, которой самъ былъ виною.

Прим. перев.

²⁾ Эти подробности рассказывалъ бывшій свидѣтелемъ происшествія, майоръ Нофакъ,—да и сама г-жа Сѣміонтковская, горюя о потерѣ мужа, Скржинецкому приписывала его смерть.

Прим. соч.

отъ своей квартиры, отрядъ саперовъ и роту гвардейскихъ гренадеръ и тотчасъ началъ говорить къ нимъ надменно, колюче, какъ генералъ, послушный только великому князю. Въ отвѣтъ сразила его смертная пуля Балинскаго, подпрапорщика 8-й роты гвардейскаго гренадерскаго полка. Эта рота послана была патрулемъ совсѣмъ въ другую сторону и кажимъ-то страннымъ случаемъ чрезъ Саксонскую площадь возвращалась къ арсеналу.

Ночи конецъ и слѣдуетъ начало контръ-революціи.

В. А. Жуковскій.

Необходимо сдѣлать поправку-оговорку о томъ, что въ іюньской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1884 г. сообщенное мною письмо В. А. Жуковскаго только лишь найдено въ бумагахъ Е. П. Ковалевскаго, но отнюдь не ему адресовано. Къ кому оно писано—я не знаю. По всей вѣроятности, оно хранилось у Ковалевскаго только какъ автографъ В. А. Жуковскаго и было послано или кн. П. А. Вяземскому, или графу Д. Н. Блудову, съ которыми Жуковскій былъ на ты, но никакъ не къ Е. П. Ковалевскому, который былъ много моложе Жуковскаго и едва ли даже былъ въ перепискѣ съ нимъ.

Судя по неразобранному мною въ концѣ письма слову „Журав..“, можно думать, что письмо писано было къ кому нибудь изъ арзамасцевъ, такъ какъ послѣ отсылки въ „Русскую Старину“ копія письма я набрелъ на мысль, что означенное слово надо читать такъ: „Журавлю“, т. е. Ф. Ф. Вигель слышшему подъ этимъ именемъ въ кружкѣ арзамасцевъ.

Г. Е. Р.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 гг.

РАЗСКАЗЪ МОХНАЦКАГО.

III ¹⁾.

Контръ-революція.

Причины неудачи.—Отсутствіе необходимыхъ качествъ въ предводителяхъ.—Контръ-революція.—Недоброжелатели возстанія.—Нерѣшимость великаго князя.—Владиславъ Замоискій.—Его переговоры съ Константиномъ Павловичемъ.—Кн. Любецкій.—Администраціонный совѣтъ.—Депутація.—Воззваніе къ жителямъ.—Участіе студентовъ.—Савинскій.—Аппликаціонная школа.—Волненіе черни.—Скребицкій.—Двусмысленныя дѣйствія ген. Жимарскаго.—Дѣйствіе, произведенное воззваніемъ.—Ночное засѣданіе совѣта.—Гр. Паць.—Перемѣщеніе совѣта.—Нѣмцевичъ.—Ген. Сѣровскій.—Стража безопасности.

Пронесенія, подробно здѣсь мною описанныя, далеки еще были въ ночь 29-го ноября 1830 г. отъ переворота, какой предпріятіе имѣло въ виду. Разсматривая дѣло, какъ оно случилось, должно сказать, что заговорщикамъ ни въ чемъ не посчастливилось. Они обнажили мечъ, но врага не одолѣли. Извѣстно уже читателямъ изъ исторіи заговора, что члены его, постановившіе поднять родной упавшій край, понуждаемые грозившею подъ конецъ опасностью, приступили къ дѣлу—потому что необходимо должно было приступить,—не означивъ предварительно ни образа новой власти, ни лицъ для занятія высшихъ мѣстъ. Можно еще было отклонить это зло, свойственное заговорамъ, которые приводятся въ дѣйствіе прежде урочнаго времени, можно было умалить вредъ посредствомъ ловкаго, быстрого исполненія плана дѣйствій, назначенныхъ гарнизону столицы. Это одно, къ разсвѣту дня, могло всему дѣлу дать ходъ удобнѣйшій, скорый, естествен-

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157—202.

ный. Непріятель, атакованный въ распахъ и обезоруженный,— великій князь схваченный, или убитый,—городъ, и съ нимъ цѣлый край, покоренный, поставленный однимъ моментомъ въ революціонное положеніе,— все это неужели бы не увлекло за собою всего народа, неужели бы не явилось тотчасъ, въ самомъ началѣ, неизбежности войны съ Россією, и не указало, какое правленіе нужно при такомъ положеніи дѣлъ? Мнѣ кажется, что въ происшествіяхъ, обозначенныхъ столь рѣзкими чертами, напелся бы мгновенно порывъ, который ищетъ спасенія только въ быстромъ развитіи своемъ. Къ подобнымъ случаямъ относится правило, что событія спасаютъ сами себя. Между тѣмъ случилось иное. Главныя покушенія не удались въ ночи 29-го. Вотъ обстоятельство, которое имѣло рѣшительное, роковое вліяніе на всю революцію, которое, впоследствии, безпрестанно отзывалось во всѣхъ несчастіяхъ, во всѣхъ бѣдствіяхъ народа!... Разсмотримъ, изслѣдуемъ внимательно сей первый шагъ инсurreкціи, сіе начальное основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ оборотовъ возстанія.

Во первыхъ, случай, повидимому такъ маловажный, что не въ условленное время поданъ былъ сигналъ, отнимаетъ единство и бодрость у совместнаго дѣйствія. Потомъ не знали уже одни, что дѣлаютъ другіе и общее соображеніе на столь обширномъ пространствѣ исчезло. Дѣйствія происходили, но всѣ не въ свое время, всѣ безъ связи между собою;—а тѣ лица (т. е. начальники заговора), которыя могли исправить попорченное дѣло, подкрѣпивъ его своею дѣятельностію,—тотчасъ, при первой неудачѣ, опустили руки. Правда, что горсть молодыхъ людей жертвовала собою отважно, геройски (!?), въ нападеніи на Бельведеръ; правда, что атаку подпрапорщиковъ должно поставить въ числѣ прекраснѣйшихъ (!!?) подвиговъ, прославившихъ польское оружіе; но эти два главныя изумительныя движенія были въ тѣсной связи съ движеніемъ карабинерныхъ и гренадерскихъ ротъ, расположенныхъ въ Ординацкихъ казармахъ, и съ дѣйствіемъ орудій бомбардирной школы. Безъ этой помощи, дѣйствія Бельведерскаго отряда и школы подпрапорщиковъ должны были остаться безуспѣшными. Нѣтокоцъ поздно выступилъ съ орудіями. Поздно-же двинулись и карабинерныя и гренадерскія роты. Переходъ этихъ ротъ и Нѣтокоца во власть великаго князя сокрушаетъ первыя усилія патріотовъ. Дѣло пошатнулось въ самомъ основаніи. Тутъ падаетъ тяжелая

вина на одного изъ начальниковъ заговора, Заливскаго. У арсенала не предстояло ему ничего важнаго до подачи сигнала съ южной части города; а потому, коль скоро не поданъ былъ сигналъ въ условленное время, слѣдовало ему отправиться тотчасъ на мѣсто главнаго дѣйствія,—туда, гдѣ шло дѣло о цесаревичѣ. Заливскому, а не кому другому, надлежало вывести изъ Ординавскихъ казармъ поминутны роты и принять надъ ними начальство, потому въ особенности, что офицеры этихъ ротъ, какъ ему было извѣстно, передъ самымъ возстаніемъ вошли въ заговоръ. Въ городѣ, по овладѣніи арсеналомъ, инсургенты, смущенные столь неудачнымъ оборотомъ дѣлъ на югѣ, насилу только собрались съ духомъ, чтобы защищаться,—хотя послѣ минутной сшибки съ Волынскимъ полкомъ никто, признаться, не нападалъ на насъ. Прибавимъ къ этому бездѣйствію сопротивленіе на всѣхъ пунктахъ, недоброжелательство, обманы всей почти военной старшины, усердныя въ пользу цесаревича старанія, особенно генерала графа Потоцкаго, — прибавимъ, наконецъ, — поступокъ гвардейскаго конно-егерскаго полка—и мы легко найдемъ, отчего дѣйствія въ ночи не имѣли никакого военнаго успѣха.

И такъ, сдѣлали много и — ничего. Много — чтобы приплатиться за мятежъ головою, и ничего—для освобожденія народа отъ чуждой власти!

Такова была ночь 29-го ноября! Политическія ея послѣдствія были, натурально, еще маловажныѣ военныхъ. Возстаніе овладѣло городскою мостовою, заняло нѣсколько улицъ, вооружило часть народа и потомъ—замолкло. Непріятель за городомъ стоялъ подъ ружьемъ, а потому имѣлъ и естественно долженъ былъ имѣть союзниковъ въ городѣ. Его союзникомъ было правленіе и все, что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, за-одно съ правленіемъ. Петру Высоцкому, учредителю заговора, поднявшему оружіе за независимость народа, благопріятствовала въ эту ночь одна великая минута: когда, послѣ встрѣчи съ тремя кавалерійскими цесаревича полками, шелъ онъ черезъ городъ къ арсеналу и путь свой обагралъ кровью приверженцевъ Россіи, его видъ былъ тогда величественнѣе, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ сошелъ со сцены,—а отрядъ его стоялъ цѣлой арміи. Въ эту единственную и важную минуту—въ минуту, какая только разъ можетъ случиться въ жизни—не могъ ли начальникъ подпрапорщиковъ, не

долженъ-ли былъ, какъ ему совѣтовали, пойти въ ратушу, объявить, что правленіе Николая не существуетъ,—взять подъ страху его министровъ и провозгласить торжественно, что мы вооружились для сокрушенія русскаго ига? Такой шагъ поняли бы тотчасъ всѣ—поняли бы тѣ даже, которые не очень желали успѣха начатому дѣлу. Его моральная сила не дозволила бы укрѣпиться ни на минуту власти анти-революціонной, или власти посреднической между возстаніемъ и цесаревичемъ. Но одно—отважно дѣйствовать; а другое—отважно мыслить. Начальники заговора не удовлетворяли ни въ какомъ отношеніи обязанностямъ, на нихъ лежавшимъ. У Заливскаго, въ его трудномъ положеніи, не доставало личнаго мужества:—оттого не пошелъ онъ на помощь школѣ подпрапорщиковъ. У Высоцкаго не доставало отваги моральной, политической:—оттого не пошелъ онъ съ подпрапорщиками въ ратушу. И такъ, они оба не были созданы для важнаго момента, который требовалъ отъ обоихъ чего-то такого, съ чѣмъ люди рождаются только подъ вліяніемъ благодѣтельныхъ созвѣздій. Они оба проспали дѣло на мостовой и подвергли его такой опасности, что если бы образъ дѣйствія великаго князя не далъ дѣлу пережить ночи 29-го ноября, то еще до разсвѣта могло бы оно погибнуть подъ копытами его конницы.

Надобно хорошо вникнуть въ это особенное положеніе, потому что здѣсь беретъ свое начало все, что ни случилось впоследствии. Въ городѣ была власть, было правительство Царства, не тронутое среди площаднаго, еще нестройнаго смятенія. Революція была еще похожа только на многолюдное сборище;—она не обнаруживала дальнѣйшихъ своихъ видовъ, не имѣла никого на челѣ своемъ, не издала никакой прокламаціи противъ правительства. За городомъ стоялъ великій князь съ немалыми силами,—великій князь, который хотя и не трогался съ мѣста, хотя и не принималъ никакихъ мѣръ противъ возстанія, но напиралъ на него изъ-за городской заставы всею силою пятнадцатилѣтняго своего владчества, всѣмъ омерзѣніемъ, какое питали къ мятежу (его сторонники),—великій князь, который всему, что только правительство въ Варшавѣ предприняло бы въ его пользу, содѣйствовалъ не рукою, не совѣтомъ, но, что хуже, всѣми понятіями объ огромѣ русскаго могущества, то есть объ ужасной мести, которой онъ былъ представителемъ. И такъ дѣло, такимъ

путемъ пошедшее, принесло съ собою на свѣтъ все, что могло и уничтожить его.

Вмѣстѣ съ революціей родилась и контръ-революція.

Она сошлась обѣ въ одну и ту же ночь: контръ-революція была, нѣкоторымъ образомъ, столько же въ натурѣ вещей, какъ и революція. Движеніе пошло снизу.

Въ Варшавѣ, какъ и вездѣ въ подобномъ случаѣ, какъ во всякомъ обществѣ, отъ первоначальной простоты сколько нибудь очищенномъ, было, долженствовало быть нѣчто такое, что своимъ вѣсомъ отвлекало-бы начавшееся снизу движеніе и отъ середины, и отъ вершинъ, хотя-бы и развивалось оно съ величайшею энергіею, съ величайшею точностью; но не теперь, когда не было въ немъ ни той энергіи, ни той точности, когда, повидимому, не знало оно еще само куда стремиться и почти теряло силу, часа чрезъ два по началу его. Люди размышляющіе не вдругъ раздѣляютъ таковой энтузіазмъ. Люди высшаго званія, холодные, расчетливые, которые — скажу, какъ говорится вообще въ каждомъ потрясеніи, — „рискують потерять много“ — люди этого рода, или вовсе не хотятъ мѣшаться въ дѣла, еще столь сомнительныя въ своихъ послѣдствіяхъ, а если и хотятъ, то не иначе, какъ въ видахъ прибрать дѣла въ свои руки, чтобы далѣе не дозволить имъ ни шага. Противъ чуждаго владычества не горсть людей, но весь народъ (!?) былъ въ заговорѣ. Всѣ — именно всѣ, прямо или не прямо, были въ заговорѣ: всѣ знали о немъ. Революція, увѣнчанной хорошимъ успѣхомъ, всѣ разомъ пропѣли бы хвалу. Когда же горсти заговорщиковъ не удалось первые шаги, никто и вѣдать не хотѣлъ въ чемъ дѣло, ни ночью, ни на другой день ¹⁾). Постараемся понять это и объяснить себѣ: робость однихъ, нехотѣніе другихъ, равнодушіе третьихъ, уклоненіе всѣхъ отъ взятія на себя какой либо отвѣтственности, уклоненіе неодолимое, имѣли за городомъ сильную подпору. За заставою былъ готовъ эшафотъ для бунтовщиковъ. И кто-жъ, скажите, захотѣлъ бы отдать голову свою въ руки палача за преступленіе противъ могущественной Россіи,* за пре-

¹⁾ Въ этихъ словахъ автора слышно невольное сознаніе, что возстаніе 29-го ноября 1830 г., столь внезапно вспыхнувшее, было явленіе вовсе не народное, а событіе чисто случайное, продуктъ толпы фанатиковъ, шляхетскаго происхожденія.

ступленіе, котораго онъ не совершилъ—которое совершенно другимъ и совсѣмъ не удалось? Такова была, и иная не могла быть, первая мысль тѣхъ людей, которыхъ потомъ, когда эта сцена немного прояснилась, назвали аристократами и которые, не бывъ никогда настоящими аристократами въ народѣ, любящемъ издревле равенство въ одномъ состояніи шляхетскомъ, принимали однакожъ на себя, какъ бы въ угожденіе общему упреку, видъ и поступъ аристократическую. Сверхъ того, находилась въ столицѣ, какъ въ центральномъ мѣстѣ управленія, обширная, многочисленная іерархія, почти каста чиновниковъ. Ихъ положеніе въ виду возстанія было еще сомнительнѣе. Вѣрные, они могли ожидать награды. Даже нейтральнымъ улыбались изъ-за города прежніе, если не большія еще милости. А надежда наложить на насъ оковы, тяжелѣе удручавшихъ насъ дотолѣ, не ободряла ли въ собственности тѣхъ, кои, помогавъ чуждому абсолютизму ковать ихъ на своихъ соотчичей, были увѣрены, что они первые падутъ жертвою общаго негодованія, если возстаніе одержитъ верхъ? Въ этотъ разрядъ должно помѣстить явныхъ (слугъ) Россіи, къ счастью немногочисленныхъ, и всю тайную полицію, чрезъ-чуръ уже многочисленную. Не могли, наконецъ, благопріятствовать возстанію, такъ мало общавшему, ни большія городскія имѣнія, ни торговыя спекуляціи, ни промышленные обороты; ибо нѣтъ на свѣтѣ такого дурнаго политическаго порядка, съ которымъ дѣла людей этого рода не были бы въ тѣсной и даже неразрывной связи.

Среди таковыхъ, столь разнородныхъ элементовъ контръ-революціи, одно только обстоятельство спасло возстаніе: недостатокъ рѣшимости у великаго князя. Это, а ни чтò иное, дало возстанію время и мѣсто къ дальнѣйшему ходу. Константинъ Павловичъ положилъ ни во что не мѣшаться. Изъ коварства-ли (!?), чтобы дать развернуться, чтобы дать созрѣть тому, чтò, по его мнѣнію, вело народъ къ вѣрной гибели и представляло Россіи всѣ удобства къ прекращенію нашего конституціоннаго быта,—или же для прикрытія неспособности своей къ принятію въ такомъ событіи рѣшительной, мужественной мѣры, онъ распустилъ о себѣ слухъ, что все дѣло почитаетъ онъ только раздоромъ между поляками. Возникшее изъ этого мнѣнія произвело важныя послѣдствія. Здѣсь беретъ начало вліяніе Любецкаго. Между-тѣмъ какъ возстаніе, съ одной стороны, не дѣлаетъ дальнѣйшаго успѣха, а съ другой—

ничего не предпринимается противъ него цесаревичъ,—пользуется правленіе Царства этою минутою и выступаетъ на сцену.

Вскорѣ по открытіи дѣйствій въ городѣ, одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, подпоручикъ польскаго гвардейскаго конноегерскаго полка Владиславъ Замойскій, сдѣлался, довольно страннымъ образомъ, посредникомъ между цесаревичемъ и администраціоннымъ совѣтомъ. Замойскій, не бывъ въ тотъ день на службѣ въ Бельведерѣ, находился въ городѣ. Случайно, часу въ девятomъ, узнать онъ отъ адъютанта же великаго князя, капитана Безобразова, о нападеніи на Бельведеръ. Когда Безобразовъ представилъ ему, что и долгъ службы, и честь военнаго человѣка налагаютъ на него обязанность явиться къ цесаревичу, Замойскій сѣлъ тотчасъ на коня, встрѣтился у банка съ генераломъ Станиславомъ Потоцкимъ, объявилъ ему, что ѣдетъ въ великому князю и спросилъ, что сказать Константину отъ имени его, Потоцкаго, на счетъ положенія дѣлъ въ городѣ? — „Скажи ему отъ меня“,—отвѣчалъ Потоцкій,— „что ежели онъ хочетъ унять волненіе, то пускай употребить для этого русское войско, особенно кавалерію; а на польское войско нечего считать“.—Замойскій засталъ великаго князя расхаживающаго въ аллеяхъ. Онъ тотчасъ передалъ цесаревичу слова Потоцкаго: „что волненіе можно унять только кавалеріею“. — „У меня нѣтъ уже войска“,—возразилъ Константинъ, хотя по обѣ стороны стояли развернутыя эскадроны кирасиръ и уланъ, готовые кинуться на каждый его знакъ. Замойскій посмотрѣлъ на эту конницу, какъ-бы хотѣлъ дать чувствовать великому князю, что есть еще сила, которою онъ можетъ располагать. Константинъ, понявъ Замойскаго, сказалъ: „Это русскіе; а я не хочу мѣшаться въ начатое поляками; *je ne m'en mêle pas*—продолжалъ онъ—*que les Polonais s'arrangent, c'est leur affaire. On verra maintenant, s'ils sont dignes des bienfaits, qu'ils ont reçus, et si je n'ai pas eu toujours raison de les traiter en rebelles*“. Оборотясь потомъ къ Курнатовскому и Красинскому ¹⁾, онъ прибавилъ: „Вотъ по-

¹⁾ Курнатовскій, генералъ-лейтенантъ, командовалъ находившеюся въ Варшавѣ гвардейскою конною дивизіею, состоявшею изъ 3-хъ русскихъ полковъ и польскаго конно-егерскаго. Графъ Красинскій, генералъ отъ кавалеріи, былъ командиромъ резервнаго корпуса, къ которому принадлежали всѣ бывшіе въ Варшавѣ гвардейскіе полки, русскіе и польскіе.

ляки!—этихъ можно употребить—Kugnatowsky, allez en ville avec les chasseurs“.

Послѣ этого разговора, Константинъ Павловичъ приказалъ Замоискому ѣхать въ городъ для собранія точнѣйшихъ свѣдѣній о положеніи и силахъ инсургентовъ, а именно объ отрядахъ польскаго войска, перешедшихъ на сторону возстанія; такъ какъ онъ несовершенно вѣрилъ доходившимъ до него на этотъ счетъ донесеніямъ. Замоискій, котораго дѣйствія въ ту ночь и въ слѣдующіе дни, понинѣ немногимъ извѣстныя, имѣли сильное вліяніе на первоначальный оборотъ народнаго дѣла, отправился прямо къ князю Адаму Чарторійскому, съ извѣстіемъ дѣйствительно чрезвычайнымъ: что дѣло, которое онъ за минуту считалъ погибшимъ, въ успѣхъ котораго (по многимъ откошеніямъ) не вѣрилъ и Чарторійскій, принимаетъ совершенно другой видъ, при той роли, какую Цесаревичъ предпринялъ играть въ этомъ происшествіи. Возстаніе брало верхъ, достигало своей цѣли; оно обращалось въ революцію и революція могла быть свободно довершена, коль скоро великій князь не ставилъ ей никакой преграды: это не подлежало сомнѣнію и Замоискій понялъ это очень хорошо. Слова Константина: „que les Polonais s'agissent“ онъ объяснялъ князю Чарторійскому въ такомъ смыслѣ: что бездѣйствіе цесаревича налагаетъ на совѣтъ непремѣнный долгъ остановить дальнѣйшее пролитіе крови, а на него, князя Чарторійскаго, налагаетъ долгъ подрѣшнить совѣтъ довѣріемъ, которое онъ снискалъ въ народѣ. „Мы не знаемъ,—говорилъ онъ,—какъ далеко простирается это волненіе. До сихъ поръ, изъ криковъ возстанія пробивается только имя Хлопицкаго, о которомъ мы знаемъ навѣрное, что онъ не только чуждъ, но даже противъ возстанія. Великій князь не хочетъ мѣшаться ни во что: въ этомъ положеніи дѣлъ нельзя людямъ съ такимъ значеніемъ, какъ Чарторійскій, оставаться равнодушными зрителями происшествій, которыя повлекутъ за собою важныя для края послѣдствія“.

Чарторійскій былъ членомъ администраціоннаго совѣта съ самаго основанія Царства, и хотя нѣсколько уже лѣтъ не присутствовалъ въ совѣтѣ, но не переставалъ носить званіе члена. Замоискій, утверждаясь на этомъ, подаетъ ему мысль собрать администраціонный совѣтъ. „Надобно попробовать“—говорилъ онъ— „не послушается ли народъ голоса совѣта, подрѣшленнаго го-

люсомъ князя Чарторійскаго. Если выступить на сцену или революціонная власть, или революціонный человѣкъ, то всѣ усилія совѣта будутъ уже бесполезны; а между тѣмъ весьма вѣроятно, что пока возстаніе безъ предводителя, пока оно въ бездѣйствіи, довольно будетъ какого нибудь акта, какого нибудь объявленія, сообразнаго съ происшествіями, чтобы тотчасъ успокоить и привести въ согласіе всѣхъ поляковъ.

Этому чудному дѣлу суждено было, чтобы подпоручикъ его началъ и подвергнѣнъ величайшей опасности неустановленіемъ новаго правительства,—и чтобы въ то же время одинъ изъ подпоручиковъ, посланный великимъ княземъ въ городъ совсѣмъ за другимъ, нанесъ ему, приподнятіемъ прежней власти, ударъ, гораздо сильнѣйшій въ послѣдствіяхъ, нежели онъ могъ вообразить себѣ, когда ему пришла въ голову эта странная мысль. Обращая противъ возстанія имя, уважаемое въ Польшѣ, не давалъ ли онъ правительству императора Николая сильную въ ту минуту подпору?

Предложеніе Замойскаго убѣдило князя Чарторійскаго. Онъ послалъ самого Замойскаго къ предсѣдательствовавшему въ администраціонномъ совѣтѣ, графу Валентину Соболевскому, съ предложеніемъ созвать немедленно членовъ совѣта. Отъ Соболевскаго поспѣшилъ Замоискій къ министру финансовъ. Любецкій зналъ уже, что великій князь стоитъ за городомъ съ своею кавалеріею. Когда донесли ему, что инсургенты не учредили новаго правленія (о чемъ онъ безпрестанно спрашивалъ), то сначала не хотѣлъ онъ сему вѣрить (ибо не понималъ этого какъ политикъ, отыскивающій во всемъ, и даже въ самомъ разладѣ, какой-то связи, логики), — а потомъ сказалъ: „если такъ, то дѣлу можно и должно помочь“. Графъ Густавъ Малаховскій, который вмѣстѣ съ нѣсколькими членами комисіи погашенія долговъ, тотчасъ по первыхъ выстрѣлахъ, отправился въ банкъ для огражденія его важностію народной репрезентаціи, представлялъ Любецкому, какъ Замоискій Чарторійскому, „о необходимости созвать администраціонный совѣтъ;“ а для лучшаго успѣха, въ подлежащихъ правленію дѣйствіяхъ, указывалъ людей извѣстныхъ народу, которыхъ, по мнѣнію его, слѣдовало пригласить къ засѣданію въ совѣтъ, — то есть, указывалъ средство опасное, внушенное, быть можетъ, отчасти страхомъ, чтобы уличное волненіе не обратилось въ кровавую анархію, а отчасти видами,

чтобы восстаніе, въ случаѣ если бы оно опомнилось, не могло составить никакого правленія изъ своихъ людей.

Такимъ образомъ, въ одно и то же время, въ двухъ пунктахъ, съ одинаковымъ успѣхомъ оживляли, обновляли существовавшую власть. Замойскій напелъ Любецкаго въ совершенной готовности къ дѣйствіямъ, когда прибылъ къ нему съ приглашеніемъ отъ князя Чарторійскаго. Слова цесаревича, что „поляки должны сами управляться“ только утвердили Любецкаго въ его намѣреніи. Онъ поѣхалъ тотчасъ въ домъ, извѣстный подъ названіемъ палацъ Браницкихъ, въ которомъ жилъ Соболевскій, предсѣдательствовавшій въ администраціонномъ совѣтѣ. По полуночи прибыли туда-жъ и приглашенные Соболевскимъ: князь Михайло Радзивилъ, графъ Пацъ, Кохановскій и Нѣмцевичъ ¹⁾. Изъ популярности ободрила администраціонный совѣтъ. Она защищала его въ общемъ мнѣніи и поселила въ немъ убѣжденіе, что ему можно еще держаться. Надобно было съ чего нибудь начать. Князь Любецкій, желая открыть сіе чрезвычайное засѣданіе совѣта въ новомъ составѣ, чѣмъ нибудь официальнымъ, а еще болѣе желая вывести начало его дѣйствій прямо изъ Бельведера, если не изъ повелѣнія, то по крайней мѣрѣ изъ согласія царскаго брата (??), пригласилъ его адъютанта Замойскаго открыть поводъ къ засѣданію повтореніемъ словъ великаго князя, представляющихъ самимъ полякамъ заняться возстановленіемъ порядка! Замойскій продиктовалъ тѣ слова въ протоколъ, а вслѣдъ за симъ прибавилъ „во всемъ администраціонный совѣтъ, если ему угодно, можетъ самъ удостовѣриться въ намѣреніяхъ великаго князя, выславъ къ нему депутацію“.

Эту мысль одобрили. Совѣтъ отправилъ въ Бельведерскую аллею Чарторійскаго и Любецкаго. Замойскій спѣшилъ предупредить о семъ великаго князя.

„Чего хотятъ они отъ меня?“—спросилъ Константинъ Павловичъ — „мнѣ нечего имъ приказывать; я ни къ чему ихъ не уполномочиваю“.

По прибытіи Чарторійскаго и Любецкаго, Цесаревичъ гово-

¹⁾ Нѣмцевичъ (Юліанъ Урсинъ) былъ секретаремъ сената, Михайло Радзивилъ сенаторомъ воеводою, а Пацъ и Кохановскій сенаторами-каштелянами. Ни одинъ изъ нихъ не былъ членомъ администраціоннаго совѣта.

рилъ имъ также, какъ прежде Замойскому: что онъ ни во что не мѣшается, что поляки должны сами управляться. „Je n'autorise rien, je ne me mѣle de rien—laissez moi tranquille“. Потомъ, въ выраженіяхъ довольно колючихъ, бранилъ Любецкаго за монополію и фискализмъ, а князя Чарторійскаго укорялъ поведеніемъ его въ бытность попечителемъ Виленскаго университета, уворялъ молодежью и сеймовымъ судомъ, какъ будто бы отъ этого только произошла революція. Онъ повторялъ и имъ, что ни во что не мѣшается; что начатое въ городѣ дѣло вовсе до него не касается; что будутъ отвѣчать за него одни поляки. Сколько разъ ни намекали ему депутаты совѣта, а въ особенности Любецкій, на счетъ усмиренія мятежа силою, онъ все отказывался отъ этого съ величайшимъ упорствомъ. Видя, что всѣ ихъ усилія были тщетны, министръ финансовъ, какъ министръ, призналъ нужнымъ сказать, наконецъ, великому князю, что „если онъ, имѣющій въ своихъ рукахъ силу и полную на подобные случаи власть, отъ всего уклоняется, то администраціонному совѣту, безоружному, не остается для спасенія города ничего больше, какъ приступить къ договору съ бурею, которая возмутила его спокойствіе и можетъ нанести много бѣдъ“.

Депутація возвратилась отъ великаго князя безъ всякаго успѣха. Министръ финансовъ, видя, что у Константина Павловича нѣтъ (желанія) вторгнуться въ городъ (что, безъ сомнѣнія, ободрило бы къ совмѣстному дѣйствію два русскіе пѣхотные полка, стоявшіе подъ ружьемъ въ сѣверной части города), положилъ возстановить спокойствіе другимъ образомъ, гораздо опаснѣйшимъ для возстанія. Въ администраціонный совѣтъ вошли люди, пользовавшіеся общимъ довѣріемъ. Правленіе уцѣлѣло—воскресло. Извѣстить объ этомъ жителей столицы было первымъ стараніемъ Любецкаго. На сей конецъ, въ третьемъ часу по полуночи, онъ составляетъ актъ отъ имени Государя и царя Николая, въ слѣдующихъ словахъ: „администраціонный совѣтъ, принявъ въ уваженіе крайность настоящихъ обстоятельствъ, опредѣлилъ пригласить и симъ приглашаетъ къ засѣданію въ совѣтъ и къ общему въ дѣлахъ участію: сенатора, воеводу князя Михаила Радзивила, сенатора-каштеляна Михаила Кохановскаго, сенатора-каштеляна графа Людвигъ Паца, секретаря сената Юліана Урсина Нѣмцевича и генерала Осипа Хлопицкаго“ — легіонъ, по мнѣнію ми-

нистра финансовъ, непобѣдимый. Подписали этотъ актъ графъ Валентинъ Соболевскій и князь Любецкій, — и объявили его во всенародное свѣдѣніе.

Правленіе, въ новомъ составѣ, приступило сейчасъ къ совѣщанію: какимъ образомъ отнестись къ революціи? Любецкій пользовался неограниченнымъ довѣріемъ новыхъ членовъ. Со времени сеймоваго суда, мало кто сомнѣвался въ его патриотизмѣ: какже сомнѣваться въ немъ Чарторійскому, Кохановскому, Пацу и Нѣмцевичу? Въ эту рѣшительную минуту, князь Любецкій, представляя невозможность достигнуть какого либо успѣха, если оставить смятеніе на произволъ судьбы, — представляя ужасныя послѣдствія, какимъ возстаніе можетъ подвергнуть цѣлый край, успѣваетъ склонить всѣхъ призванныхъ въ совѣтъ къ подписанію воззванія, коего настоящій смыслъ былъ просто: „висѣлица для возмутителей общаго спокойствія“. — „Поляки!“ — изъяснялся новый совѣтъ — „прискорбныя и неожиданныя происшествія вчерашняго вечера и ночи побудили правленіе пригласить къ засѣданію въ администраціонномъ совѣтѣ людей, извѣстныхъ заслугами, и обратиться къ вамъ. Его императорское высочество государь цесаревичъ возвратилъ войско“.... „Такое довѣріе войскамъ вмѣшиваться въ наши дѣла: раздоръ между поляками должны прекратить сами поляки. Полякъ запятнаетъ-ли руки свои братнею кровью? Захотите-ли вы явить свѣту примѣръ величайшаго для края бѣдствія — брани междоусобной? Одною умѣренностію можете вы спасти себя отъ пропасти, надъ которой стоите! Возвратитесь же къ порядку и спокойствію; да прекратятся всѣ смятенія вмѣстѣ съ роковою ночью, которая ихъ покрывала. Помыслите о судьбѣ любезнаго отечества, понесшаго уже только несчастій — помыслите о немъ и отклоните все, что можетъ подвергнуть опасности самое существованіе его. На насъ лежитъ исполнить обязанность нашу обезпеченіемъ общей безопасности, охраненіемъ законовъ и конституціонныхъ вольностей государства!“ — Кромѣ Соболевскаго и Любецкаго никто изъ членовъ прежняго состава совѣта не подписалъ сего воззванія. Не было это дѣломъ случая. Чѣмъ яснѣе выражалось правительство противъ возстанія, тѣмъ сильнѣе чувствовало оно нужду удалить изъ вида людей презрительныхъ и ненавистныхъ, такихъ, какъ Грабовскій, Раутенштраухъ и Коссецкій. Оно пу-

стило на удачу только часть совѣта, нѣсколько популярную, Соболевскаго и Любецкаго, оградивъ себя впередъ Чарторійскимъ, Радзивиломъ, Кохановскимъ, Пацомъ и Нѣмцевичемъ, для того, преимущественно, чтобы внушить народу мысль, что обращаемое къ нему воззваніе составили они всѣ вмѣстѣ, большинствомъ голосовъ.

Приглашенный къ засѣданію въ новомъ совѣтѣ, генераль Хлопицкій не подписалъ воззванія, потому что его не было—потому что никто не могъ отыскать его. Революція застала его въ театрѣ Розмантиосы (Variétés); изъ театра побѣжалъ онъ тотчасъ въ домъ правительственной военной коммисіи, и тутъ у одного изъ чиновниковъ, полковника Собѣскаго, тайкомъ просидѣлъ цѣлую ночь, тревожимый страхомъ, чтобы какою нибудь отрядъ инсургентовъ не вытащили его изъ того убѣжища и не взяли насильно въ предводители. Вторымъ офиціальнымъ актомъ было увѣдомленіе о новомъ составѣ администраціоннаго совѣта. Поспѣшно разбросанное, особенно между сражавшимися на Краковскомъ предмѣстьи, на Саксонской площади и далѣе за Александровскимъ костеломъ, оно воздержало отъ пролитія братней крови. Но все, что было хорошаго въ этомъ увѣдомленіи, испортилъ третій офиціальныи актъ,—прокламація администраціоннаго совѣта, которую также, по мѣрѣ того, какъ она выходила изъ-подъ тисковъ банковской типографіи, раздавали, читали въ слухъ и прибавали по угламъ улицъ. Эту прокламацію, такъ явно устремленную противъ возстанія, постигла участь, какую она заслуживала. Офицеры рвали ее въ клочки и топтали ногами. Должно однакожь сказать, что имена Чарторійскаго, Паца, Нѣмцевича умѣрили вездѣ негодованіе, возбужденное словами, несомнѣнными съ обстоятельствами. Мало кто постигнулъ сразу точный смыслъ воззванія. Толковали его разнo. Существенное его содержаніе поняли лучше всѣхъ заговорщики и—затрепетали! Здѣсь начало внезапной реакціи въ нѣкоторыхъ умахъ. Дѣйствія контръ-революціи обнаружались. Ясно было, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для нѣсколькихъ, что правленіе царя Николая, послѣднимъ движеніемъ своимъ, умѣло склонить къ поступку весьма опасному, къ шагу, по мнѣнію заговорщиковъ, преступному, тѣхъ людей, которыхъ постоянный образъ мыслей былъ всѣмъ извѣстенъ, на которыхъ считали, которыхъ хотѣлось видѣть лучше на сторонѣ возстанія,

нежели противъ него, на челѣ власти, преданной душой и тѣломъ чужеземной (!) державѣ. Но волненіе усиливалось; событія слѣдовали одно за другимъ, рѣдѣющая мгла раскрывала пуши и вооруженныя толпы; это одно отвлекало общее вниманіе отъ прилежнѣйшаго изслѣдованія роковаго листа, тисненнаго въ ночную тьму, вселившаго въ нѣкоторые умы глубокія и черныя подозрѣнія—отрывшаго глаза на судьбу этого дѣла.

Администраціонный совѣтъ, собравшись во 2-мъ часу по полуночи, продолжалъ свои засѣданія въ палаццо Бронницкихъ, и заключая изъ криковъ, раздававшихся повсюду въ пользу Хлопицкаго, что все зависитъ отъ него одного, наименовалъ его начальникомъ войска. Но никто не умѣлъ сказать, гдѣ обрѣтается этотъ идолъ общаго мнѣнія. Зала, въ которой засѣдалъ совѣтъ, наполнялась болѣе и болѣе людьми разнаго званія. Здѣсь былъ пріютъ для тѣхъ въ особенности, которые имѣли причину бояться всеобщаго потрясенія. Военные разныхъ чиновъ приходили съ донесеніями, что войско выходитъ изъ терпѣнія; что народъ ропщетъ; что если не будетъ скоро главнокомандующаго, то могутъ возникнуть самыя непріятныя послѣдствія. Нѣмцевичъ отвѣчалъ отъ имени совѣта: „мы цѣлую ночь искали Хлопицкаго; но онъ какъ въ воду канулъ“. И въ самомъ дѣлѣ, надобность въ главномъ надѣ войскомъ начальствѣ становилась ежеминутно болѣе и болѣе ощутительна. Администраціонный совѣтъ старался всѣми силами убѣдить графа Паца принять начальство, пока найдутъ Хлопицкаго ¹⁾. Пацъ не соглашался. Наконецъ, послѣ долгаго торга съ совѣтомъ, онъ принялъ начальство, но съ условіемъ, „что принимаетъ его только на двадцать четыре часа“,—а не до отысканія Хлопицкаго, какъ хотѣлось Чарторійскому, Нѣмцевичу и Любецкому. До какой степени не постигали еще тогда въ совѣтѣ всего, что происходило, какая даже путаница была въ понятіяхъ—показываетъ предложеніе Нѣмцевича (принятое совѣтомъ), чтобы Раутенштрауха придать Пацу въ помощники. Раутенштраухъ разсыпался въ увѣреніяхъ на счетъ своей преданности отечеству; но, понявъ точнѣе положеніе свое и положеніе дѣлъ, призналъ полезнымъ не выходить совсѣмъ на

¹⁾ Графъ Пацъ, сенаторъ-каштелянъ, былъ прежде дивизіоннымъ генераломъ.

улицу, не быть въ этомъ дѣлѣ ничьимъ помощникомъ. Онъ сдѣлалъ еще лучше: запрятался такъ, что съ тѣхъ поръ никто не видѣлъ его въ Варшавѣ.

....Хлопицкій чудился всѣмъ въ каждомъ человѣкѣ, который проѣзжалъ верхомъ и походилъ на него ростомъ. „Хлопицкій командуетъ у арсенала!“—говорили находившіеся не у арсенала. Бывшіе-жъ у арсенала твердили, что онъ на Краковскомъ предмѣстьи или на Саксонской площади. Говорили даже многіе, что сами видѣли его. Вездѣ носился этотъ слухъ и вездѣ ободрялъ солдатъ. Но этотъ натуральный, тысячью голосами призываемый, вождь революціи не имѣлъ никакой вѣры въ дѣлу народному. Онъ считалъ его потеряннымъ еще прежде, нежели оно было начато; потомъ вдругъ возненавидѣлъ энтузіазмъ, возбужденный его именемъ. Любецкій, прислушиваясь внимательно ко всѣмъ голосамъ возстанія, собирая всѣ вѣсти, понялъ тотчасъ, какъ много, какъ чрезвычайно много зависѣло отъ того, чтобы увидѣться и переговорить съ Хлопицкимъ, тотчасъ въ первыя минуты. Еще до полуночи велѣлъ онъ вездѣ искать его: къ нему на квартиру, даже въ чужіе дома, посылалъ разныхъ людей и, въ числѣ прочихъ, мецената Александра Крысинскаго. Администраціонный совѣтъ, въ новомъ составѣ, старался отыскать его по полуночи и передъ разсвѣтомъ; наконецъ, когда никто не могъ его найти, приказалъ печатать первое воззваніе свое противъ инсургентовъ безъ его подписи, извѣщая только общество, что генералъ Хлопицкій приглашенъ къ засѣданію въ совѣтъ.

Ночь проходила въ такихъ занятіяхъ. Туманное утро застало два положенія дѣлъ отдѣльныя, обращенныя уже одно противъ другого: правленіе и возстаніе,—правленіе, подкрѣпленное вѣсомъ людей весьма популярныхъ, явно неодобряющихъ того, что случилось,—возстаніе, сосредоточенное, сильное только у арсенала, въ другихъ же пунктахъ болѣе или менѣе разсыпанное, но вездѣ исполненное духа. Университетскіе студенты, числомъ около тысячи, еще до разсвѣта начали собираться подъ предводительствомъ профессора Ляха-Ширмы. Пріятно было сіе зрѣлище для народа и для войска, въ которомъ эта молодежь поселяла утѣшительную мысль, что не одно оно подняло оружіе. Академики были репрезентатами участія въ возстаніи не только жителей глухой еще столицы, но, нѣкоторымъ образомъ, и цѣлаго края.

Аппликаціонная школа, освобожденная отрядомъ подпрапорщиковъ изъ заключенія, въ которомъ продержалъ ее цѣлую ночь командиръ школы, полковникъ Савинскій ¹⁾, выбѣжала также на улицу и начала срывать русскіе орлы. Слѣдуя ея примѣру, принялись вездѣ срывать сіи знаки.

По мгновенномъ отдыхѣ возобновилось движеніе во всемъ городѣ. На самомъ разсвѣтѣ началась драка между чернью и конными егерями, на Краковскомъ предмѣстьи и на Саксонской площади. Въ эту сторону, часу въ восьмомъ, отправились саперы, подкрѣпленные двумя орудіями подпоручика конной гвардейской батареи Эвельсаго, стоявшими на Красинской площади, и двумя ротами 8-го пѣхотнаго полка, которыя простояли всю ночь на дворѣ правительственной военной комисіи. Эвельскій, прибывъ на Саксонскую площадь, снялъ орудія съ передковъ и пустилъ два или три выстрѣла въ отрядъ гвардейскаго конно-егерскаго полка. Егеря тотчасъ побѣжали, оставивъ нѣсколько человѣкъ на мѣстѣ. Инсургенты помчались за ними къ Александровскому костелу. Саперы построили тутъ двѣ барикады, одну у Ксіон-

¹⁾ Тотъ самый Савинскій, который послѣ, въ званіи революціоннаго генерала, погибъ при штурмѣ Варшавы, защищая укрѣпленіе въ с. Воля. Онъ былъ до мятежа командиромъ Аппликаціонной школы, которая вмѣстѣ съ зимнею Артиллерійскою помѣщалась въ одномъ и томъ же зданіи, на улицѣ Медовой. Стоявшіе въ зимней Артиллерійской школѣ подпрапорщики и унтеръ-офицеры, возбужденные бывшимъ въ тотъ день дежурнымъ при немъ офицеромъ, подпоручикомъ сапернаго баталіона Новосельскимъ, кинули тотчасъ школу и присоединились къ мятежникамъ. Но изъ школы Аппликаціонной никто не вышелъ. Савинскій, по первому слуху о замѣшательствѣ въ городѣ, приказалъ запереть ворота дома и завалить двери, съ улицы Медовой. Всю ночь онъ не выпустилъ никого, не взирая на грозныя требованія бунтовщиковъ. Не прежде, какъ на другой день, часу въ 9-мъ утра, устѣли они ворваться въ домъ, выломавъ двери съ улицы. Савинскій, вышедши изъ на встрѣчу, представлялъ, что юноши, находящіеся въ Аппликаціонной школѣ, вѣрны ему монархомъ, что они на его иждивеніи воспитываются, что цесаревичъ прилагать о нихъ всегда отеческія попеченія и что потому онъ не дозволитъ имъ участвовать въ мятежѣ. Угрожаемый смертію за такой отвѣтъ, Савинскій принужденъ былъ уступить, но не выпустилъ никого изъ школы. Онъ отвѣчалъ ворвавшейся толпѣ, что самъ выведетъ своихъ воспитанниковъ на Красинскую площадь (находящуюся возлѣ дома, въ которомъ помѣщалась школа) и предоставитъ имъ дѣлать, что имъ заблагоразсудится. Бѣдшая ихъ часть пошла съ площади прямо къ родинѣ своимъ, и чрезъ два дня воротились въ школу, гдѣ по прежнему продолжали науки до выпуска ихъ всѣхъ мятежнымъ правительствомъ въ офицеры.

женцей, а другую у Братской улицы; потомъ заняли площадку передъ домомъ управленія путей сообщенія и Іерусалимскую аллею, откуда посылали сильные патрули въ Вислѣ, а съ другой къ русскимъ форпостамъ. Началась одиночная рѣзня, усиливалась стрѣльба. На Новомъ Свѣтѣ, въ тылу позиціи, которую занималъ авангардъ инсurreкціи, случилось неприятное происшествіе. Толпа черни, нахлынувшая съ Сольца, бросилась тамъ съ командою саперовъ, отлучившеюся отъ баталіона, на русскую провіантскую комиссію и вломилась въ нее. Въ комисіи было нѣсколько милліоновъ рублей; выносили серебро въ мѣшкахъ, растаскивали ассигнаціи. Но больше всѣхъ поживился тутъ самъ управлявшій комиссіею, Скребицкій, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ каретѣ и вывозилъ столько золота и бумажекъ, сколько могъ ¹⁾). Разграбили также нѣсколько лавочекъ съ съѣстными припасами и нѣсколько питейныхъ домовъ. Но грабежъ продолжался одну минуту. Подоспѣли офицеры: велѣли разогнать чернь штыками; 2-хъ или 3-хъ рядовыхъ, которые убили офицера Піотровскаго, старавшагося остановить разбой, наказали смертью на мѣстѣ ²⁾; а убытки, нанесенные частнымъ людямъ, вознаграждали заграбленными въ комисіи деньгами, которыхъ часть (20,000 руб. ассигнаціями) удалось имъ отобрать у саперовъ.

Въ центрѣ города инсургенты защищали въ особенности

¹⁾ Это ложь и клевета. Скребицкій вовсе не отлучался изъ Бельведера, куда явился еще въ вечеръ 29-го ноября, лишь только началось волненіе въ городѣ. Если бы онъ заѣхалъ въ комиссію, то могъ бы въ одинъ разъ забрать всѣ ассигнаціи и золото, котораго было весьма мало, — успѣлъ бы въ одной наемной коляскѣ вывезти все серебро, котораго также было немного. Живши въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщалась комиссія, онъ могъ бы забрать, по крайней мѣрѣ, свои собственныя драгоценныя вещи, которыя всѣ потерялъ; — онъ не оставилъ бы тамъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, не оставилъ бы дочери, взрослой дѣвочки, которая, во время грабежа его имущества, была въ величайшей опасности — осталась въ одномъ платьѣ, которое имѣла на себѣ. Не только въ вечеръ 29-го, но и въ слѣдующій день, часовъ до 8-ми утра, можно было вывезти всѣ провіантскія суммы; но государю цесаревичу не угодно было дозволить этого, чтобы не возбудить тревоги въ той части города, гдѣ находилась комиссія и гдѣ все было спокойно, до оставленія Варшавы польскимъ гвардейскимъ конно-егерскимъ полкомъ.

Прим. перевод.

²⁾ Это тоже ложь. Солдаты были разстрѣляны по приказанію генерала Хлюпицаго въ 6-й день мятежа, т. е. по отступленіи уже государя цесаревича къ Бресту-Литовскому.

Прим. перевод.

Красинскую площадь отъ нападенія русской пѣхоты, расположивъ тамъ нѣсколько ротъ 4-го пѣхотнаго полка. Одно орудіе поставлено было на Свѣнто-Юрской улицѣ, въ направленіи къ Мурановской площади, другое у театра, на улицѣ Ново-Винярской. Гвардейскіе гренaдеры, увeдeнные офицерами при выступленіи полка изъ его казармъ, прикрывали тѣ орудія; остальная артиллерія занимала тѣ же мѣста, что и ночью. Смѣнялись только команды, ее прикрывавшія. Вдругъ отъ Пенсей (?) улицы пронесся слухъ, что русскіе хотятъ ворваться въ городъ. И точно, гвардейскій Волинскій полкъ выступилъ изъ своихъ казармъ и изъ окольныхъ домовъ, занятыхъ имъ ночью. Гренaдерскія роты 5-го пѣхотнаго полка бросились въ мигъ въ ту сторону; отрядъ Волинскаго полка завязалъ минутную перепалку съ ихъ застрѣльщиками; послѣ сего русскіе тронулись на Марсово поле и тамъ соединились съ гвардейскимъ Литовскимъ полкомъ. Обѣ роты 5-го полка рѣшились тогда на дѣло отважное — двинулись впередъ съ двумя орудіями, въ намѣреніи атаковать оба русскіе полка на Марсовомъ полѣ. Онѣ рассчитывали на помощь гренaдеръ Жимарскаго. Но на пути объявляетъ ротамъ бывшій при орудіяхъ офицеръ, что у него только два заряда и заставляетъ командовавшаго ротами 5-го пѣхотнаго полка отложить предпріятіе. Жимарскій, на Марсовомъ полѣ, находился въ трудномъ положеніи — терпѣлъ величайшія непріятности. Съ одной стороны, роптали на него нижніе чины и офицеры гвардейскаго гренaдерскаго полка, осыпали его упреками и едва не проклинали за то, что онъ отвелъ ихъ отъ народнаго дѣла. Жимарскій увѣрялъ ихъ честнымъ словомъ, что онъ такой же добрый полякъ, какъ и они, что ни въ какомъ случаѣ не доведетъ ихъ до безчестія. Съ другой стороны, онъ принужденъ былъ отвѣчаться неповиновеніемъ, послушаніемъ тѣхъ же самыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, получая строгія приказанія то отъ великаго князя, то отъ Левицкаго, то отъ Раутенштрауха, идти съ полкомъ въ городъ и возстановить спокойствіе штыками. Каждому изъ нихъ давалъ Жимарскій разные отвѣты: великому князю, что не ручается за успѣхъ такого предпріятія; Левицкому, что онъ самъ, какъ комендантъ города, можетъ взять русскіе полки и вести ихъ на мятежниковъ; Раутенштрауху, что долгъ правленія усмирить мятежъ и т. п. Не хотѣвъ ни присоединиться къ революціи, ни дѣйствовать противъ нея, Жимар-

скій, весь день 30-го ноября до самой ночи, оставался на Марсовомъ полѣ въ этомъ двусмысленномъ положеніи ¹⁾).

Народъ стрѣлялъ изъ потѣхи; пилъ водку Неваховича; подчивалъ ею братью-солдатъ. Войска переносили терпѣливо всѣ труды: цѣлый день пробыли безъ продовольствія и не роптали. Офицеры явили доказательства величайшей преданности отечеству; говорили рѣчи къ своимъ командамъ; увѣряли ихъ, что генераль Хлопицкій, котораго имя было у всѣхъ на устахъ, во всѣхъ сердцахъ, непремѣнно приметъ главное начальство. Дома и лавки были постоянно заперты. Страхъ грабежа тревожилъ столицу. Нашлось много такихъ, которые, доставъ оружіе изъ арсенала, раздавали его своимъ пріятелямъ и слугамъ, чтобы защищаться у себя на квартирѣ, какъ въ крѣпости. Всѣ оставались еще въ неизвѣстности: никто, кромѣ правленія, которое знало, что думаетъ великій князь, не имѣлъ и не могъ имѣть точнаго понятія о настоящемъ положеніи вещей. Заговорщики не входили между собою ни въ какія совѣщанія на счетъ хода дѣла вообще. Разсѣянные по разнымъ частямъ города, они, казалось, помышляли только о томъ, какъ защищаться далѣе противъ непріятеля, который былъ грозенъ больше видомъ, нежели духомъ. Члены комисіи погашенія долговъ, сенаторъ Мацѣй Водзинскій, и послы: Густавъ Малаховскій, Владиславъ Островскій и Каликшъ Морозевичъ, опечатавъ общественное имущество въ банкѣ, поручили его, воззваніемъ своимъ, по утру 30-го ноября изданнымъ, „непосредственной защитѣ народа и войска польскаго“.

Любецкій подалъ тогда же мысль перенести засѣданія совѣта въ банкъ, сколько для охраненія государственныхъ капиталовъ присутствіемъ правленія, столько же и для того (чего однакожъ не сказалъ), чтобы перемѣнить или, по крайней мѣрѣ, удалить покамѣстъ съ глазъ то мѣсто, гдѣ засѣдала власть, которая не слишкомъ благосклонно отнеслась къ возстанію и, можетъ быть, боялась уже послѣдствій этого дерзкаго шага. На домъ царскихъ намѣстниковъ, въ которомъ обыкновенно происходили засѣданія совѣта, могло быть сдѣлано нападеніе. Банкъ, охраняемый войскомъ, толпою чиновниковъ комисіи финансовъ

¹⁾ Все это изобрѣтено сочинителемъ. Жимарскій не дѣйствовалъ двусмысленно; онъ былъ вполне вѣренъ. Его полкъ, во все продолженіе мятежа, былъ въ подозрѣніи у мятежниковъ и преслѣдуемъ, а особенно по сраженіи при сел. Гроховѣ.

Прим. перевод.

и многими представителями народа, казался безопасѣе. Послали за военною командою, для эскортированія совѣта. По прибытіи команды, графъ Пацъ и полковникъ Вонсовичъ, назначенный начальникомъ штаба временнаго главнокомандующаго, сѣли на коней и поѣхали впереди. Пацъ надѣлъ красную шапку въ знакъ возрожденной свободы, а Вонсовичъ французскую ладунку временъ Наполеоновыхъ. Вслѣдъ за ними шли пѣшкомъ члены администраціоннаго совѣта, за членами: Кицкій, Шидловскій ¹⁾, адъютантъ Паца князь Четвертинскій ²⁾, множество другихъ лицъ и, наконецъ, военный отрядъ, составившій эскортъ. Эта свита, такъ какъ престарѣлый Нѣмцевичъ съ трудомъ могъ ходить, тянулась медленно съ Новаго Свѣта чрезъ Саксонскую площадь и на каждомъ шагу увеличивалась многочисленными толпами, такъ что хвостъ ея въ этомъ шествіи примыкалъ къ дому общества любителей наукъ, а голова была у банка,—новаго засѣданія власти. Этотъ шагъ администраціоннаго совѣта произвелъ, какъ я сужу, послѣдствія совершенно противныя предположенной цѣли. Власть, вмѣсто того, чтобъ укрыться отъ глазъ инсurreкціи, выставила себя еще больше на показъ. Такимъ образомъ, администраціонный совѣтъ не вошелъ, но вовлеченъ былъ въ возстаніе, которое за минуту самъ называлъ „при-сorbнымъ происшествіемъ“.

Нѣмцевичъ былъ залогомъ правоты въ правленіи. Народъ не могъ налюбоваться видомъ этого старца. „Когда тамъ Нѣмцевичъ“—говорилъ онъ—„то все пойдетъ хорошо!“ Его сѣдые волосы были лучшею порукою за администраціонный совѣтъ, нежели собственныя его (Нѣмцевича) слова, которыми онъ въ банкѣ склонялъ народъ съ балкона въ спокойствію и согласію—гораздо лучшею, нежели анти-революціонное воззваніе совѣта, подписанное имъ вмѣстѣ съ новыми членами правленія. Таковую-то силу имѣютъ, въ важныхъ обстоятельствахъ, лѣта, ознаменованныя услугами (!) отечеству! Эту силу имѣла память Костюшко.

Пацъ, проводивъ совѣтъ до банка, объѣхалъ посты, объявляя вездѣ, что Хлопицкій непремѣнно приметъ начальство надъ

¹⁾ Оба отставные полковники, а впоследствии, въ 1829 году, наименованы камергерами.

²⁾ Князь Четвертинскій, какъ выше сказано, поручикъ польской легкой конно-артиллерійской № 2-го батареи, самъ прикомандировалъ себя въ адъютанты къ графу Пацу.

войскомъ; что онъ, Пацъ, не главнокомандующій, а только, за отсутствіемъ Хлопицкаго, заступаетъ его мѣсто временно, какъ одинъ изъ давнихъ генераловъ. Пацу, разумѣется, непріятно было возложенное на него порученіе; ему не Хлопицкаго горько было замѣнять, а настоящаго, въ мысляхъ совѣта, главнокомандующаго, стоявшаго за заставою. Въ то самое время (пополудни) прибылъ въ правленіе генералъ Сѣровскій ¹⁾. Странныя приключенія случились ночью съ симъ почтеннымъ полякомъ, который пылалъ величайшимъ усердіемъ къ дѣлу возстанія, который первый изъ генераловъ нашихъ не колебался ни минуты выйти на улицу, какъ только начались дѣйствія. Къ несчастію, онъ встрѣтился на Саксонской площади съ Сѣміонтковскимъ, Салацкимъ и Малецкимъ ²⁾. Они сперва вроткими увѣщаніями отводили отъ участія въ дѣлѣ, увѣряли даже, „что возникшее волненіе есть ничто иное, какъ фальшивая революція“,—о которой дѣйствительно носились передъ тѣмъ разные слухи, и, между прочимъ, будто бы поднять ее или Курнатовскій, или Рожницкій, съ воли цесаревича, для испытанія духа столицы и войска; потомъ, когда увѣжденія не подѣйствовали, когда Сѣровскій садился уже на лошадь, подъ предлогомъ, что ѣдетъ унимать тревогу, а въ самомъ дѣлѣ чтобы только вырваться у нихъ изъ рука и стать на челѣ перваго отряда инсургентовъ, какой попадется,—удерживали его насильно, а наконецъ арестовали именемъ великаго князя ³⁾. Вотъ причина бездѣйствія генерала Сѣровскаго въ первые минуты! Но онъ вознаградилъ это на другой день и въ слѣдующіе дни, доказавъ своимъ усердіемъ къ народному дѣлу, что лѣта преклонныя не охладили въ

¹⁾ Бригадный генералъ, состоявшій по арміи.

²⁾ Сѣміонтковскій, бригадный генералъ, исправлялъ, какъ выше сказано, должность начальника главнаго штаба бывшихъ польскихъ войскъ, а Салацкій (бригадный же генералъ) и Малецкій (дивизионный) были членами правительственной военной комиссіи.

³⁾ Авторъ ошибся, сказавъ выше, въ описаніи смерти Сѣміонтковскаго, будто-бы онъ былъ убитъ тотчасъ по выходѣ изъ своей квартиры, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ. Сѣміонтковскій выѣхалъ изъ дома верхомъ на лошади, объѣхалъ нѣсколько улицъ, потомъ находился около полутаса на Саксонской площади, употребляя всевозможныя средства къ усмирению собравшихся на этой площади отрядовъ взбунтовавшагося войска,—и тутъ, среди усилій обратить солдатъ къ долгу повиновенія, убитъ подпорщикомъ гвардейскаго гренадерскаго полка Балнскимъ, вскорѣ по арестованіи имъ, Сѣміонтковскимъ, генерала Сѣровскаго. Прим. перев.

немъ патріотическаго, почти юношескаго жара. Администраціонный совѣтъ предложилъ ему, по возвращеніи Паца, команду надъ войскомъ; но онъ не принялъ ея: „У насъ есть воинъ“,—отвѣчалъ онъ—„извѣстный всѣмъ изъ записокъ маршала Сюше ¹⁾“;—онъ старше меня чиномъ, и онъ одинъ можетъ положить конецъ интригамъ, которыя обратили бы въ ничто самыя лучшія распоряженія мои“. Правленіе, отдавая справедливость такимъ благороднымъ чувствамъ, назначило его военнымъ губернаторомъ города. Въ этомъ званіи разѣзжалъ Сѣровскій по улицамъ Варшавы, говорилъ къ солдатамъ, унималъ беспорядки и дѣлалъ приготовленія къ отпору, на случай, если бы великій князь вздумалъ ворваться въ городъ.

Въ тотъ же день администраціонный совѣтъ назначилъ Венгржецкаго президентомъ города, а Болесту вице-президентомъ ²⁾. Оба тотчасъ вступили въ должность. Такимъ образомъ возстановлялись исподоволь разныя части управленія съ ихъ подраздѣленіями. Подъ вечеръ Густавъ Малаховскій первый подаль правленію мысль учредить національную гвардію. Совѣтъ принялъ проектъ; но устранилъ названіе, какъ напоминавшее Парижъ и Брюссель. Любецкій предложилъ тотчасъ, въ замѣнъ, „стражу безопасности“—названіе, имѣвшее двоякій смыслъ. Стража безопасности могла служить и противъ инсurreкціи, и противъ внѣшняго непріятеля. Последнее о ней понятіе обезпечивало ей хорошій приѣмъ въ городѣ между инсургентами; а первое—за городомъ, въ лагерѣ великаго князя—и потомъ, на всякій случай, въ самомъ Петербургѣ. Такъ думалъ администраціонный совѣтъ, одобрилъ названіе „стражи безопасности столичнаго города Варшавы“. Ея начальникомъ и образователемъ назначилъ совѣтъ графа Петра Любѣнскаго, который во время герцогства Варшавскаго былъ начальникомъ національной гвардіи,—какъ Венгржецкій президентомъ города. Искали не вещи, а только названій, напоминавшихъ лучшія (?) времена и установленія.

¹⁾ Въ войну Наполеона въ Испаніи Хлопидскій находился подъ командою маршала Сюше, который въ запискахъ своихъ отзывается о немъ съ большою похвалою.

²⁾ Венгржецкій былъ судьей апелляціоннаго суда, а Болеста председателемъ центральной ликвидаціонной комиссіи.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 гг.

РАЗСКАЗЪ МОХНАЦКАГО.

IV ¹⁾.

Въ лагерь цесаревича. — Роль Замойскаго. — Шмидтъ. — Переговоры Замойскаго съ великимъ княземъ. — Стремленія Любецкаго. — Его политика. — Хлопецкій во главѣ войскъ. — Его распоряженія. — Недоброжелательство членовъ совѣта къ дѣлу революціи. — Положеніе Варшавы. — Воззваніе Венгржецкаго. — Предложеніе Шаньцкаго. — Депутація. — Учрежденіе исполнительнаго отдѣленія. — Муниципальный совѣтъ. — Лубенскій.

Перенесемъ теперь въ лагерь цесаревича. Константинъ Павловичъ, привыкшій, въ продолженіи слишкомъ десяти лѣтъ, получать днемъ и ночью подробныя донесенія о всякомъ, сама малѣйшемъ происшествіи, о всякой мелочи, увидѣлъ себя вдругъ, въ самомъ важномъ событіи своего владычества, внѣ круга всего движенія столицы, безъ рапортовъ, безъ свѣдѣній, безъ тайной полиціи; — а это огорчало его больше, чѣмъ самый упадокъ неограниченной его власти, чѣмъ личная обида, которую поляки, какъ онъ говорилъ, нанесли ему. Возстаніе въ городѣ, которое онъ такъ долго, такъ вѣрно держалъ въ своей власти, подстрекало чрезвычайно любопытство его. Изъ польскихъ адъютантовъ онъ могъ посылать въ Варшаву только одного Замойскаго. Турхо былъ въ разѣздѣ съ конными егерями; Трембицкій не смѣлъ бы показаться въ городѣ; а русскіе, Дьяковъ, Гогель, Грессеръ, были въ плѣну или ранены ²⁾. Но даже и во мнѣніи ве-

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLIII, іюль, стр. 157—202; августъ, стр. 341—362.

²⁾ Дьяковъ не былъ адъютантомъ государя цесаревича, онъ былъ генералъ-лейтенантомъ и командовалъ казачьими полками, расположенными въ царствѣ. Адъютантъ Гогель не былъ въ плѣну, а только раненъ.

ликаго князя не хотѣлъ Замойскій играть подозрительной роли въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ между имъ и инсургентами. Онъ просто не хотѣлъ быть шпиономъ и старался дать почувствовать великому князю, что ежели побѣдетъ онъ въ городъ, то не иначе, какъ въ характерѣ соучастника въ дѣлѣ земляковъ; что честь запрещаетъ ему ѣхать туда въ иной мысли, и что если неудобно великому князю, чтобы продолжалъ онъ такимъ образомъ самъ побѣдая, то можетъ оставить его при себѣ. Любопытство было у Константина Павловича сильнѣе всего: онъ велѣлъ Замойскому ѣхать въ городъ, отдавая ему на волю мыслить какъ ему угодно, лишь бы привозилъ извѣстій побольше и повѣрнѣе.

Замойскій, пользуясь случаемъ, нечаянно ему представшимся, выступилъ въ политической роли, на сценѣ новой и для него, и для великаго князя. Онъ отправился въ городъ за новостями, а возвращался съ предложеніями,—дѣлаясь, такимъ образомъ, изъ адъютанта посредникомъ и парламентаромъ. Сперва хотѣлось ему помирить всѣхъ поляковъ между собою, въ чемъ надѣялся успѣть съ помощію администраціоннаго совѣта. И въ самомъ дѣлѣ, постановленіе совѣта, которымъ новыя лица призывались къ участию въ дѣлахъ Царства, удержало пролитіе крови. Потомъ хотѣлось Замойскому помирить всѣхъ поляковъ съ Константиномъ Павловичемъ, чтобы не допустить дѣла до той черты, за которою онъ не видѣлъ ничего иного, кромѣ совершенной гибели края. Всѣ эти дѣйствія, въ высокой степени контр-революціонныя, цѣли возстанія совершенно противныя, ведены были весьма ловко и, что еще болѣе, съ праводушіемъ; ибо Замойскій не имѣлъ никакого участія въ заговорѣ, почиталъ революцію, пока она не возникла, величайшимъ несчастіемъ, а когда возникла, не вѣрилъ въ счастливыя ея послѣдствія. Правленіе, которое должно было рушиться отъ первыхъ выстрѣловъ, отъ первыхъ криковъ къ оружію, правленіе, противъ котораго (такъ какъ непосредственными причины революціи всегда и вездѣ суть только мѣстныя),—правленіе, говорю я, противъ котораго возсталъ городъ, существовало, вступало на новое поприще и снискало уже великій кредитъ, болѣею частью посредствомъ сего молодого офицера—родственника князя Чарторійскаго.

Теперь представилась новая загадка. Какимъ образомъ продлить существованіе администраціоннаго совѣта, возстановленнаго,

сооруженнаго въ срединѣ между возстаніемъ и великимъ княземъ, если революція—чего, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно было ожидать—разовьется сильнѣе? То есть: какимъ образомъ заслонить совѣтъ отъ ожидаемаго натиска революціонистовъ, которые начали возстаніе, имѣли и оружіе въ рукахъ, и видя, что великій князь ничего противъ нихъ не предпринимаетъ, могли наконецъ выйти изъ тогдашняго бездѣйствія своего? Замойскій предусматривалъ только одно средство, доказывающее его особенную прозорливость. Возвратясь изъ города въ аллен, онъ обращается въ прусскому консулу Шмидту, находившемуся съ самой полночи при великомъ князѣ, и зная довѣренность къ нему Константина Павловича,—довѣренность, которая съ іюльской революціи постоянно усиливалась,—старается склонить его, Шмидта, чтобы употребилъ онъ все свое вліяніе для внушенія цесаревичу, что „люди, которые объяли теперь бразды правленія, могли бы еще предупредить всѣ дальнѣйшія послѣдствія возникшаго волненія, если бы удалось имъ снискать какія-либо важныя для края пользы; что поставить сихъ людей въ такое положеніе зависить отъ великаго князя и что если его высочество откажетъ имъ въ своей помощи, то ходъ событій увлечетъ, сомнетъ ихъ непремѣнно; ибо революція дѣлаетъ успѣхи и въ минуту дойдетъ до того, что никто уже не будетъ въ состояніи управиться съ нею—въ минуту не удастся, можетъ быть, никому удержать этотъ край за императоромъ“. На вопросъ консула: „какой же дать совѣтъ великому князю?“—отвѣчалъ Замойскій, что „только одно слово: независимость, произнесенное совѣтомъ, съ дозволенія великаго князя, можетъ теперь подкрѣпить совѣтъ, можетъ дать ему силу въ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; что, въ противномъ случаѣ, найдется онъ чрезъ нѣсколько минутъ слишкомъ слабымъ, чтобы совладать съ обстоятельствами, а самъ собою не рѣшится совѣтъ на такую сильную мѣру, пока не удостовѣрится, что соизволитъ великій князь признать ее средствомъ необходимымъ, неизбежнымъ—единственнымъ въ положенію преграды дальнѣйшему ходу революціи“.

Шмидтъ взялся представить это великому князю, котораго главная квартира была тогда въ маленькомъ домикѣ таможенной стражи, у Мокотовской заставы. Черезъ минуту онъ вернулся изъ того домика и объявилъ, что великій князь желаетъ слышать

все отъ самого Замойскаго. Тутъ наступила бесѣда — весьма интересная для возстанія, рисующая чудный, оригинальный характеръ Константина Павловича и общее положеніе дѣла, которое было еще чуднѣе и оригинальнѣе. Замойскій говорилъ рѣзко, но, прибирая слова самыя деликатныя, онъ объяснялъ, что „въ народѣ (?!) всеобщее, сильное негодованіе, что оно произвело революцію, что бездѣйствіе великаго князя позволяетъ ей развиваться, а дальнѣйшее бездѣйствіе доведетъ дѣла до положенія, которому никто уже не пособитъ“. Обращаясь потомъ къ людямъ, которые стали у кормила правленія, говорилъ Замойскій: „они характера благороднаго и пользуются уваженіемъ цѣлаго края—это люди государственные, разсудительные, не порывами страстей управляемые; все зависитъ отъ того, чтобы не дать упасть этому уваженію, чтобы удержать этихъ людей на пунктѣ, который они заняли; ибо правленіе, если опрокинетъ ихъ революціонный потокъ, достанется сегодня же въ руки людей совсѣмъ другого рода—людей, о которыхъ ваше высочество никогда не слыхали, которые, слѣдуя одному движенію своихъ страстей, доведутъ дѣло до послѣдней крайности, до совершеннаго разрыва!“¹⁾.

— „Соблаговолитсѣ“—говорилъ Замойскій—„дать знать администраціонному совѣту въ нѣсколькихъ словахъ: что ваше императорское высочество возлагаете на него принять всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ нужными, что какія бы онъ ни предпринималъ мѣры, одобрите вы какъ крайнія, вынужденныя обстоятельства; что не будутъ онѣ почитаемы принятыми добровольно, въ видахъ содѣйствовать движенію;—въ настоящемъ же положеніи, первымъ, неизбѣжнымъ для совѣта, шагомъ есть провозглашеніе независимости“.

Хотя консулъ Шмидтъ и предварилъ цесаревича слетка о пладѣ Замойскаго, но не менѣе того, слово „независимость“ произвело такое на него впечатлѣніе, правдивое или притворное, что онъ не могъ удержать себя и съ величайшимъ гнѣвомъ закричалъ²⁾...

¹⁾ Здѣсь въ оригиналѣ перевода пропускъ.

²⁾ Пропускъ въ оригиналѣ перевода.

Замойскій, въ поѣздкахъ изъ лагеря въ городъ и изъ города въ лагерь, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности изъ-за великаго князя: по немъ стрѣляли и въ ночи, и утромъ. Озадаченный словами Константина Павловича, онъ не могъ также удержать своей пылости и отвѣчалъ довольно рѣзко ¹⁾...

Упреки этого рода слышалъ нерѣдко Константинъ Павловичъ и отъ императора Александра, и ото всѣхъ, кто искренно желалъ ему добра; да и отъ природы былъ онъ таковъ, что передъ всякимъ, кто сопротивлялся ему сильно, уступалъ онъ всегда хотя на минуту, какъ бы признавая въ немъ какое-то моральное превосходство, а потому внезапный оборотъ, который далъ Замойскій разговору, вмѣсто того, чтобы еще больше разсердить Константина, сдѣлалъ его только вротче. Онъ велѣлъ своему адъютанту говорить далѣе, и спросилъ: „что разумѣть онъ подъ независимостью?“ Замойскій объяснялся пространнѣе и настойчивѣе: „слово независимость“—говорилъ онъ—„не влечетъ за собою неповиновенія, оно не означаетъ и разрыва съ Имперіею, а только, что народъ хочетъ самъ заниматься своими дѣлами“. Припомнивъ себѣ тутъ значеніе, данное тому слову въ рапортѣ предсѣдателя сеймоваго суда ²⁾, Замойскій ссылаясь на собственные слова

¹⁾ Пропускъ въ оригиналѣ перевода.

Ред.

²⁾ Замойскій, съ назначенія его адъютантомъ цесаревича (послѣдовавшаго въ началѣ 1827 г., предъ самымъ созваніемъ сеймоваго суда), пользовался особенною довѣренностію дяди своего, князя Адама Чарторійскаго. Съ своей стороны видѣлъ Замойскій въ князѣ Чарторійскомъ величайшаго государственнаго человѣка, а въ приговорѣ сеймоваго суда и въ рапортѣ предсѣдателя суда, въ составленіи которыхъ участвовалъ наиболѣе князь Чарторійскій, видѣлъ высочайшее произведеніе человѣческаго ума. Онъ не скрывалъ этого, и приводимыя здѣсь умствованія Замойскаго почерпнуты всѣ изъ помнутаго рапорта.—Справедливо показаніе сочинителя, что Замойскій не участвовалъ въ заговорѣ на возстаніе; но не менѣе того предполагать можно, что за нѣсколько дней до возстанія извѣстно ему было существованіе заговора. Дней за шесть до 29-го ноября получено было однимъ русскимъ генераломъ, находившимся при цесаревичѣ, безымянное, нигдѣ не подписанное письмо, въ которомъ заключались важныя на счетъ заговора открытія;—а въ первыхъ дняхъ возстанія можно было ясно видѣть изъ разговоровъ Замойскаго съ захваченными въ плѣнъ офицерами нашими и генералами, что сказанное безымянное письмо было имъ писано. Оно, согласно желанію писавшаго, было въ свое время представлено его высочеству; но не хотѣвшіе вѣрить существованію заговора пренебрегли донесеніемъ и пред-

Александра, но больше всего опирался на то, что „только одно слово „независимость“ будетъ теперь понятно для народа; что только однимъ этимъ словомъ можетъ удержаться совѣтъ среди одоливающего волненія, что только подъ этою фирмою удастся ему создать такое положеніе дѣлъ, изъ котораго не возникло бы зло большее, несправимое“.

Всѣ эти доводы были тщетны. Великій князь понималъ только то, что не должно ему ни во что мѣшаться и отказывалъ рѣшительно въ своемъ согласіи. „Этого нельзя“—повторялъ онъ безпрестанно.

Потомъ, въ новомъ припадкѣ любопытства, поручилъ Замоискому вновь съѣздить въ Варшаву.

— „Безъ сомнѣнія могу, и поѣду всякій разъ, когда ваше высочество прикажетъ соблаговолите“.

На что не успѣлъ Замоискій получить впередъ разрѣшенія, то надѣялся онъ выходить, по крайней мѣрѣ, подтвержденіе великаго князя, если бы что сдѣлалось и безъ его соизволенія (?!). Съ этою мыслию поспѣшилъ онъ въ совѣтъ, засѣдавшій уже въ банкѣ и передалъ ему разговоръ свой съ великимъ княземъ. Но Любецкій, котораго мнѣніе первенствовало въ совѣтѣ, былъ далекъ отъ принятія такого проекта. Выслушавъ Замоискаго, онъ сказалъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ: „Администраціонный совѣтъ не раздѣляетъ мнѣнія графа Замоискаго, будто совѣту, для поддержанія себя, должно провозгласить независимость. Совѣтъ, напротивъ, возлагаетъ на него же донести цесаревичу, что и въ случаѣ какихъ либо уступокъ, вынужденныхъ обстоятельствами, не выйдетъ никогда совѣтъ изъ границъ, которыя указываетъ ему имя императора и царя, стоящее на всѣхъ его актахъ. Не можетъ совѣтъ сдѣлать великому князю подобнаго предложенія—не можетъ взять на себя такой отвѣтственности“. Потомъ, передъ цѣлымъ собраніемъ, хранившимъ глубокое молчаніе, присовокупилъ Любецкій: „мы должны отъ имени всего присутствія объявить нашу благо-

ставили его цесаревичу въ видѣ умысла злонамѣренныхъ втянуть правительство въ безполезныя слѣдствія, только для возбужденія криковъ неудовольствія жителей. Впослѣдствіи, во все продолженіе мятежа, былъ Замоискій однимъ изъ ревностѣйшихъ его поборниковъ. Прим. перев.

дарность графу Замойскому за его стараніе внушить великому князю, что только такимъ средствомъ можетъ совѣтъ охранить дальнѣйшее свое бытіе. Не допуская же съ нашей стороны такого революціоннаго акта, и тѣмъ самымъ не ставя великаго князя въ необходимость утверждать его своимъ соизволеніемъ, мы покажемъ себя умѣренными и вселимъ въ цесаревича новое убѣжденіе, что всѣ дѣйствія наши до сихъ поръ были устремлены къ исполненію точнаго долга нашего“.

Духъ совѣта выражался въ этихъ словахъ Любецкаго. Имя Императора и Царя должно было, по мнѣнію совѣта, управлять дальнѣйшими его дѣйствіями: все, что переступало за эту черту, было уже явнымъ возмущеніемъ, было бунтомъ, въ которомъ Любецкій и его новые товарищи не хотѣли имѣть никакого участія.

Опредѣлимъ здѣсь ближе политику министра финансовъ. Чтобы понять ее хорошо, надобно знать слѣдующее обстоятельство. За два или за три года до революціи, началъ Любецкій заводить въ Петербургъ рѣчь о распространеніи правленія Царства Польскаго на забранныя области. Онъ никогда не понималъ быта Польши отдѣльнаго, безъ союза съ имперією, безъ общаго съ нею министра, даже безъ подчиненности въ отношеніи къ имперіи. Понималъ онъ одну только вещь, которой желалъ пламенно какъ министръ, какъ администраторъ, а особенно какъ человѣкъ честолюбивый и дѣятельный: чтобы вмѣстѣ съ царствомъ стали и забранныя области, Литва и Русь, подъ его завѣдываніемъ, по части управленія, т. е., чтобы вольно ему было обложить ихъ тѣми же податями, тѣмъ же фискализмомъ, тѣми же монополіями, какія онъ выдумалъ для Царства. Весьма натурально, что ему хотѣлось владѣть лучше надъ 13-тью, нежели надъ 4-мя милліонами поляковъ,—и слѣдственно не интересомъ Польши онъ занимался, не того желалъ, чтобы она была краемъ большимъ и сильнѣйшимъ,—желалъ только большаго участія для себя въ системѣ Россіи, желалъ обширнѣйшей сферы, пространнѣйшаго круга дѣйствій. Какія средства употреблялъ онъ въ Петербургѣ для достиженія своей цѣли—мы не знаемъ; но представить ихъ себѣ не трудно: онъ, конечно, выставлялъ дурное управленіе прибрѣтенныхъ отъ Польши губерній, общалъ

имперіи больше доходовъ, если бы отданы были тѣ губерніи въ его распоряженіе; сравнивалъ цвѣтущее состояніе Царства — этотъ очевидный, столь высоко цѣнимый результатъ его стараній и талантовъ — съ упадкомъ земледѣлія, съ отсутствіемъ всякой промышленности и торговли въ губерніяхъ, — съ ихъ положеніемъ, жалкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но дѣло само по себѣ не имѣло успѣха у царскаго двора. Между тѣмъ вспыхнулъ революція въ Варшавѣ. Это событіе подвергало, должно было подвергнуть, Любецкаго многимъ нареканіямъ. Онъ не могъ сего не чувствовать. Его система была виною возстанія. Сеймовый судъ былъ его дѣломъ. Его дѣломъ было революціонное волненіе, сеймовымъ судомъ возбужденное: и такъ его же дѣломъ было и 29 ноября 1830 г. Въ такомъ смыслѣ разсуждая, и Константинъ Павловичъ и Новосильцовъ на кого-жъ, какъ не на него, могли взвалить въ Петербургѣ всю вину? Любецкій безпрепятственно воевалъ съ Новосильцовымъ, защищалъ конституціонныя вольности Царства, защищалъ поляковъ. Вслѣдствіе всего этого возсталъ народъ. И такъ, очевидно, что не Любецкій былъ правъ, а Новосильцовъ, слѣдовательно былъ виноватъ Любецкій и могъ за то подпасть отвѣтственности. Его вѣсъ, его вліяніе, его безошибочность проходили какъ мгла, какъ сонъ — исчезали. Въ такое положеніе ставила революція министра финансовъ! Но человѣка столь оборотливаго повалить не легко; умъ столь обширный не вдругъ дастъ себя одолѣть и послѣдствіями собственной своей системы. Министръ финансовъ акцептуесть трудное положеніе, въ которое вовлекла его революція. Что еще больше: онъ видитъ въ немъ, когда 30 ноября, послѣ перваго воззванія администраціоннаго совѣта, оказалось ясно, что дѣло непремѣнно пойдетъ впередъ — онъ видитъ въ томъ положеніи своемъ возможность привести въ дѣйствіе свой любимый проектъ — проектъ освобожденія Польши по части управленія отъ системы русской имперіи, — предпринимаетъ достигнуть сей цѣли подъ вліяніемъ событій 29-го ноября и мгновенно, для спасенія упадающаго кредита своего въ Петербургѣ, вооружается такимъ умствованіемъ: — „дѣйствія великаго князя Константина Павловича произвели революцію — я это предвидѣлъ — я предостерегалъ Императора — произошло возстаніе не отъ моей системы, но, напротивъ, отъ того, что

не могъ я вполнѣ развить моей системы“. Отсюда онъ натурально выводилъ необходимость сдѣлать народу важныя уступки, сдѣлать важныя перемѣны въ правленіи конституціонной Польши. Для исходатайствованія-же у Императора тѣхъ уступокъ, тѣхъ перемѣнъ,—какими—въ видахъ Любецкаго, (т. е. на основаніи помннутыхъ данныхъ), долженствовали быть происшествія 29-го? Вотъ какими: довольно живыми и сильными внутри, въ Варшавѣ, чтобы удалось, подъ ихъ вліяніемъ, выпросить, выторговать, даже вынудить (!) что нибудь для конституціонной земли, для конгресснаго status quo, а особенно въ пользу изъясненнаго плана обширнѣйшаго круга администраціонныхъ дѣйствій;—но, съ другой стороны, и не слишкомъ насильственными, дабы не послѣдовало совершеннаго разрыва, котораго онъ не понималъ, котораго боялся. „Если бы дошло до войны“,—говорилъ Любецкій,—то Императоръ пустилъ бы себя кровь изъ обѣихъ рукъ“.

Политика министра финансовъ, обозначенная этими чертами, вела его, натурально, къ посредничеству. Онъ предпринялъ быть посредникомъ между 29-мъ ноябремъ и царемъ, коль скоро удосто-вѣрился, что силою не одолѣетъ возстанія,—о чемъ зналъ уже на другой день, т. е. 30-го ноября. Но чтобы удалось посредничество, нужны были двѣ вещи: во-первыхъ, чтобы движеніе 29-го развилось, только до извѣстной степени, а потомъ сказало самому себѣ: „дальше я не пойду“;—во вторыхъ, чтобы Петербургскій кабинетъ, чего съ нимъ со временъ Петра ни разу не случилось) совершенно сошелъ съ ума, и захотѣлъ трактовать съ Варшавою, съ Царствомъ Польскимъ, взбунтованнымъ до извѣстной степени. И потому полагалъ Любецкій, что движенію 29-го ноября успѣетъ онъ дать такой оборотъ, чтобы оно въ себѣ имѣло силы ни больше, ни меньше, но именно столько, сколько нужно для подкрѣпленія предъ Императоромъ его представленій, его доводовъ, его софизмовъ. И самымъ твердымъ умомъ можетъ иногда до того овладѣть одна идея, что онъ только съ нею и чрезъ нее видитъ всѣ вещи. Въ такомъ положеніи находился Любецкій. Онъ стоялъ въ срединѣ между двумя крайностями: между раздраженіемъ польскаго народа и высокоуміемъ (?) русскимъ, забывая, что въ политикѣ подобныя положенія не имѣютъ подъ собою никакого

фундамента, забывая, что все, что только есть серединою въ свѣтѣ, не въ свѣтѣ механическомъ, а въ нравственномъ, слабѣ того или другого конца. Мы увидимъ тотчасъ, что онъ къ своимъ частнымъ видамъ не успѣлъ склонить ни уличнаго волненія, ни въ послѣдствіи царя.

Замойскій, который на Константина Павловича и на администраціонный совѣтъ могъ имѣть вліяніе двоякое, — страшая перваго успѣхами революціи и ободря послѣдній робостью великаго князя, не постигалъ, равно какъ и Любецкій, до чего разрывъ съ Россіею могъ довести конституціонную Польшу; но, для отклоненія разрыва, указывалъ старому, новыми именами поддержанному, правленію средства ниня, замысливъ Любецкаго совершенно противныя, указывалъ дорогу короче и прямѣе.

Люди съ такимъ значеніемъ, разсуждалъ онъ, какъ Чарторійскій, Пацъ, Нѣмцевичъ, Радзивилъ, могли и должны были со вступленіемъ въ администраціонный совѣтъ, дать посредничеству своему въ этомъ дѣлѣ характеръ политическій, соответствующій ихъ вѣсу въ краѣ. Но чтобы потребовали они отъ великаго князя чего нибудь незначительнаго, чтобы они рѣшительно ничего не выторговали у него, — этого не допускалъ Замойскій. Въ политическихъ потрясеніяхъ, только предупрежденіемъ голоса народнаго берутъ верхъ надъ нимъ. Не сказала еще революція, чего она хочетъ. Провозгласивъ независимость, правленіе отгадало, обвѣстило бы мысль народа. Этимъ самымъ оно оградило бы себя крѣпче противъ народа, могло бы даже имѣть вліяніе на народъ. Снискавъ такимъ образомъ популярность, найдя источникъ дѣйствительнаго своего существованія, приобрѣта силу, потребную для удержанія за собою власти, администраціонный совѣтъ могъ бы сію власть употреблять такъ, чтобы, съ одной стороны, возникли отсюда для края въ конгрессныхъ границахъ нѣкоторыя конституціонныя улучшенія и чтобы, съ другой, не пришло до неприятельскихъ дѣйствій съ царемъ. Независимость безъ войны съ Россіею — вотъ слово, котораго лучше нельзя было бы изобрѣсти для занятія на время воображенія инсургентовъ, — слово, весьма замысловатое, но въ сущности пустое: оно было бы иначе толкуемо въ Варшавѣ и иначе въ Петербургѣ. Въ Варшавѣ оза-

чало бы оно доброе расположеніе правленія; — въ Петербургѣ было бы принято за вынужденное насиліемъ инсurreкціи, за присвоенное для успокоенія, для насыщенія ея въ первыя минуты,—слѣдовательно, за средство, противъ нея употребленное. И въ самомъ дѣлѣ, если бы администраціонный совѣтъ тотчасъ провозгласилъ независимость края и актъ, ее провозглашающій, вслѣдъ за объявленіемъ его народу, склонилъ бы великаго князя утвердить оный,—или послалъ бы къ нему до объявленія и предложилъ бы, въ видѣ ultimatum, что онъ долженъ непремѣнно утвердить тотъ актъ, что однимъ онаго утвержденіемъ можетъ воспрепятствовать волненію развернуться до крайности, гибельной для него, для совѣта и для интересовъ имперіи: то согласился бы Константинъ Павловичъ, принужденъ бы былъ согласиться (?) на провозглашеніе независимости. Одинъ Любецкій испортилъ это дѣло, это искусное средство овладѣть революціею, ослѣпить ее.... Одинъ Любецкій не далъ новому составу совѣта дойти до тахішм'а, котораго достигнуть позволяли ему обстоятельства. Онъ одинъ взялся увѣрить великаго князя, что предпринятая мѣры и приглашеніе новыхъ членовъ къ засѣданію въ совѣтѣ были достаточны для противостоянія усиливавшимся происшествіямъ, и погрѣшилъ здѣсь тяжко. вмѣсто того, чтобы воспользоваться всѣмъ, что только было сильного (?) и возможнаго въ тогдaшнемъ положеніи администраціоннаго совѣта, вмѣсто того, чтобы вынудить этимъ миръ у возстанія, а у великаго князя вызвать согласіе на все, что уже случилось, разсудилъ министръ финансовъ поставить власть въ такомъ къ уличному волненію отношеніи, чтобы казалось, будто бы замышляетъ она вступить съ нимъ въ явный бой.

Въ тотъ же день, вечеромъ, явился первый разъ въ правленіи генералъ Хлопицкій, котораго и революція, и администраціонный совѣтъ долго искали,—та и другой въ разныхъ видахъ. Грозное цесаревича положеніе, превратное понятіе о могуществѣ власти русской, недоувѣріе къ силѣ польскаго народа, а больше всего недостатокъ того юношескаго жара, котораго ничто не замѣнитъ, ничто не пробудитъ въ душѣ человѣческой, коль скоро онъ разъ остынетъ, поставили Хлопицкаго въ мигъ на ту точку зрѣнія, съ которой и Любецкому, и всѣмъ поддерживавшимъ Любецкаго,

хотѣлось, чтобы смотрѣлъ Хлопицкій на вещи. Контръ-революція кидалась въ его объятія. Она вѣрила ему начальство надъ войскомъ, вѣдая очень хорошо, въ какой цѣли онъ принималъ сіе начальство. Хлопицкій держался прежнихъ своихъ правилъ, своего всегдашняго отвѣта желавшимъ вовлечь его въ разговоръ: „что отъ бунтовщиковъ никогда не приметъ никакой власти“. Онъ бралъ теперь власть, но изъ рувъ правленія, которое еще отъ имени царя Николая дѣйствовало. Онъ бралъ ее, не для содѣйствія возстанію, но, напротивъ, (какъ говорилъ и въ самомъ со-вѣтѣ), „для укрощенія бунтовщиковъ, для восстановленія порядка, для прекращенія грабежей, для обузданія распущеннаго солдательства“,—да и бралъ только потому, что призывали его отъ имени царя Николая. Такія слова его, изображающія во всей точности характеръ, понятія и замыслы человѣка, къ которому народъ и войско имѣли неограниченное довѣріе, не произвели дурного впечатлѣнія на членовъ администраціоннаго совѣта: напротивъ, явное Хлопицкаго отвращеніе, его суровый языкъ, неуваженіе и даже презрѣніе ко всеобщему, имъ возбуждаемому, восторгу дѣлали его, въ глазахъ правленія, человѣкомъ необходимымъ. Найдены наконецъ тотъ, котораго всѣ желали,—который былъ противъ всѣхъ. Въ немъ приобрѣтало силу, въ немъ явно олицетворялось все, чѣмъ, съ общаго согласія, можно было дѣло революціи, сообразно особеннымъ, безпрестанно измѣнявшимся, видамъ и тайнымъ уговорамъ, или удержатъ въ извѣстной степени, или совершенно остановить,—или же, наконецъ, дать ему любое направленіе, согласное съ тѣми или другими частными понятіями, предубѣжденіями, мелочными видами.

Занялись сочиненіемъ перваго приказа войску. Хлопицкій былъ долго въ недоумѣніи, какъ подписать тотъ приказъ. Званіи главнокомандующаго, предводителя военныхъ силъ, онъ принять не хотѣлъ. Настоящимъ главнокомандующимъ былъ братъ царя. Послѣ многихъ перемѣнъ онъ поставилъ титулъ генерала — титулъ, въ которомъ не отказывала ему и сама Россія. Снимъ первымъ приказомъ повелѣвалъ онъ войску остаться на мѣстахъ, которыя оно занимало въ то время. Вторымъ дѣломъ Хлопицкаго было обезопасеніе захваченныхъ въ плѣнъ русскихъ генераловъ: Рихтера, Энгельмана, Есакова, Ланга и другихъ; онъ самъ,

въ виду всего войска, перевелъ ихъ съ арсенальной гауптвахты въ царскій замокъ, показывая этою заботливостію, предшествовавшюю столькимъ важнымъ, нужнѣйшимъ занятіямъ, какъ должны разумѣть его инсургенты и непріятель.

Минулъ первый день народнаго (?!) возстанія, и ничто не выводило еще умовъ изъ неизвѣстности на счетъ дальнѣйшаго оборота дѣлъ. Борьба прекратилась; но дѣйствія администраціоннаго совѣта не предвѣщали ничего хорошаго. Что думаетъ непріятель, того не зналъ никто въ возстаніи: одни планы министра финансовъ не подлежали сомнѣнію. Опасность была велика. Въ Польшѣ имена имѣютъ большую силу; прежнія заслуги пользуются общимъ довѣріемъ. Имена и заслуги были явно противъ происшествій 29-го ноября. Они, какъ мы видѣли, называли тѣ происшествія прискорбными—повелѣвали, чтобы самое воспоминаніе о нихъ исчезло вмѣстѣ съ ночью, ихъ покрывавшею. Эта прокламація администраціоннаго совѣта тѣмъ болѣе ослабляла начатое дѣло, чѣмъ внимательнѣе читали ее. Чего-жъ могъ ожидать заговоръ, веденный столько лѣтъ, когда противъ него, коль скоро онъ обнаружился, протестовали первыя лица въ краѣ, лица популярныя, по самой популярности своей, въ совѣтъ правленія, въ совѣтъ, обращающійся къ народу отъ имени царя, императора Россіи? И такъ не довольно было подать сигналъ—не довольно было поднять оружіе! Предстояло еще: сокрушить преграду, положенную въ самомъ началѣ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ народа (?!),—предлежало одолѣть сопротивленіе своихъ поляковъ. Подъ контръ-революціею должно разумѣть не только поворотъ движенія назадъ, но и каждую остановку, каждую помѣху сильнѣйшему его развитію. Не хотѣли, не желали угадать сего огромнаго вооруженнаго сборища, хотя еще нестройнаго, но показывавшаго ясно однимъ видомъ своимъ, къ чему оно стремится. Подъ уловкою, настоящею іезуитскою: „неизвѣстно, чего хочетъ духъ революціонный“—скрывалось или недоброжелательство, или равнодушіе.

И такъ слѣдовало революціи обнаружить свои мысли. Дѣло остановилось: надобно было толкнуть его, чтобы шло впередъ. Словомъ, надобно было побѣдить контръ-революцію. Сего требовали многія важныя, крайнія причины. Разсмотримъ со всѣхъ сторонъ это критическое положеніе революціи.

Цесаревичъ стоялъ лагеремъ за городомъ; оттуда, вдоль по Новому-свѣту и далѣе, боковыми улицами, посылалъ патрули, дѣлалъ рекогносцировки. Онъ владѣлъ, такимъ образомъ, частію города и пересѣкалъ сообщеніе съ частію края. Кромѣ своихъ трехъ кавалерійскихъ полковъ, онъ имѣлъ при себѣ нашихъ гвардейскихъ конныхъ егерей, артиллерію бомбардирской школы и шесть пѣхотныхъ ротъ изъ Ординацкихъ казармъ. Герштенцвейгъ привелъ къ нему, 30-го ноября, изъ мѣстечка Гуря, 16 орудій (12—стоявшей тамъ русской гвардейской пѣшей роты и 4 учебныя); изъ м. Скѣрнѣвицъ подходила русская-жъ конная гвардейская батарея. Ночью съ 30-го ноября на 1-е декабря умножились эти силы двумя пѣхотными полками, Волынскимъ и Литовскимъ, и 10-ю ротами польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка, которыя генералъ Жимарскій привелъ къ великому князю обходя городъ полемъ. Такимъ образомъ цесаревичъ имѣлъ больше войска, нежели инсургенты. Прямо отъ него получали, могли, по крайней мѣрѣ, прямо получать приказанія всѣ отряды польской арміи, которые были расположены по воеводствамъ. На счетъ дѣйствій той части войска, съ которою Константинъ могъ удобно сноситься, было большое сомнѣніе. Уничтоженіе Варшавской торговли дѣйствительно легкое,—по мнѣнію самихъ заговорщиковъ, весьма возможное, могло отклонить всю армію отъ самаго благороднаго предпріятія. Подвозъ продовольствія въ столицу, съ одной стороны совершенно прерванный, подвергался и въ другихъ мѣстахъ разнымъ затрудненіямъ. Модлинъ и находившіеся въ немъ военные припасы были въ рукахъ непріятеля. Наконецъ силы русскія, самыя отдаленныя отъ границъ царства, можно было двинуть противъ восстанія и тогда было бы все кончено въ нѣсколько дней. Присутствіе Константина Павловича давало городу видъ осады, а дѣйствіемъ и характеру администраціоннаго совѣта—видъ капитуляціи. Заговорщики, въ случаѣ дальней атаки со стороны великаго князя, могли обороняться долго, могли, наконецъ, погибнуть; но отъ жителей города не могли сильнаго ожидать пособія¹⁾: въ опредѣленіи мѣры участія, какое въ первые два дня взяла бы Варшава въ оборонѣ города противъ атаки цесаревича, — да не выходитъ

¹⁾ Опять невольное сознаніе, что восстаніе не было дѣломъ народа.
Прим. перев.

никто изъ границъ большой умѣренности! Городъ, съ одной стороны, боялся штурма, а съ другой—грабежа, весьма опираясь и на счетъ отваги непріятеля, и на счетъ честности своей черни, которая, кромѣ минутной шалости на Новомъ-свѣтѣ, не навлекла на себя никакого нареканія. 1830-й годъ не былъ 1794-мъ! Какъ всякая столица по долгомъ спокойствіи, такъ и наша вмѣщала въ себѣ много равнодушныхъ, много чужеземцевъ, заботящихся только о своей пользѣ,—словомъ, не мало худого расположенія. Какъ вездѣ, такъ и въ Варшавѣ, преграды этого рода, ничтожныя при сильномъ и быстромъ дѣйствіи, могли, въ противномъ случаѣ, сдѣлаться непреодолимыми.

На зарѣ такъ долгожданной свободы, что за пасмурный видъ являла Варшава!... Всѣ дома, самыя костелы были непрерывно заперты; окна завѣшены: какъ будто все спитъ и не хочетъ пробудиться. Чиновники проклинали возстаніе: ихъ умы были заняты только жалованьемъ и значеніемъ. Купцы, банкиры, фабриканты, даже зажиточнѣйшіе ремесленники, большею частію иностранцы, которыхъ было слишкомъ за десять тысячъ, боялись, одни—грабежа, другіе—внезапной остановки въ дѣлахъ—какъ всѣ на свѣтѣ купцы, торгаши, мастеровые. Только лавки и барыни были у нихъ на умѣ. Наконецъ евреи, которыхъ было также нѣсколько десятковъ тысячъ, не имѣли причины благопріятствовать возстанію. Они опасались, и не безъ основанія, тяжелой отплаты за дѣятельное ихъ участіе въ тайной полиціи. Не было все это стихіею революціонною. Одинъ простой народъ, тотъ самый, что и во время Килинскаго, разобравъ въ арсеналѣ оружіе, бродилъ толпами по рынкамъ и площадямъ огромнаго мертваго города, напоминая потѣшную стрѣльбою, что пора выйти изъ усыпленія—пора сдѣлать что-нибудь для Польши.

Такому не слишкомъ благопріятному расположенію столицы соответствовали и характеръ, и видъ, и даже языкъ мѣстныхъ властей какъ прежнихъ, такъ и новыхъ. Сія власть, по примѣру администраціоннаго совѣта, противъ возставшихъ обращала первые свои шаги, первыя воззванія. Вмѣсто ободренія къ возстанію, они возбуждали отвращеніе къ нему, и умы жителей, еще колебавшіеся, тревожили страхомъ разбоевъ, принимая противъ нихъ мѣры безъ всякой надобности,—безслова возстаніе своими мѣрами

въ глазахъ цѣлаго свѣта. Національную гвардію называли стражей безопасности! Начальникъ этой стражи, графъ Петръ Лубенскій, объявлялъ въ первомъ своемъ воззваніи, что устанавливается порядокъ вооруженія „для обезпеченія частной собственности“. Такое же оскорбленіе нанесено было и войску, и поднявшему оружіе народу муниципальнымъ управленіемъ и президентомъ города. Венгржецкій ¹⁾, молодой и бодрый во время герцогства варшавскаго, пользовавшійся съ того времени общимъ уваженіемъ, соединялъ теперь прежнія качества добраго поляка со всею вялостью челоуѣка, обремененнаго уже лѣтами. Кормимъ городской власти поручили нарочно ветерану патріотизма, который не могъ управлять движеніемъ столицы, а возней контрреволюціи не постигалъ. „Къ вамъ“—такъ говорилъ Венгржецкій въ своемъ воззваніи, — „къ вамъ обращаюсь, владѣльцы домовъ, старшины купечества, начальники мастеровъ всякаго ремесла! Спѣшите въ ряды стражи безопасности: оружіе въ рукахъ вашихъ да будетъ для всѣхъ жителей Варшавы залогомъ безопасности лицъ и цѣлости имуществъ!“ Такія слова приводилъ въ ярость, электризовали заговорщиковъ, выставляя ихъ нѣкоторымъ образомъ на позоръ. Внутренній порядокъ есть вездѣ и всегда первою вещью; вездѣ охраненіе собственности должно быть первою цѣлію власти. Но обращаясь къ народу, поднявшему оружіе для сокрушенія чужеземнаго (!?) ига, говорить ему только о частной собственности, говорить въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы угрожаетъ ей возникшее возстаніе, какъ будто бы можетъ она пасть жертвою распущенной черни—говорить тогда, какъ эта чернь являла доводы самаго благороднаго (!! безкорыстія, не было ли то же, что опорочивать возстаніе, пятнать его чело клеймомъ безславія... Частную собственность надлежало обезпечить; но не слѣдовало и вспоминать объ ней въ минуту столь великую, столь торжественную. Дѣйствию властей, если бы въ правительствѣ была совѣсть, представлялось поле гораздо обширнѣйшее.

Хлопицкій, принявъ начальство надъ войскомъ, не таялъ ни передъ кѣмъ въ правленіи всего отвращенія своего къ возложен-

¹⁾ Бывшій, какъ выше сказано, президентомъ города во время герцогства варшавскаго и, во второй день мятежа, вновь президентомъ назначенный.

Прим. перев.

ному на него званію. Онъ метался во всѣ стороны, морщился; его разъяренные глаза, распаленное лицо, судорожныя тѣлодвиженія, показывали слишкомъ ясно, какое онъ дѣлаетъ себѣ принужденіе. Приступили къ нему, чтобы послалъ онъ приказанія войскамъ, чтобы предписалъ ближайшимъ отрядамъ выступить къ Варшавѣ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать этого самъ собою, требовалъ особаго на это постановленія, требовалъ выписки изъ протокола администратіоннаго совѣта,—и, такимъ образомъ, совѣтъ, отъ имени царя, позвалъ войско въ Варшаву—для защиты ея отъ брата царя. Это произвело замѣшательство во всѣхъ умахъ. Анархія понятій и анархія властей могли все въ ничто обратить. Солдаты роптали; народъ выходилъ изъ терпѣнія. Администратіонный совѣтъ ежеминутно терялъ довѣріе и было очевидно, что онъ не успѣетъ его удержать долѣе. Въ его составѣ, направленіи и механизмѣ послѣдовала, 1-го декабря 1830 г., перемѣна малозначущая, но по источнику, изъ котораго происходила, больше, по мнѣнію моему, вредная, чѣмъ полезная для возстанія. При постоянномъ молчаніи и бездѣйствіи виновниковъ возстанія, начало выходить наружу, начало изъ порядка конгресснаго царства возрождаться все, о чемъ событія 29-го ноября не дозволили бы и помыслить, еслибъ въ самомъ началѣ не пренебрегли тѣхъ событій важностью. Часть сейма находилась въ Варшавѣ и почувствовала охоту дѣйствовать. Нѣсколько членовъ посольской палаты собрались въ залѣ сеймовыхъ засѣданій, въ царскомъ замкѣ, представивъ публикѣ свободный входъ. „Мы не въ томъ числѣ, какое нужно для состава комплекта“,—сказалъ Янъ Ольрихъ Шаницкій ¹⁾,—„мы не собраны конституціоннымъ порядкомъ; нѣтъ насъ всѣхъ на лицо—но что до этого? Приступимъ къ дѣлу въ томъ числѣ, въ какомъ здѣсь находимся. Потребуемъ, во 1-хъ, чтобы правленіе созвало обѣ палаты безъ малѣйшаго отлагательства, и, во 2-хъ, чтобы, для отвращенія кровопролитія, обратилось оно къ великому князю и убѣдило его вывести русскія войска изъ предѣловъ царства“. Достоинно замѣчанія, что это предложеніе члена польской палаты, сдѣланное, конечно, въ самомъ луч-

¹⁾ Депутатъ Столицкаго округа (Краковскаго воеводства), адвокатъ при верховномъ судѣ Царства Польскаго. Прим. перев.

шемъ намѣреніи, положило начало всему, что впослѣдствіи было причиною упадка дѣла народнаго. Не всѣ присутствовавшіе одобрили послѣдній пунктъ предложенія. Нарядили, однако-жъ, депутацію въ правленію. Составили ее изъ Лелевеля, Шанькаго, Франца Солтыка и Франца Чарноцкаго; а они сенатора-каштеляна Дембовскаго избрали себѣ. Сія депутація представила администраціонному совѣту: „что его воззваніе возбудило вообще неудовольствіе; что совѣтъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно; что дѣйствія его не въ духѣ революціонномъ; что въ совѣтъ засѣдаютъ люди, не имѣющіе довѣрія въ народѣ; что надобно созвать сеймъ; что въ совѣтѣ должно назначить членовъ изъ польской палаты; что должно обдумать средства къ продовольствію войска“. Администраціонный совѣтъ обѣщалъ удовлетворить этия требованія, — а какъ на счетъ людей, не имѣющихъ довѣрія въ народѣ, сдѣлала депутація только общій намекъ, то объявилъ одинъ изъ членовъ ея: что, по мнѣнію общему, вниманіе двора въ князя Любецкому и сношенія, въ какихъ онъ состоитъ съ дворомъ съ давняго времени, могутъ быть для него препоною дѣйствовать въ духѣ добраго поляка. На это поясненіе, князь Любецкій, растроганный (какъ изъяснялась депутація въ донесеніи своемъ), отвѣчалъ ей: „что если онъ своими дѣйствіями во благо отечества не успѣлъ удостовѣрить народъ въ чистотѣ видовъ своихъ, то готовъ тотчасъ выйти изъ совѣта“. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ было удалиться; но Чарторійскій, Нѣмцевичъ и прочіе члены правленія объявили депутаціи, что, будучи свидѣтелями патріотическихъ дѣйствій князя Любецкаго (и она, если онъ выйдетъ, не останутся) засѣдать въ совѣтѣ, и они всѣ оставляютъ тотчасъ свои мѣста. Послѣ этого Любецкій остался въ совѣтѣ. Выбыли изъ него, вслѣдствіе представленія депутаціи, только графъ Станиславъ Грабовскій и генералы Косецкій, Фредро и Раутенштраухъ. Въмѣсто ихъ поступили въ члены правленія: изъ сената, каштелянъ Дембовскій; изъ польской палаты, графъ Владиславъ Островскій и Іоаннъ Лелевель, а потомъ и графъ Густавъ Малаховскій, — всѣ, какъ предсѣдательствовавшіе въ коммисіяхъ послѣдняго сейма. Князь Любецкій — скажу мимоходомъ — называлъ сіе допущеніе новыхъ, популярныхъ членовъ въ составъ прежняго правленія

приступленіемъ власти къ революціи. „Такими мѣрами“—говорилъ онъ—„дѣлается администраціонный совѣтъ властію революціонною“. Въ этомъ выраженіи заключается его система, основанная на правилѣ, которое онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ развивалъ логически и постепенно,—на правилѣ томъ: „чтобы влечь въ составъ прежняго правленія, т. е. контръ-революціи, все, что, оставаясь внѣ русскаго правленія, могло служить революціи полезно и вѣрно, по характеру своему, по приобретенной славіи и даже по убѣжденію“.

Администраціонный совѣтъ не хотѣлъ ни распоряжаться въ революціонномъ духѣ, ни отречься отъ своей власти. Онъ хотѣлъ дѣйствовать и не дѣйствовать: не дѣйствовать, въ прежнемъ, царемъ опредѣленномъ составѣ,—дѣйствовать въ составѣ новомъ, посредствомъ людей, избранныхъ имъ самимъ въ той цѣли, чтобы удержаться среди волненія. Отсюда мысль „исполнительнаго отдѣленія совѣта“, которое было учреждено 1-го декабря, вскорѣ по уходѣ посольской депутаціи—мысль, живописующая хлопотливое положеніе власти, желающей сохранить связи и съ возставшимъ народомъ, и съ непріятелемъ, противъ котораго возсталъ народъ: съ революціею и съ царемъ. Въ исполнительное отдѣленіе поступили только два члена прежняго состава совѣта, Любецкій и Чарторійскій. Къ нимъ придали изъ вступившихъ въ совѣтъ въ ночь 29 ноября и изъ новыхъ: князя Радзивила, Кохановскаго, Хлопицкаго, Дембовскаго, Владислава Островскаго, Густава Малаховскаго и Лелевели. Сему отдѣленію предоставлено было принимать рѣшительныя мѣры по всѣмъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательства,—въ полномъ же собраніи совѣта относиться только по тѣмъ предметамъ, которые само отдѣленіе найдетъ нужнымъ передать на разсмотрѣніе совѣта: то есть возлагалъ совѣтъ на исполнительное свое отдѣленіе угождать общему голосу по мѣрѣ возможности, предоставляя себѣ, *per restrictionem mentalem*, объясниться въ Петербургѣ по минованіи опасности, и недѣйствительнымъ признать все, что ни сдѣлало бы его исполнительное отдѣленіе, уступая силѣ обстоятельствъ. Такимъ то образомъ хотѣлъ Любецкій быть въ одно и то же время лицомъ дѣйствующимъ и лицомъ недѣйствующимъ. Онъ думалъ, что можно ему будетъ шить и пороть, какъ Пенелопѣ. Къ суще-

ствующей бѣдѣ присоединилась новая. Законныя формы вскружили всѣмъ головы. Въ обширную сѣть, разставленную министромъ финансовъ, попадало все больше и больше революціонныхъ людей,—попало даже нѣсколько и изъ участвовавшихъ въ заговорѣ. Шальная мысль революціонировать правленіе, вдохнуть революціонный духъ въ старую, испорченную машину, во власть, напитанную (совершенно другимъ элементомъ),—эта роковая, а мимъ даже Лелевелемъ овладѣвшая мечта, что „дѣйствуя отъ имени царя Николая, мы можемъ воевать съ императоромъ Николаемъ“,—открывала контръ-революціи, открывала фальшивой политикѣ, пубельнымъ планамъ посредничества, полумѣрамъ боязни и недоброжелательству широкое поле къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, къ интригамъ и уловкамъ всякаго рода. вмѣсто Болесты успѣлъ Любецкій въ администраціонномъ совѣтѣ, опредѣлить вице-президентомъ города (оберъ-полицеймейстеромъ) отставнаго бригаднаго генерал-сенатора-каштеляна графа Оому Лубенскаго, чтобы, съ помощію его, составить муниципальный совѣтъ, каковаго хотѣлось ему, Любецкому. Въ среду (1-го декабря), пополудни, собираетъ и открываетъ тотъ совѣтъ. Онъ представляетъ ему: „что правленіе за это теперь общими политическими распоряженіями; что, затѣмъ, въ обывателяхъ лежитъ долгъ учредить сословіе, которое бы дѣйствовало на общественный духъ въ столицѣ и заводило порядокъ; что, въ этомъ отношеніи, имѣютъ они передъ собою славный примѣръ, іюльскую революцію въ Парижѣ, гдѣ муниципальный же совѣтъ заведывалъ всѣмъ до установленія правительства“. Нашимъ лавочникамъ того только и надо было. Эти, такъ называемые обыватели Варшавы, сдѣлались представителями народнаго духа, хотя въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ часовъ не дали они возставшему войску ни хлѣба, ни мяса и явно заперлись отъ революціи. Съ тѣхъ поръ до самаго установленія диктатуры, Лубенскій, возложивъ всю мелочную часть службы на президента города, Венгржецкаго, былъ въ правленіи постояннымъ представителемъ мнѣнія вовлеченной въ революцію столицы, *de facto* засѣдалъ въ администраціонномъ совѣтѣ. Тутъ говорилъ онъ безпрестанно отъ имени обывателей! На его мнѣніе ссылались Любецкій всякій разъ, когда заходила рѣчь о чемъ нибудь изъ савшемся Варшавы, какъ, напримѣръ, о томъ, чтобы не атаковать

цесаревича, не вводитъ въ городъ большаго числа войска, не допускать свободы тисненія, пока не издано будетъ на сей предметъ особаго закона — и все это, натурально, согласовалось съ желаніемъ обывателей! Этотъ Оома Лубенскій — эта правая рука Любецкаго, этотъ настоящій контръ-революціонный кознодѣй, простираетъ еще дальше вліяніе муниципальнаго совѣта: онъ къ высшимъ властямъ, по преобразованіи администраціоннаго совѣта, приставлялъ особыхъ надзорщиковъ (и многихъ изъ тайной полиціи), отзываясь, что обыватели не довѣряютъ ни одному должностному лицу! — Его братъ, Петръ Лубенскій, на инспекторовъ изъ учѣлѣвшей полиціи великаго князя возлагалъ присмотръ за вооруженіемъ стражи безопасности.

Такой ходъ дѣлъ раскрывалъ ясно, что правленіе парализуетъ дѣло, начатое въ вечеръ 29 ноября: — надлежало потому ниспровергнуть правленіе. Поняли, наконецъ, нѣкоторые изъ заговорщиковъ, къ чему клонились мѣры администраціоннаго совѣта. Они положили выйти изъ бездѣйствія, собраться, уничтожить контръ-революцію и дать возстанію лучшее направленіе. Это исполнили они отчасти, но только отчасти. Было нѣсколько десятковъ тысячъ вооруженнаго народа, бродившаго по улицамъ и стрѣлявшаго на воздухъ. Для спасенія дѣла предстояло одно средство: схватить эту силу, этотъ подвижной матеріалъ и обратить противъ администраціоннаго совѣта. Всѣ власти дышали непріязнью къ революціи; онѣ были слабы и непопулярны, больше интриговали, нежели занимались дѣломъ. Только одна власть, та одна, которая давала сильный порывъ городскому волненію, которая сосредоточивала въ себѣ все могущество мѣстнаго, власть сборищная, настоящая муниципальная, — словомъ, власть народа (?!), извлеченная изъ народа, установленная на мостовой, могла весьма легко одолѣть сопротивленіе мѣстныхъ властей, покарать интригантовъ, смѣнить контръ-революціонныхъ людей, а что важнѣе всего — обезоружить (противниковъ) и, обезоруживъ, раскрыть точныя намѣренія, настоящіе планы возстанія; ибо въ отношеніи къ сему послѣднему, самому важному, обстоятельству было дѣломъ яснымъ, что отступленіе цесаревича съ русскимъ войскомъ, занимавшее уже Любецкаго, составлявшее даже предметъ переговоровъ между Константиномъ Павловичемъ и админи-

страціоннымъ совѣтомъ, произведетъ въ забранныхъ губерніяхъ самое дурное впечатлѣніе, дастъ революціи 29 ноября только мѣстный, фальшивый характеръ и уничтожитъ въ мигъ всѣ средства къ перенесенію возстанія въ глубь края — за Бугъ и Нѣманъ.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 гг.

Записки Мохнацкаго.

На стр. «Русской Старины», изд. 1884 г., начали мы печатаніе разсказовъ извѣстнаго участника въ польской смутѣ 1830—1831 гг. Мохнацкаго. Приступая къ продолженію его записокъ, считаемъ необходимымъ повторить сказанное нами, по поводу его, въ нашемъ изданіи («Русская Старина», изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157):

«Въ числѣ многихъ матеріаловъ къ исторіи польскаго возстанія 1830 — 1831 гг., появившихся на страницахъ «Русской Старины», конечно, наиболѣе драгоцѣннѣйшіе—переписка о немъ императора Николая Павловича съ графомъ И. И. Дибичемъ. Переписка эта еще далеко не окончена изданіемъ въ нашемъ журналѣ (она тянулась сквозь всѣ почти книги «Русской Старины» 1884—1885 гг.) и, продолжая ее, необходимо для всесторонняго освѣщенія польской смуты 1830—1831 гг. привести свидѣтельство и враговъ нашихъ въ ту эпоху—польской sprawy. Наиболѣе сдержаннымъ, (конечно, лишь говоря относительно) является разсказъ одного изъ вожаковъ смуты — Мохнацкаго, который пытается быть безпристрастнымъ. Записки его извѣстны русскимъ читателямъ по извлеченіямъ, болѣе или менѣе обширнымъ, появившимся въ нашей печати, въ монографіяхъ о событіяхъ 1830—1831 гг. Къ числу наилучшихъ изъ нихъ принадлежитъ недавно вышедшій трудъ генерала Пузыревскаго.

«Русская Старина» печатаетъ разсказъ Мохнацкаго въ давнемъ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ — переводѣ, исполненномъ отличнымъ, нынѣ уже покойнымъ, знатокомъ польскаго языка.

Нѣкоторыя болѣе важныя ошибки Мохнацкаго исправлены въ примѣчаніяхъ переводчика, другія же и вообще общій тонъ разсказа Мохнацкаго совершенно ослабляются для читателя «Русской Старины», если онъ вспомнитъ интересные и обширные разсказы о тѣхъ же событіяхъ Д. В. Давыдова, И. А. и К. П. Колзакowychъ, А. П. Петрова и другихъ русскихъ людей, каковыя разсказы явились въ нашемъ же изданіи «Русская Старина». Ред.

V ¹⁾.

Собрание членовъ революціоннаго общества въ ратушѣ.—Венгржецкій.—Учрежденіе патріотическаго клуба.—Депутація въ Вержбно.—Конференція.—Мѣры, предложенныя клубомъ.—Ораторы.—Инструкція депутатамъ отъ клуба.—Депутація.—Требованія, предъявленныя ею.—Ген. Шембекъ.—Приказъ войску.—Шембекъ въ лагерѣ цесаревича.—Шембекъ въ Варшавѣ.—Делеваль.—Разрывъ клубистовъ съ администраціоннымъ совѣтомъ.—Выходъ въ отставку Любецкаго и Мостовскаго.—Письма Любецкаго и Чарторыйскаго.—Воззваніе къ польскому народу.—Вступленіе польскихъ войскъ въ Варшаву.

Революція, названная несчастіемъ, прискорбнымъ происшествіемъ, названная такъ Чарторыскимъ, Нѣмцевичемъ, Пацомъ и Радзивиломъ, обвиняемая Хлопицкимъ въ разбой и грабежъ, публично презираемая властями, принимающими въ ея глазахъ мѣры къ охраненію частной собственности, угрожаемая въ городѣ шайкою злоумышленниковъ, а за городомъ великими силами непріятеля, ежеминутно подкапываемая, измѣннически выдаваемая, — революція, говорю я, видя себя въ такомъ плачевномъ положеніи, затрепетала; но потомъ, опомнясь отъ перваго испуга, разгнѣвалась и положила объявить того, она хочетъ, чтобы объявленіемъ своего хотѣнія отнять предлогъ невѣдѣнія у людей, уклоняющихся отъ исполненія ея воли. Въ вечеръ 1-го декабря 1830 г. собрались въ ратушѣ, въ условленный часъ, члены общества, начавшаго дѣло: Ксаверій Брониковскій, Людвигъ Набѣлякъ, Осипъ Мейзнеръ, Людвигъ Жуковскій, адвокатъ Козловскій, Анастасій Дунинъ, я и множество другихъ лицъ, большею частию, статскихъ. Цѣль собранія была извѣстна. Признавали единогласно необходимость учредить въ Варшавѣ революціонный вооруженный клубъ, т. е. настоящую въ тогдашнихъ обстоятельствахъ городскую власть, которая одна могла или ниспровергнуть правительство, дѣйствующее отъ имени представителя русской власти и готовое (какъ носился уже слухъ) войти въ переговоры съ непріателемъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, если бы не удалось ниспровергнуть правительство, принудить его силою принять точный революціонный характеръ. Никто столько не боялся безначалія, какъ тѣ, которые въ ночь 29-го ноября 1830 г. первые подали народу сигналъ къ возстанію; никто, конечно, не имѣлъ основательнѣйшихъ поводовъ бояться безначалія. Въ инсurreкціи, военными произведенной, было бы оно, безъ сомнѣнія, происшествіемъ самымъ прискорбнымъ, самымъ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1884 г., томъ XLIII, стр. 157—202; 341—362; 546—566.

пагубнымъ. Искать спасенія на пути безначалія понуждала заговорщиковъ только великая опасность, которой подвергали столицу, подвергали возстаніе и судьбу цѣлаго народа коварныя дѣйствія министра финансовъ (кн. Любецкаго), подкрѣпляемаго въ администраціонномъ совѣтѣ столькими извѣстными людьми. Не было, къ несчастію, другого способа! Повелѣвала въ то время прямая политика, повелѣвалъ здравый разсудокъ (!): одолѣть контръ-революцію терроризмомъ (!), одолѣть, съ помощью клуба, партію сильную, вездѣ имѣвшую своихъ людей, открыть глаза народу.

Начались совѣщанія въ ратушѣ. Собраніе безпрестанно умножалось; ежеминутно прибывали новыя лица; однихъ влекло любопытство, другихъ безпокойство, томившее столицу. Назначенный президентомъ города, Венгржецкій не понималъ, казалось, цѣли, которая привела столько людей въ его присутственную залу.

— «Что затѣваете вы здѣсь, господа?» спросилъ онъ.

«Господинъ президентъ»,—отвѣчалъ я ему тотчасъ — «поведеніе администраціоннаго совѣта, который не перестаетъ дѣйствовать отъ имени русскаго правительства, которое подается на обѣ стороны, налагаетъ обязанность на истинныхъ патріотовъ разсмотрѣть свое положеніе, согласиться между собою на счетъ мѣръ къ отвращенію опасности, грозящей гибелью дѣлу народа».

— «Въ администраціонномъ совѣтѣ» — возразилъ Венгржецкій,—«засѣдаютъ люди честные, прямые, которымъ вѣрить народъ. Вы, господа, пришли сюда только оуждать правленіе и посеять раздоръ, когда намъ всего больше нужно согласіе и единодушіе; но какъ бы то ни было, я не могу, какъ президентъ города, допустить здѣсь подобныхъ сборищъ».

Вступая тутъ въ явный споръ съ Венгржецкимъ, я отвѣчалъ ему: «Люди заслуженные, какъ вы, господинъ президентъ, поляки правдивые, но удрученные лѣтами, слабые, не проникающіе интригъ, позволяютъ обманывать себя тайнымъ приверженцамъ Россіи и сами обманываютъ народъ, на нихъ положившіяся».

Эти слова взорвали Венгржецкаго.

— «Вотъ на! вскричалъ онъ,—такъ по вашему каждый старикъ, потому только, что старъ, и глупъ, и слѣпъ? Такъ у васъ къ сѣдnamъ нѣтъ никакого уваженія?»—и расплакался.

Послѣ долгихъ преній, насилу можно было успокоить его обѣщаніемъ, что въ его области, въ ратушѣ, только сегодня будемъ толковать о правленіи, которое назначило его президентомъ города, а завтра соберемся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Венгржецкій, не видя возможности отвратить грозу, поднимавшуюся надъ администра-

ционнымъ совѣтомъ. остался безмолвнымъ и равнодушнымъ свидѣлемъ всего, что происходило въ тотъ вечеръ въ его присутственной залѣ. Администраціонный совѣтъ притянулъ къ себѣ Лелевеля, какъ одного изъ главныхъ представителей общественнаго мнѣнія: надобно было сдѣлать его предсѣдателемъ клуба, чтобы дать ему способъ вырваться изъ той западни и поправить первую свою ошибку. Мы единогласно избрали его предсѣдателемъ, хотя и не было его между нами. Никому не приходило тогда на мысль, что Лелевель признаетъ за лучшее для себя и для отечества быть виѣстѣ и членомъ контръ-революціоннаго правленія, и предсѣдателемъ клуба, положившаго ниспровергнуть то правленіе. Вице-предсѣдателемъ клуба избрали большинствомъ голосовъ, Ксаверія Брониковскаго, а секретаремъ Франца Гржималу ¹⁾. Всѣ бывшіе на засѣданіи записали свои имена въ книгу, содержащую въ себѣ актъ учрежденія клуба. Расходясь поздно ночью, мы назначили собраться въ слѣдующій день въ редутныхъ залахъ, принадлежавшихъ къ театру, и дали другъ другу слово зазвать какъ можно больше народа. Остальное время ночи (съ 1-го на 2-е декабря) и весь слѣдующій день употреблены были на вовлеченіе войска и народа, чтобы, въ случаѣ надобности, дѣйствія клуба нашли подкрѣпленіе. Въ числѣ лицъ, сильно противившихся учрежденію нашего общества, былъ графъ Генрихъ Дубенскій, одинъ изъ директоровъ банка. Онъ защищалъ администраціонный совѣтъ, усердно подкрѣплялъ Венгржецкаго, а, между прочимъ, сказалъ эти слова:

— И я добрый полякъ; но такого патріотизма не понимаю.

Нашъ замыселъ на администраціонный совѣтъ разпламеняли его явныя сношенія съ цесаревичемъ. Великій князь, получивъ свѣдѣніе, что совѣтъ постановилъ не выходить въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ изъ границъ, указываемыхъ именемъ императора и царя, и что оно будетъ сохранено на всѣхъ актахъ совѣта, велѣлъ объявить ему, «что съ этихъ поръ онъ будетъ ему, т. е. совѣту, пріятелемъ». Потомъ захотѣлъ Константинъ Павловичъ объясниться съ нимъ ближе, изустно, и въ сей цѣли отправилъ адъютанта своего Владислава Замойскаго въ городъ, съ требованіемъ, чтобы изъ администраціоннаго совѣта выслали къ нему кого нибудь для переговоровъ, — присовокупивъ, однако-же, условіе, «чтобы при отправленіи къ нему депутатовъ не было дано и вида, что онъ, Константинъ, желаетъ переговоровъ, а будто бы самъ со-

¹⁾ Брониковскій былъ патрономъ (адвокатомъ) при варшавскомъ судѣ 1-й инстанціи, а Гржимало — сотрудникомъ редактора газеты «Польскій Курьеръ».

вѣтъ находить нужнымъ объясниться съ нимъ ¹⁾). Положили, вслѣдствіе того, выслать депутацію къ великому князю за городъ, въ селеніе Вержбно, гдѣ была его главная квартира. Вызвались отправиться туда Любецкій и Чарторыйскій. Предложено и Лелевелю ѣхать съ ними. Лелевель отвѣчалъ, что поѣдетъ охотно и именно для того, чтобы «вырвать» (выраженіе Лелевеля) дѣло народное, дѣло о польскихъ губерніяхъ, но полагалъ, что успѣетъ въ этомъ скорѣе Владиславъ Островскій, товарищъ его по сейму, а теперь и по администраціонному совѣту. Островскій не отказывался отъ принятія участія въ депутаціи, но безъ Лелевеля не хотѣлъ

¹⁾ Прим. соч. Въ рукописи Владислава Замойскаго, изъ которой я взялъ подробности на счетъ сношеній цесаревича съ совѣтомъ въ первые дни революціи, упоминается о польскихъ губерніяхъ. Еще до отправления депутаціи въ Вержбно, а именно во вторникъ вечеромъ, старался Замоискій, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, завести рѣчь о тѣхъ губерніяхъ. Константинъ Павловичъ, который, при жизни Александра, сильнѣе всѣхъ сопротивлялся присоединенію забранныхъ областей къ Царству, желалъ, по смерти его, чтобы ихъ присоединили, можетъ быть для того, чтобы (соединить) значительнѣйшую часть края, которымъ располагался управлять, можетъ быть — и въ иной цѣли, а можетъ быть — показывалъ только видъ, будто бы желаетъ присоединенія. Какъ бы то ни было, происшествія 29-го ноября представляли администраціонному совѣту удобный случай (?) пѣлпать въ рамку Конгрессной Польши Литву и Русь, съ согласія самого великаго князя (?!). Надобно было только иначе за это взяться, даже и слѣдую системѣ, принятой Совѣтомъ — системѣ полумѣръ, увертокъ и двуличія. Все можно было сдѣлать: великій князь согласился бы (!?) на все. Замоискій, который въ тѣ дни и ночи не отходилъ отъ Константина Павловича, который зналъ его совершенно, утверждаетъ это въ своей рукописи. Идею независимости, эту основу дальнѣйшаго своего бытія, Совѣтъ, какъ мы видѣли, отвергнулъ, — въ чемъ кругомъ ошибся, даже и на основаніи своей системы. Замоискій, которому хотѣлось больше всего, чтобы вступленіе князя Чарторыйскаго въ правленіе ознаменовано было какимъ нибудь важнымъ послѣдствіемъ, чѣмъ нибудь выдающимся въ глаза, старался постѣ, чтобы присоединеніе забранныхъ областей къ Царству введено было въ негоціацію между великимъ княземъ и Совѣтомъ. Константинъ Павловичъ безпрестанно искалъ причинъ революціи то въ монополіяхъ, то въ университетахъ, забывалъ причину ближайшую — негодование.... Замоискій не могъ сказать ему прямо, что онъ одинъ, а не кто иной, былъ виновникомъ восстанія, и потому направлялъ мысль цесаревича къ забраннымъ (?) областямъ, говорилъ ему: «что поляки жертвовали всѣмъ только въ надеждѣ присоединенія забранныхъ областей къ Царству, въ надеждѣ, которая въ разныя времена при Александрѣ была возбуждаема и поддерживаема, что съ самой смерти Александра, когда Николай не только не помыслилъ возобновить общаній своего предшественника, но даже обнаруживалъ виды совершенно противныя, когда самыя старанія о томъ великаго князя оставили безъ вниманія, — таялась война между Польшею и Россією въ сердцахъ польскихъ». Установивъ при-

стулъ и столъ; въ длину и поперегъ можно было сдѣлать не больше двухъ шаговъ. Депутаты, проѣхавъ, безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ, форпосты и караулы, очутились на дворѣ, среди множества военныхъ разнаго чина. Протиснувшись сквозь нихъ, были они тотчасъ впущены къ великому князю и наполнили его комнату ¹⁾. Они застали его у кровати; на столикѣ было два прибора: былъ четвертый часъ пополудни — время обѣденное. Депутаты нашлись глазъ на глазъ съ Константиномъ Павловичемъ: «не знаю» — пишетъ Лелевель — «кому удивляться больше: ему-ли, великому князю, который допускалъ ихъ къ себѣ въ такую минуту, или тѣмъ, которые явились передъ нимъ, среди войска».

Предметомъ конференціи, вовсе ненужной и пять часовъ продолжавшейся, было выступленіе цесаревича съ его гвардіею изъ Царства; были-жъ предметомъ и губерніи, и исходатайствованіе всеобщей амнистіи у царя. Революція (17-го) 29-го ноября, прежде чѣмъ возникла, знала хорошо, что только вторгшись въ забранныя (?) области, что только обративъ противъ Россіи нѣсколько милліоновъ поляковъ, — всю южную подпору имперіи, можетъ она вывернуться изъ ряда происшествій, не имѣющихъ передъ собою будущности, слабыхъ въ зародышѣ, безнадежныхъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Кога скоро все на томъ основывалось, чтобы вмѣстѣ съ конституціонною Польшею возстали и забранныя губерніи, такъ возможно-ли было возбудить тѣ губерніи къ дѣйствію обще съ нами, отпустивъ цесаревича съ русскими войсками изъ-подъ Варшавы, — чтобы они же принесли за Бугъ первую вѣсть о происшествіяхъ варшавскихъ? Нѣтъ, очевидно вѣтъ. Одинъ этотъ шагъ сокрушалъ, въ самомъ началѣ, всю нравственную силу возстанія: онъ ослаблялъ первый порывъ, обыкновенно самый сильный. Война съ Россіей, начатая на улицахъ Варшавы, отсюда въ мигъ разлѣтая, распламенная отъ мыса Курляндскаго до Днѣпровскихъ пороговъ, вдоль и поперегъ этого обширнаго, благословеннаго края; довѣріе въ совокупное поднятіе оружія столькими милліонами соотчичей на потрясеніе одного и того же врага.... эта глубокая идея спасенія, эта поэтическая (!), крѣпкая вѣра въ Польшу — не были-ль въ умѣ, въ инстинктѣ нашего народа? Не оттуда-ль перешли въ заговоръ? Не были-ль отличительною жертвою всѣхъ усилій, всѣхъ замысловъ на возстановленіе отечества — и особенно въ по-

¹⁾ О свиданіи въ Вержбѣи цесаревича Константина Павловича былъ уже напечатанъ рассказъ въ «Русск. Стар.» одного изъ поляковъ участниковъ сего свиданія, см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., т. XXII, стр. 317—324. Въ напечатанной же наданіи см. обширную монографію Е. П. Карновича: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», «Русск. Стар.» изд. 1877 г., тт. XIX—XXI. Ред.

слѣднія десять лѣтъ (1820—1830). Не вышли-ль они наружу, не явились-ли въ первыхъ выстрѣлахъ заговора, въ которомъ поняли ту вѣру—гдѣ входила она во всѣ расчисленія?... Противъ этого нельзя сказать ни слова! Одному администраціонному совѣту, только людямъ этого совѣта досталось въ жалкій удѣлъ изуродовать (!) ту ясную и великую мысль (!?). Константинъ былъ первымъ плѣнникомъ революціи. Его гвардія была первою военною добычею (!?); а война была въ натурѣ вещей. Всего этого не хотѣлъ понять администраціонный совѣтъ. Онъ самъ, непрощенный, навязывался въ вожди возстанія. Прибравъ себѣ въ помощники людей, которыхъ имена дали ему пережить мракъ ночи 29-го ноября, онъ обольщалъ возстаніе кредитомъ заслугъ, правоты и добродѣтели — симъ кредитомъ, столь могущественнымъ въ Польшѣ! Онъ поѣхалъ въ Вержбно искать прощенія, какъ будто бы амнистія, снисканная въ Петербургѣ для Царства, могла воззвать къ оружію Литву и Русь. Изумительно и даже для меня непонятно теперь участіе Лелевеля и Владислава Островскаго въ такомъ оскорбленіи (!) общественнаго разсудка.

Но на вопросъ великаго князя во время конференціи: чѣмъ можно бы успокоить волненіе, отвѣчалъ изъ депутатовъ первый Владиславъ Островскій: что только отступленіе русскихъ войскъ и удаленіе ихъ въ Россію укротятъ заволнованные умы ¹⁾. Потомъ предложилъ Константинъ Павловичъ на рѣшеніе депутатовъ, что дѣлать ему: самому остаться-ли въ Варшавѣ, или вмѣстѣ съ русскою гвардіею удалиться изъ Царства?

Любецкій полагалъ, что сдѣлаетъ цесаревичъ какъ нельзя лучше, если возвратится въ Варшаву. Пошли на голоса. Князь Любецкій былъ того мнѣнія, чтобы остаться. Князь Чарторьскій хотѣлъ сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторые замѣчанія; но великій князь прервалъ его, требуя рѣшительнаго отвѣта: «да или нѣтъ» (Oui, ou non) — безъ всякихъ замѣчаній.

Тогда объявилъ князь Чарторьскій, что лучше остаться въ Варшавѣ, полагая, какъ и Любецкій, что удаленіе великаго князя изъ Царства повлечетъ за собою совершенный разрывъ съ Россіею и сдѣлаетъ всякое посредничество бесполезнымъ. Островскій былъ того мнѣнія, чтобы Константинъ Павловичъ оставилъ Царство; Лелевель также. Великій князь, по недолгомъ размышленіи, объявилъ, что послушается Островскаго и Лелевеля.

¹⁾ Слова великаго князя и депутатовъ администраціоннаго совѣта взяты мною изъ сочиненія Лелевеля: *Delegowani i Wierzbnie, dnia 2 Grudnia 1830 roku* (депутаты въ селеніи Вержбно, 2-го декабря 1830 г.). Прим. сочинителя.

Вторымъ пунктомъ конференціи были губерніи. На сей счетъ нужно знать слѣдующее обстоятельство: Константинъ Павловичъ желалъ (??) самъ въ душѣ, чтобы возвращеніе забранныхъ областей было положено со стороны поляковъ и принято императоромъ за главный поводъ, по крайней мѣрѣ, за одинъ изъ главныхъ поводовъ къ революціи. Онъ желалъ этого (!) по весьма простой, натуральной причинѣ—для того, чтобы, основываясь на положительномъ въ отношеніи къ губерніямъ требованіи, могъ онъ сказать въ Петербургѣ, «что поляки подняли оружіе, побуждаемые желаніемъ разыграть большую политическую роль—желаніемъ обратить свой небольшой Надвислянскій край въ великую державу, а совсѣмъ не отъ пятнадцатилѣтняго его владычества, не отъ его управленія (?) дѣлами края. Такимъ образомъ всю вину событій долженъ бы былъ Николай Павловичъ приписать не цесаревичу, а однимъ полякамъ. Въ сихъ-то видахъ Константинъ Павловичъ не только позволялъ упомянуть о присоединеніи забранныхъ областей къ Царству въ конвенціи (!) между нимъ и совѣтомъ, но общалъ даже ходатайствовать (??) о томъ у царя. «Il faudrait qu'un Polonais fut un j... f..., — промолвилъ онъ въ разговорѣ съ депутатами,—pour ne pas demander la réunion des provinces,—et vous savez que depuis longtemps je la demande moi-même».

Островскій записывалъ карандашѣмъ условленные статьи. Въ этой конвенціи, которую Константинъ Павловичъ позволилъ (?) напечатать, онъ прежде всего даетъ слово, что не атакуетъ Варшавы, а если бы получилъ повелѣніе атаковать, то дастъ объ этомъ знать совѣту за 48 часовъ впередъ. Онъ требовалъ такого-жъ общанія и отъ поляковъ, но Островскій отвѣчалъ, что вооруженнаго народа никто удержать не въ силахъ, что удержать въ повиновеніи можно только регулярное войско, а не возмущенный народъ, что условіе на этотъ счетъ не можетъ быть обоюднo, а по всему этому совѣтовалъ опять великому князю отойти какъ можно скорѣе отъ Варшавы, ради собственной безопасности (!).

Извѣстіе о клубѣ дошло уже до великаго князя; онъ разспрашивалъ о немъ Делевеля, и когда тотъ сказалъ ему, что онъ самъ предсѣдателемъ клуба, то цесаревичъ убѣдился еще болѣе въ необходимости отступленія своего, такъ настоятельно требуемаго (!) Островскимъ. Великій князь общалъ потомъ, что литовскому корпусу не дастъ повелѣнія выступить къ Варшавѣ, изъявлялъ желаніе на счетъ размѣна плѣнныхъ, къ чему депутація обязалась употребить всевозможныя старанія; наконецъ, общалъ исходатайствовать амнистію «всѣмъ, кто сознается въ своемъ заблужденіи». Депутаты единогласно сдѣлали замѣчаніе, что такая амнистія ничего не значить. Великій

князь отвѣчалъ на замѣчаніе депутатовъ, «что когда преступленіе онъ называетъ заблужденіемъ, то это уже самое большое съ его стороны снисхожденіе».

На это возразилъ ему Лелевель, «что нельзя ожидать, чтобы въ заблужденіяхъ столь многоразличныхъ, въ числѣ которыхъ есть и преступленія, сознались сами виновные». Великій князь повторялъ нѣсколько разъ, «что радуется его сознаніе самого Лелевеля, что были заблужденія и преступленія». Лелевель, поясняя свое выраженіе, соглашался, что, дѣйствительно, случались грабежи и смертоубійства ¹⁾;—«но кто-же, присовокупилъ онъ,—кто придетъ сознаваться въ подобныхъ заблужденіяхъ? Да и не о прощеніи вѣдетъ дѣло, — продолжалъ Лелевель,—а о преданіи всего совершенному забвенію». Послѣ долгихъ отказовъ, чуть было не прервавшихъ конвенцію, великій князь согласился, наконецъ, быть посредникомъ въ исходатайствованіи у царя помилованія (сіѳемпе), обѣщалъ испросить, чтобы все случившееся предано было забвенію.

Между тѣмъ какъ администраціонный совѣтъ велъ съ Константиномъ Павловичемъ, чрезъ депутатовъ своихъ, тяжелые переговоры объ амнистіи, о преданіи всего забвенію,—патріотическій клубъ, развиваясь изъ своего тѣснаго, наскоро заложеннаго, основанія, хотѣлъ сперва пострадать, а потомъ замыслилъ ниспровергнуть самый совѣтъ, — дать революціи сильнѣйшій ходъ, взять цесаревича въ плѣнъ, вывести изъ заблужденія, просвѣтить (!) общее мнѣніе, словомъ, положить конецъ интригамъ, проволочкамъ, пагубной (!) политикѣ, злымъ наклонностямъ. Вѣсть о депутаціи въ Вержбно пронеслась молніею въ столицѣ. Она произвела вездѣ самое непріятное впечатлѣніе. Хулили поступокъ совѣта даже и тѣ, кои держали его сторону по разнымъ отношеніямъ; другіе стали, наконецъ, смекать дѣломъ; между заговорщиками доходило негодованіе до высочайшей степени. Всѣ, кои на Банковой площади возставали противъ депутаціи, статскіе и военные, адвокаты, мѣщане, ремесленники, депутаты разныхъ отрядовъ войска, профессоры, студенты, подпрапорщики Высоцкаго, и въ этой же толпѣ нѣкоторые изъ членовъ посольской палаты—всего до двухъ тысячъ человекъ, наполняли отъ самыхъ сумерковъ редутную залу, «въ которой—какъ носился вездѣ слухъ—разсуждать будутъ о важныхъ дѣлахъ». Силу, согласіе и единомысліе сообщали этому многочисленному собранію разставленные въ залѣ на разныхъ пунктахъ члены заговора, который, начавъ дѣло, не успѣлъ тотчасъ захватить въ

¹⁾ Слѣдовательно, возстаніе не такъ было чинно и благоправно, какъ описываетъ сочинитель выше.

свои руки правительственной власти, по нерасторопности и неопытности. Всѣ собравшіеся были съ оружіемъ въ рукахъ. Сабли, ружья, пистолеты предвѣщали явно, что всѣ мѣры, на которыя тутъ согласятся, будутъ силою приведены въ дѣйствіе. Множество народа, эмиссарами клуба предварительно возбужденнаго и настроеннаго, наполняло, вмѣстѣ съ солдатами. Красинскую площадь и дворъ Народнаго театра, во флигелѣ котораго были редутныя комнаты. Посреди огромной залы, въ которой большая часть собравшихся могла удобно помѣститься, поставили длинный, узкій столъ. Онъ служилъ каеэдрою для ораторовъ. Скудный свѣтъ нѣсколькихъ плашекъ и свѣчей едва озарялъ пасмурныя лица; на сонныхъ и старыхъ физиономіяхъ напечатлѣны были изступленіе, долгая бессонница, ожиданіе важныхъ событій. Чѣмъ смѣлѣе говорили ораторы, тѣмъ пламеннѣе былъ восторгъ сего вооруженнаго собранія. Чѣмъ дерзостнѣйшія дѣлаемы были предложенія, тѣмъ рѣзче крикъ: «согласны! согласны!» заглушалъ со всѣхъ сторонъ мнѣніе противниковъ, тѣмъ сильнѣе укорялъ и (слабость), потворствовавшую (!) правительству, и боязнь, обращавшую глаза къ заставѣ, у которой стоялъ цесаревичъ. Одобреніемъ былъ стукъ оружія. Прикладами подкрѣпляли, прибавали голоса на столѣ,—и вѣрно, ни одна законодательная палата не выразитъ сильнѣе своего восторга. Сцена настоящая революціонная—плодъ успѣховъ и безумія контръ-революціи. 15-ти-лѣтнее молчаніе придавало больше тону, больше значенія каждому слову, вымолвленному отважно въ публичномъ собраніи. Въ 1-й разъ оно объявлено ясно, внятно, опредѣлительно—чего хочетъ, что имѣетъ въ виду. Говорить противъ того, предъ кѣмъ трепетало все отъ Вислы до Невы, кто могъ еще и возвратиться, казалось тогда столь чуднымъ, столь чрезвычайнымъ, что почиталось это заслугою, почиталось даже силою души. Первые опасности революціи, изслѣдованіе дѣйствій администраціоннаго совѣта, убѣжденіе въ томъ, что дѣло, остановясь, можетъ попятиться и зачинщиковъ, ранѣе или позже, взвести на плаху—все это заставило меня и нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей принять дѣятельное участіе и въ учрежденіи, и въ первоначальныхъ совѣщаніяхъ клуба. Такъ, накануне, выдержалъ я въ ратушѣ жаркій споръ съ президентомъ города Венгржецкимъ и съ генераломъ Лубенскимъ на счетъ цѣли клуба, то потребовало множество голосовъ, а за ними и все собраніе, чтобы я выступилъ и первый объяснилъ въ чемъ администраціонный Совѣтъ виновенъ. Раскрыть лукавства, пронырства Совѣта, распутать этотъ лабиринтъ въ присутствіи публики. которой общаго состава и особыхъ свойствъ я не зналъ близко, было дѣломъ не легкимъ и не безопаснымъ. Должность предсѣдателя клуба

Іоахима Лелевеля, который, вмѣсто того, чтобы управлять совѣщаніями народа, изволилъ отправиться въ Вержбо просить цесаревича объ амнистіи—исправлялъ вице-предсѣдатель Ксаверій Брониковскій. Испросивъ у него позволеніе говорить, я обвинилъ въ сильныхъ выраженіяхъ администраціонный совѣтъ, идущій путями подозрительными, вступающій въ сдѣлки съ непріятелемъ,—и нисколько не пощадилъ людей, которыхъ Любецкій призывалъ къ засѣданію въ Совѣтъ. Цѣлый часъ объяснял я положеніе общественнаго дѣла и происки контръ-революціи, но больше всего старался показать, въ какомъ положеніи находилось дѣло народное отъ присутствія цесаревича подъ Варшавою, и какому еще опаснѣйшему могло оно подвергнуться, если бы успѣлъ цесаревичъ отступить совсѣмъ отъ Варшавы и пробраться съ войскомъ своимъ въ забранныя области. Изъ словъ моихъ не трудно мнѣ было, разумѣется, вывести заключеніе, что «должно задержать цесаревича, какъ плѣнника и аманата революціи». Наконецъ, среди глубокаго молчанія слушателей, я заключилъ свою рѣчь предложеніемъ, чтобы собраніе устроилось и объявило себя постояннымъ представительствомъ народа варшавскаго, чтобы оно тотчасъ изъ среды своей послало депутацію въ администраціонный Совѣтъ для изложенія ему, отъ имени варшавскаго народа, слѣдующихъ требованій: 1) чтобы администраціонный Совѣтъ объявилъ себя упраздненнымъ; 2) чтобы вмѣсто Совѣта учреждено было немедленное временное правленіе ¹⁾; 3) чтобы генералу Хлопицкому дано было тотчасъ повелѣніе ударить на гвардію, взять цесаревича въ плѣнъ и отдать въ залогъ польскому народу; «ибо,—такія были послѣднія мои слова,—не съ Константиномъ Павловичемъ въ Варшавѣ, но съ Петербургомъ въ Вильно, слѣдуетъ намъ договариваться» ²⁾. Сін

¹⁾ Не любя полумѣръ, я хотѣлъ тогда же предложить собранію, чтобы оно само, безъ дазынаго отлагательства, назначило лица изъ своей среды (родъ отдѣленія клуба), для установленія временнаго правленія. Но какъ многіе изъ моихъ друзей считали эту мысль слишкомъ смѣлою, а еще болѣе преждевременною, то долженъ я былъ удержаться съ такимъ предложеніемъ, о чемъ, однако-жъ, очень сожалѣю. Впрочемъ, вопросъ на счетъ лицъ былъ весьма щекотливъ и нельзя было ожидать успѣха при тогдашнемъ ложномъ понятіи о людяхъ, засѣдавшихъ въ администраціонномъ совѣтѣ. Прим. соч.

²⁾ Слово: въ Вильно—пропущено было въ описаніи нашего засѣданія, напечатанномъ въ газетахъ, вѣроятно для того, чтобы не заронить мысли о наступательныхъ съ нашей стороны дѣйствіяхъ. Это обстоятельство подало поводъ къ басни, повторенной Шпациромъ *), наравнѣ съ тысячею другихъ басенъ, что будто патриотическій клубъ самъ совѣтовалъ войти въ переговоры.

³⁾ Шпациръ, докторъ философіи, издалъ на нѣмецкомъ языкѣ: «Исторію возстанія польскаго народа», въ 3-хъ большихъ томахъ, которую составилъ сей неутомимый нѣмецкій компиляторъ изъ однихъ разсказовъ поляковъ, бѣжавшихъ за границу по укрощеніи мятежа. Прим. перев.

слова произвели дѣйствіе, какое я имѣлъ въ виду. Положили единогласно нарядить въ администраціонный совѣтъ депутацію изъ 12 особъ.

Послѣ меня, съ такимъ же успѣхомъ, говорили и прочіе члены заговора на возстаніе. Страхъ былъ великъ и потому все удобно проходило. Адвокатъ Осипъ Козловскій, котораго пріучила долговременная практика говорить языкомъ понятнымъ для народа, доказывалъ, что депутація должна требовать, чтобы министры (слѣдовательно и Любецкій) взяты были подъ стражу, впредь до дальнѣйшаго о нихъ постановленія; онъ предлагалъ, сверхъ того, принять мѣры, чтобы жены русскихъ генераловъ, оставшіяся въ городѣ, не сносились съ лагеремъ цесаревича.

Людвигъ Набѣлякъ, начальникъ отряда, совершившаго нападеніе на Бельведеръ, предложилъ и настаивалъ, чтобы временное правленіе воззвало жителей Царства къ возбужденію и образованію возстаній въ цѣломъ краѣ и чтобы тѣ изъ начальниковъ польскаго войска, которые еще не присоединились къ народу, объявлены были измѣнниками отечества и наказаны смертію, если не присоединятся въ продолженіи трехъ часовъ, которые назначить генераль Хлопидскій по повелѣнію клуба. Заступавшій мѣсто предсѣдателя клуба Ксаверій Брониковскій и Людвигъ Жуковскій предлагали: потребовать смѣны главнаго директора почтоваго департамента (ст. сов. графа Суминскаго) для вѣрнѣйшаго надзора за внутреннею и внѣшнею корреспонденціею. Всѣ эти предложенія были приняты единодушно. Революція хотѣла выйти изъ опасности (?).

Въ дополненіе къ мѣрамъ одобреннымъ и въ предосторожность, чтобы въ правленіи не кончилось дѣло на одномъ выслушаніи депутатовъ, учинилъ еще клубъ такое постановленіе: «что если администраціонный совѣтъ не приступить тотчасъ къ исполненію требованій народа, то будетъ приневоленъ принять въ свой составъ нѣсколькихъ членовъ клуба, которыхъ клубъ изберетъ самъ». Сей послѣдній пунктъ былъ важнѣе всѣхъ прочихъ. Онъ велъ къ установленію, вмѣсто совѣта, временнаго правленія, которое бы не дѣйствовало уже ни отъ имени, ни въ духѣ русскаго правительства. Клубъ предлагалъ совѣту объявить себя упраздненнымъ, коль скоро не захотѣлъ бы совѣтъ добровольно прекратить свое существованіе, то приданные ему отъ клуба члены, тотчасъ по допущеніи ихъ къ засѣданію, могли бы сами упразднить его безъ употребленія насильныхъ средствъ; согласясь предварительно съ Лелевелемъ и Владиславомъ Островскимъ, на содѣйствіе которыхъ считали тогда столь же ошибочно, сколько на головы ихъ и на твердость характера.

Послѣ перемѣнъ, какія въ изъясненныхъ предъ симъ предложеніе-

ніяхъ произвело совѣщаніе, нѣсколько часовъ продолжавшееся, составлена была мвою, среди безумолчнаго шума, инструкція для депутаціи, прочтена собранію, утверждена единогласно и отъ его имени подписана тѣми 12-ю членами, которыхъ избралъ клубъ въ депутаты къ администраціонному совѣту. Инструкція заключала въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) чтобы главнокомандующему польскими войсками Хлопицкому дано было немедленно повелѣніе дѣйствовать къ уничтоженію или обезоруженію(!?) непріятеля; 2) чтобы жителямъ воеводствъ дано было разрѣшеніе производить и образовывать возстанія въ цѣломъ краѣ. Министры и исправляющіе должность министровъ взяты были подъ надзоръ народной стражи до дальнѣйшаго о нихъ постановленія; 4) чтобы къ женамъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ представленъ былъ караулъ, такъ какъ онѣ безпрестанно сносятся и переписываются съ своими мужьями; 5) чтобы съ цесаревичемъ не входить ни въ какіе договоры, — въ цесаревичѣ видѣть только аманата, а негцировать съ Петербургомъ; 6) чтобы главный директоръ почти былъ смѣненъ; 7) чтобы тѣ начальники польскаго войска, которые еще не присоединились къ народу и не пристали къ намъ, объявлены были измѣнниками отечества; 8) чтобы назначилъ имъ Хлопицкій черезъ парламентаря самый кратчайшій срокъ для представленія своихъ декларацій и 9) чтобы къ исполненію таковыхъ требованій клуба приступилъ администраціонный совѣтъ безъ малѣйшаго отлагательства; въ противномъ же случаѣ будетъ онъ приневолень принять въ составъ свой нѣсколько членовъ клуба, которыхъ клубъ изберетъ самъ.

Для представленія сихъ требованій исполнительному отдѣленію администраціоннаго Совѣта назначены были депутатами: Ксаверій Брониковскій, Адольфъ Лончинскій, Людвигъ Набѣлякъ, Анастасій Дунинъ, Домазій Доброгайскій, Францъ Гржимало, Вильскій, я, отецъ мой, Шварце, Гашинскій и Евгенийъ Слубицкій. Уже было поздно. Назначивъ на завтрашній день вторичное засѣданіе въ томъ же мѣстѣ, отправился весь клубъ, вооруженный, провожаемый толпою народа, также вооруженнаго, вслѣдъ за депутатами къ банку, въ которомъ засѣдалъ администраціонный совѣтъ. Окружили банкъ.

Лелевель, Чарторыскій, Островскій и Любецкій только что возвратились изъ Вержбо. Депутація клуба не была тотчасъ впущена въ совѣтъ. Она цѣлый почти часъ принуждена была дожидаться, — что оскорбляло ее и выводило изъ терпѣнія. Наконецъ, по неоднократномъ докладѣ совѣту о прибытіи депутатовъ клуба, каштелянъ Кохановскій взялъ на себя выѣти къ нимъ и спросить: «чего хочетъ клубъ?»

— «Мы не въ полномъ комплектѣ» — сказалъ Кохановскій, — «нѣкоторыхъ членовъ совѣта нѣтъ на лицо».

«Когда такъ» — отвѣчали депутаты, видя, что хотятъ отдѣлаться отъ нихъ всѣми способами, — «то мы обождемъ здѣсь, пока соберутся всѣ члены совѣта».

— «Но нельзя же вамъ, господа, войти всѣмъ вмѣстѣ въ присутствіе совѣта, занятого теперь важными дѣлами!»

«Нѣтъ ничего важнѣе нашего посольства», — сказали депутаты, подвигаясь все ближе къ дверямъ присутственной залы, которыя защищалъ Кохановскій, какъ сѣдой херувимъ, поставленный на стражѣ у этого политическаго эдема.

— «Господа! Вы не будете впущены всѣ разомъ», — кричалъ все громче Кохановскій. «Этого быть не можетъ; выберите одного или двухъ промежду себя».

«Мы пришли сюда по порученію народа, окружающаго этотъ домъ, и войдемъ всѣ разомъ». Тутъ отворились двери. Выходить Владиславъ Островскій и приглашаетъ депутатовъ объяснить правленію желаніе клуба. Князь Чарторыскій, Любецкій, Хлопицкій, Нѣмцевичъ, Радзивилъ и Густавъ Малаховскій привстали тотчасъ съ своихъ мѣстъ. На ихъ лицахъ примѣтно было какое-то смущеніе, но больше всѣхъ изъяслялъ неудовольствіе Лелевель: поступокъ клуба явно компрометтировалъ его предъ товарищами, которые уже и тогда, не безъ основанія, могли подозрѣвать его въ двусмысленномъ поведеніи; ибо, засѣдая въ совѣтѣ, былъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя безъ его вѣдома и воли, провозглашенъ начальникомъ оппозиціи, составившейся противъ совѣта, — положеніе самое фальшивое и самое невыгодное, въ какомъ только можно представить себѣ государственнаго человѣка ¹⁾. Любецкій хорошо понималъ причину и цѣль депутаціи, но не показывалъ вида, что угадываетъ противъ кого это дѣйствіе клуба преимущественно устремлено. Лицо князя Чарторыскаго показывало, что онъ въ большомъ замѣшательствѣ; а Нѣмцевичъ, которому въ одномъ названіи клуба чудились уже изъ французской

¹⁾ Хлопицкій тотчасъ, по приказанію диктаторской власти, уничтожилъ патріотическій клубъ. Но на другой день по наденіи Хлопицкаго, ⁷/₁₁ января 1831 г., составилъ новый, подъ названіемъ патріотическаго общества, котораго предсѣдателемъ былъ избранъ опять Лелевель. Онъ принялъ это званіе и оставался предсѣдателемъ до разогнанія общества по убійствамъ ³/₁₁ августа, хотя, чрезъ нѣсколько дней по избраніи его въ предсѣдатели, назначенъ былъ членомъ народнаго правленія, противъ котораго общество патріотическое безпрестанно дѣйствовало.

революціи всѣ неистовства терроризма, грабежъ и убійства, былъ въ величайшемъ гнѣвѣ. Изъ числа присутствовавшихъ, одинъ Мостовскій не всталъ съ своихъ креселъ, сохраняя хладнокровіе и видъ приличный человѣку его лѣтъ. Не привыкшихъ къ живымъ, революціоннымъ движеніямъ поражало, безъ сомнѣнія, то, что депутаты клуба вошли въ присутствіе правленія въ шинеляхъ, смѣло и почти насильно; не могли они также не замѣтить, что возмущенный народъ наполнялъ всю банковую площадь. Одинъ изъ членовъ депутаціи, обратясь сперва къ князю Чарторьскому, представлялъ ему въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ: что дѣйствія правленія, которое онъ, Чарторьскій, поддерживаетъ, которое защитилъ онъ своею особою отъ грозившей ему бѣды, подвергаютъ народное дѣло величайшей опасности, вѣрной гибели. Другой депутатъ, капитанъ Доброгойскій, «именемъ отечества заклиналъ князя Чарторьскаго принять рѣшительныя мѣры». За ними я говорилъ такъ: «не думайте, господа, чтобы можно было кончить это дѣло договорами, или мировою съ русскимъ правительствомъ. Народъ (?) и войско (?) подняли оружіе для освобожденія края; народъ не дозволитъ упасть революціи. Возстаніе наше можетъ измѣнить видъ Европы (!). Что же сдѣлалъ до сихъ поръ администраціонный совѣтъ, взявшись управлять возстаніемъ? Проходить день за днемъ безъ всякой пользы, но еще не все утрачено!... Прокламаціи совѣта грозятъ восстановленіемъ порядка вещей, который ниспровергнуть былъ 15 лѣтъ, т. е. съ самаго учрежденія Царства, цѣлю всѣхъ усилій истинныхъ (!) поляковъ, — восстановленіемъ того порядка, который вы сами помогли ослабить не однимъ примѣромъ вашей гражданской жизни, вашего патріотизма. Мы, которыхъ вы видите здѣсь передъ собою, мы всѣ обрекли на жертву наши головы, рѣшившись начать революцію, — мы постановили развить ее, управлять ею вопреки сопротивленію, какое встрѣчаемъ со стороны совѣта. Для того-то обратились мы къ народу, который окружаетъ этотъ домъ съ оружіемъ въ рукахъ, который не разойдется, пока вы не исполните въ самое короткое время, въ определенный срокъ, слѣдующихъ справедливыхъ желаній его. Народъ требуетъ...». Тутъ, развернувъ инструкцію клуба, я прочиталъ вслухъ содержавшіеся въ ней пункты и вручилъ ее князю Чарторьскому.

Сія революціонная точность (?) поразила большую часть членовъ правленія, а въ нѣкоторыхъ возбудила величайшее негодованіе. Имъ казались дерзкими требованія клуба, дерзкими выраженія его репрезентантовъ, какъ будто могло быть что нибудь въ словахъ или дѣйствіяхъ людей, которые не побоялись ворваться въ Бельведеръ, овла-

дѣтъ арсеналомъ и вооружить 30,000 жителей Варшавы противъ могущественнѣйшаго на земномъ шарѣ монарха. Князь Чарторыйскій, съ свойственною ему привѣтливостію, объявилъ депутаціи, что нѣкоторыхъ ея требованій нельзя исполнить, а «именно» — продолжалъ онъ—«задержать великаго князя, который соглашается на все, который общается (?) предать все забвенію, который сейчасъ объявилъ, что не приступитъ ни къ какому дѣйствию противъ столицы, не уведомивъ ее о томъ за 48 часовъ впередъ, — который заключилъ договоръ (?) съ правленіемъ».

Эта великая неожиданная милость цесаревича показалась мнѣ такимъ для народа уничиженіемъ, что я не могъ скрыть моего изумленія и сказалъ князю Чарторыйскому съ нѣкоторою досадою: «вы, князь, конечно, шутить изволите!... Мы возстали не для того, чтобы принимать милости и условія отъ плѣнника (!) революціи, а чтобы спасти Польшу (!). Пора перестать совѣту играть комедію, которая можетъ кончиться весьма трагически или для возстанія, или для его враговъ и подозрительныхъ непріятелей». Послѣднія слова, раздражившія, встревожившія всѣхъ членовъ администраціоннаго совѣта, я обратилъ въ особенности къ Любецкому, сохранявшему постоянное молчаніе. Хлопчикъ вышелъ въ бѣшенствѣ изъ залы и захлопнулъ за собою двери. Густавъ Малаховскій написалъ тотчасъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ протестацію противъ насилія, учиненнаго совѣту въ мѣстѣ его засѣданія, и въ той вѣроятнѣ мысли, что демагогія овладѣваетъ Польшею, объявилъ, что требуетъ своей отставки. Его примѣру послѣдовалъ князь Михайло Радзивилъ. Тутъ Нѣмцевичъ, разрывая на груди своей платье, вскрывалъ плачевнымъ голосомъ: «поразите это сердце, которое всегда билось для отечества, умертвите насъ, вы же пришли сюда съ оружіемъ, если вы имѣете довѣрія ни къ добродѣтели, ни къ совѣсти, ни къ сѣдинамъ». Наконецъ, Владиславъ Островскій и князь Черторыскій объявили намъ: «что требованія клуба будутъ разсмотрѣны правленіемъ». Депутація удалась.

Въ ту же ночь (со 2-го на 3-е декабря) выступилъ изъ гор. Сохачева къ Варшавѣ 1-й Егерскій полкъ. Его звали на дорогѣ, съ одной стороны, великій князь, — съ другой возстаніе. Но командиръ этого полка бригадный генералъ Шембекъ не колебался (!) ни минуты въ выборѣ; онъ пошелъ тѣмъ путемъ, который ему указывала собственная его приверженность къ отечеству, — который указывало рвеніе его офицеровъ и солдатъ (!). Шембекъ, еще 30-го ноября 1830 г., по полученіи перваго извѣстія о варшавскихъ событіяхъ, послалъ изъ Сохачева въ столицу полковаго адъютанта поручика Поприцкаго за приказаніями правленія для своей бригады, полагая, что должно

уже быть народное революціонное правленіе. Поприцкій явился въ засѣданіе совѣта, объяснилъ Хлопицкому, за чѣмъ его прислалъ генералъ Шембекъ, и требовалъ положительнаго отвѣта. Послѣ многихъ разспросовъ вручили, наконецъ, Поприцкому, въ часъ пополудни, бумагу къ Шембеку — выписку изъ протокола администраціоннаго совѣта, подъ заглавіемъ: «По повелѣнію (w imieniu) императора и царя Николая». Посланная подъ такимъ заглавіемъ выписка не была приказаніемъ для бригады ¹⁾. Повинуясь Николаю, не могъ Шембекъ взбунтоваться противъ Николая. Онъ рѣшился повиноваться волѣ отечества — приказалъ 1-му егерскому полку, который былъ въ окрестностяхъ Сохачева, собраться какъ можно поспѣшнѣе, отправилъ тотчасъ эстафеты въ Ловичъ и въ Раву къ начальникамъ дивизій: конно-егерской Канскому, и 2-й пѣхотной графу Круковецкому, а въ Мѣценовъ къ командиру 1-го пѣхотнаго полка полковнику Рыбинскому, увѣдомляя ихъ о возстаніи въ столицѣ и предлагая идти, какъ можно скорѣе, на помощь народу, — вслѣдъ зачѣмъ выступилъ самъ 2-го декабря съ 1-мъ егерскимъ полкомъ къ Варшавѣ, куда направилъ и состоявшій въ его бригадѣ 5-й егерскій полкъ, который былъ расположенъ въ гор. Плоцкѣ. Это распоряженіе генерала Шембека рѣшило дѣло возстанія, давъ ему несомнительный перевѣсъ. Утомленный солдатъ, сдѣлавшій 9 миль въ одинъ почти переходъ, требовалъ минутнаго отдыха. Шембекъ останавливается вечеромъ въ м. Блонѣ ²⁾. Здѣсь ночью съ 2-го на 3-е декабря онъ получаетъ отъ великаго князя адресованное къ нему въ Соха-

¹⁾ Та выписка изъ протокола администраціоннаго совѣта была въ слѣдующихъ словахъ:

По повелѣнію императора всея Россіи царя польскаго Николая. «Администраціонный совѣтъ, побуждаемый крайнею необходимостью охранить столицу отъ всякой опасности, — ииѣя въ виду средства къ обезпеченію продовольствія столицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ призвать войско къ дѣйствіямъ для блага народа необходимымъ, — постановляетъ слѣдующее:

«Генералу Хлопицкому дается полномочіе учинить соотвѣтственные обстоятельства предписанія на счетъ движеній войска, сближенія его и призванія въ столицу. Варшава. Декабря 1-го дня 1830 года. Графъ Валентинъ Соболевскій».

На основаніи сего-то постановленія начались движенія польскаго войска. Не сущій-ли это хаосъ?... Соболевскій, именемъ царя Николая, двигаетъ войско къ Варшавѣ. А какъ войско нужно Варшавѣ не противъ города, но противъ Константина Павловича, такъ, по повелѣнію царя, направляли войско въ Варшаву противъ брата царя!?

Прим. соч.

²⁾ Отъ Сохачева до Варшавы всего 7 миль, а какъ Шембекъ остановился въ м. Блонѣ, которое отъ Варшавы въ 3½ мили, то полкъ сдѣлалъ въ цѣлый день не 9, а всего ½ миль.

Примѣч. перев.

чевъ предписаніе: «не трогать полка съ мѣста ни подъ какимъ видомъ». Офицеръ, посланный съ этимъ приказаніемъ, найдя полкъ въ Блонѣ, поспѣшилъ донести о семъ великому князю, который часа черезъ два прислалъ Шембеку другое предписаніе, чтобы непременно, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, прибылъ онъ съ полкомъ въ слѣдующій день, т. е. 3-го декабря, къ 8 часамъ утра, въ лагерь подъ селеніемъ Мокотовъ¹⁾. Но это нисколько не поколебало рѣшимости (1) Шембека. Наконецъ, третій курьеръ является отъ великаго князя, но уже не съ предписаніемъ, а съ частнымъ къ Шембеку письмомъ, наполненнымъ такими выраженіями: «что въ его рукахъ будущее счастье Польши, что великій князь требуетъ отъ него, какъ отъ человѣка, желающаго добра своему отечеству,— что проситъ его, чтобы онъ, безъ потери времени, согласно прежнимъ приказаніямъ, прибылъ съ полкомъ подъ Мокотовъ, гдѣ его и ожидаетъ». Шембекъ рѣшился поѣхать въ Мокотовъ, но предъ отъѣздомъ распорядился такимъ образомъ: онъ сообщилъ письмо Константина Павловича баталіоннымъ своего полка командирамъ, подполковникамъ Рольбецкому и Ютршенку и многимъ другимъ офицерамъ: не зная онъ, чѣмъ кончится его поѣздка, и чтобы въ русскихъ не возбудить особеннаго подозрѣнія, взялъ съ собою унтеръ-офицера для того, во 1-хъ, чтобы этотъ унтеръ-офицеръ въ лагерь Константина Павловича между польскими полками распустилъ слухъ, что войска, расположенныя въ воеводствахъ, заодно съ Варшавою, а во 2-хъ, чтобы въ случаѣ задержанія его, Шембека, въ Мокотовѣ, онъ далъ знать его полку, что съ нимъ самимъ сдѣлалось. На случай своего задержанія, оставилъ Шембекъ подполковникамъ Рольбецкому и Ютршенку такую инструкцію: «что если арестуетъ цесаревичъ, то пришлетъ онъ, Шембекъ, приказаніе своему полку слѣдовать къ Мокотову, но приказаніе это будетъ только знакомъ, чтобы полкъ, не теряя ни минуты, поспѣшилъ проселочными дорогами въ Варшаву».

Шембекъ, еще до полуночи, пріѣзжаетъ въ лагерь цесаревича. Константинъ Павловичъ бросился въ его объятія, привѣтствовалъ его какъ спасителя, но тотчасъ былъ выведенъ изъ заблужденія. Шембекъ сказалъ ему, «что бригада его ночуетъ въ Блонѣ, но никакая сила въ свѣтъ не остановитъ похода ея въ Варшаву; что онъ самъ, какъ добрый (1) полякъ, долженъ соединиться съ народомъ». Разговоръ продолжался болѣе часа, великій князь настаивалъ... Нако-

¹⁾ Селеніе Мокотовъ за Бсльведеромъ, въ верстѣ отъ краковской заставы.

Прим. перевод.

нецъ, когда все это не дѣйствовало, онъ разсердился, грозилъ задержать Шембека

Вскорѣ послѣ отъѣзда генерала Шембека изъ Блони, прискакалъ туда изъ Варшавы полковникъ Кицкій съ нѣсколькими молодыми людьми и убѣждалъ полкъ тотчасъ идти въ столицу, не ожидая возвращенія Шембека ¹⁾. Всѣ офицеры полка дали Кицкому честное слово, что не пойдутъ никуда, какъ въ Варшаву, но съ своимъ командиромъ, и часа два будутъ ожидать еще его возвращенія или извѣстія, что съ нимъ сдѣлалось. Я описываю эти подробности для того, что на счетъ свиданія Шембека съ великимъ княземъ напечатано много разныхъ сказокъ, и между прочимъ, что будто не онъ, Шембекъ, а Кицкій, съ академиками, привелъ 1-й егерскій полкъ въ Варшаву. Не долго ждали Шембека: онъ пріѣхалъ—приказалъ полку зарядить ружья и выступилъ въ походъ. Изъ села Олтаржева, въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, онъ послалъ съ подпоручикомъ Гергардомъ, стоявшимъ тамъ на посту съ небольшою командою гвардейскихъ конныхъ егерей, написанное имъ самимъ воззваніе къ польскимъ войскамъ, находившимся при великомъ князѣ, чтобы они, слѣдуя его примѣру, соединились съ народомъ. Часу въ третьемъ пополудни Шембекъ вошелъ чрезъ Вольскую заставу въ Мировскія казармы. Пріѣхалъ туда въ мигъ Хлопицкій и пошелъ по рядамъ. Солдаты стояли еще подъ ружьемъ. Завидѣвъ своего главнокомандующаго, они всѣ закричали: «да здравствуетъ отечество! Да здравствуетъ генераль Хлопицкій!». Этотъ человекъ дѣйствовалъ электрически, чародѣйски на войско. Потомъ Хлопицкій и Шембекъ отправились вмѣстѣ въ администратіонный Совѣтъ. Шембекъ сказалъ въ Совѣтѣ:

— Я сдѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ истиннаго поляка, что повелѣвала честь — пришелъ соединиться съ вами; долженъ, однако-жъ, сказать, что хотя мнѣ только 42 года, но, можетъ быть, я уже не стою младшихъ меня,—а затѣмъ неспособныхъ прочі!

Шембекъ поднялъ высоко духъ Варшавы. Его бригада предвѣщала революціи побѣду, его примѣръ не позволялъ сомнѣваться, что и прочія части польскаго войска, разбросанныя по Царству, пристанутъ къ народному (?) дѣлу. Вліяніе великаго князя на тѣ части войска не могло уже насъ тревожить. Въ тылу цесаревичева лагеря, на пере-

¹⁾ Кицкій, какъ сказано выше, былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ цесаревича, потомъ находился долгое время въ отставкѣ, промоталъ все свое и умершей жены своей имущество, а въ 1829 г. въ коронацію Николая Павловича изъ Варшавы пожалованъ былъ въ камергеры. Прим. перев.

правѣ его въ забрапныя области, стояла бригада нашей 2-й пѣхотной дивизіи, стояла дивизія уланская, расположенная въ Замосьцѣ, Люблинѣ, Любартовѣ и Маркушевѣ. Съ боку, если бы цесаревичъ вадумалъ отступить въ эту сторону, тѣснили его (!) превосходныя силы генераловъ Круковецкаго и Гелгуда. Онъ былъ, такимъ образомъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ, ибо и Прага находилась въ нашихъ рукахъ...

Шембекъ, на другой день (3-го декабря), поутру, пошелъ заключить тѣсный союзъ съ клубомъ, который такъ ясно (!) понималъ наше возстаніе, который, собравшись чуть-свѣтъ еще въ большемъ числѣ, нежели вчера, былъ уже занятъ совѣщаніями: наводилъ страхъ и распоряжалъ столицею, ибо всѣ власти передъ нимъ трепетали. Вмѣстѣ съ Шембекомъ пришелъ на то засѣданіе и Лелевель, который, какъ предсѣдатель клуба, встрѣченъ былъ громкими восклицаніями. Полагали,—я, по крайней мѣрѣ, такъ думалъ,—что онъ тотчасъ могучею рукою приметъ власть, которую ему вручила молодежь, и станетъ въ челѣ движенія, передъ конемъ ничто не могло бы устоять. Дѣйствительно, судьба революціи въ эту великую минуту зависѣла отъ него—отъ одной его рѣчи. Но Лелевель не воспользовался своимъ положеніемъ! Онъ провознесъ рѣчь къ собранію; но, вмѣсто того, чтобъ подкрѣпить вчерашнее рѣшеніе клуба, склонялъ его къ большей умѣренности въ дѣйствіяхъ. Этого мало: онъ оправдывалъ административный Совѣтъ, котораго самъ былъ членомъ,—до такой степени умѣлъ Любецкій опутать его своими сѣтями!.. Лелевель, по характеру, по воспитанію, по темпераменту, совсѣмъ не человѣкъ народа, не демагогъ въ минутахъ замѣшательства, какимъ его почитали, не «мужъ, сильный дѣломъ», говоря словами Библии. Напротивъ, чѣмъ выше обстоятельства, тѣмъ ниже онъ опускается,—а въ толпѣ, въ давлѣ ничего, почти ничего онъ не видитъ; буря не уноситъ, не распаляетъ его—не даетъ ему никакого вдохновенія. Несравненный въ заговорѣ, въ библіотекѣ, а особенно на кафедрѣ, — Лелевель за этою чертою слишкомъ деликатенъ, смиренъ и остороженъ, ничего столько не боятся, какъ отвѣтственности, коль скоро обстоятельства требуютъ смѣлаго и опаснаго шага. Съ недостаткомъ вдохновенія на шаткой сценѣ онъ соединяетъ претензію на безошибочность—хочетъ непремѣнно быть всегда правъ и поэтому готовъ лучше ничего не сдѣлать, ничего не сказать, нежели рѣшиться на что нибудь, нежели дать какой либо совѣтъ, который оказался бы впоследствии ошибочнымъ и противъ него обратился. Отъ этого все, что ни говорилъ онъ въ продолженіе возстанія, говорилъ только сквозь зубы, все, что ни дѣлалъ, дѣлалъ не явно. Ни одного мѣста

не занималъ онъ цѣлымъ собою: какъ что нибудь сказать рѣшительно, такъ и быть гдѣ-нибудь рѣшительно, противилось его политикѣ, его безошибочности. По этой причинѣ, какъ никогда не сказалъ онъ ясно ничего, такъ и нигдѣ не былъ: ни во власти, ни противъ власти. Это, а не что иное, ослабляло въ возстаніи и вѣсь Лелевеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу революціи, силу революціоннаго духа. Заговорщики и молодежь имѣли къ нему неограниченное довѣріе; ибо, съ другой стороны, этотъ человѣкъ мнилъ и достоинъ любви, ибо великій мастеръ брать верхъ надъ людьми, не принимая на себя никакой обязанности въ отношеніи къ тѣмъ, которые почитаютъ его своимъ, которые бросаются въ его объятія. Что другіе снискиваютъ словомъ, то снискиваетъ онъ глазами, жестомъ, а больше всего молчаніемъ. Этими кокетствомъ онъ обольстилъ революцію и всегда обманывалъ ее въ рѣшительныя минуты. Слова, которыя онъ первый произнесъ, какъ предсѣдатель клуба, были гибельнымъ ударомъ для зарождавшагося могущества народа, для революціонной партіи, хотѣвшей имѣть его своимъ главою. Со стороны Лелевеля что могло бы быть натуральнѣе, какъ уничтожить въ клубѣ старое правленіе, какъ показать поддерживавшимъ правленіе острые, хищные клыки, и въ мигъ проложить дѣлу единственный путь спасенія, какой тогда предстоялъ? Кто-жъ изъ революціонистовъ, кто изъ основателей клуба имѣлъ такое имя, какъ Лелевель, кто имѣлъ такое уваженіе въ народѣ, такія связи съ Литвою, съ литовскимъ корпусомъ и даже съ ученою Россією? Короче сказать, кто изъ насъ былъ извѣстнѣе его? но революція хромала въ вершинѣ своей, въ единой, видимой своей главѣ!...

Послѣ Лелевеля говорилъ со стола (присланный въ клубъ изъ совѣта) каштелянъ Накваскій, сѣдой старикъ: онъ въ слезахъ и рыданіяхъ желалъ счастливаго успѣха отечественному дѣлу.

Адвокатъ Кршивощевскій называлъ клубъ «демагогическимъ», — и долженъ былъ сойти со стола ¹⁾. Шембекъ, внесенный на рукахъ, насилу могъ вырваться изъ дружескихъ объятій соотечичей.

— Я солдатъ, сказалъ онъ, — и рѣчей говорить не умѣю, но съ моими егерями пролью за отечество послѣднюю каплю крови.

¹⁾ Адвокатъ Кршивощевскій защищалъ предъ сеймовымъ судомъ главнаго изъ подсудимыхъ, подполковника Кржижановскаго, и съ того времени слылъ демагогомъ. Но во все продолженіе мятежа онъ велъ себя спокойно и благоразумно. Бывъ избранъ членомъ муниципальнаго Совѣта, онъ покровительствовалъ русскимъ плѣннымъ, захваченнымъ въ ночь 29-го ноября 1830 г., и употреблялъ всѣ усплія къ охраненію порядка и воздержанію народа отъ безчинства.

Ему вѣрили, потому что въ арміи нашей была поговорка: «вѣрь Шембеку» ¹⁾).

Восторгъ овладѣлъ умами, надежда начала прояснятъ лица, дотолѣ пасмурныя; дома начали отпираться. Жители столицы ожили, но по мѣрѣ того, какъ проходили ихъ страхъ, прибывало страха въ Любецкомъ и въ цѣломъ администраціонномъ совѣтѣ. Половина Варшавы высыпала на улицу, а народъ, народъ весь находился въ клубѣ. Шембека вынесли, какъ внесли, на рукахъ. За нимъ все собраніе хлынуло изъ залы на дворъ. Была минута чудесная! На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, не было ораторской кафедрѣ. Не было стола, но случился крестьянскій возъ. Шембекъ вскакиваетъ на этотъ возъ, съ чувствомъ поздравляетъ народъ и объявляетъ, что бригада его будетъ тотчасъ на Саксонской площади. «Ура, Шембекъ, ура!.. Смерть москалямъ!..» кричали тысячи голосовъ, возносившихся до небесъ. Потомъ многіе изъ военныхъ, многіе изъ патриотовъ говорили съ воза энергически и смѣло. Тотъ исчислялъ прежнія заслуги, исчислялъ раны, полученные въ бояхъ за отечество; другой изображалъ чуждый деспотизмъ вѣрными (?) красками, разбиралъ дѣйствія администраціоннаго совѣта. Надъ совѣтомъ, такъ какъ изъ исполнительнаго отдѣленія его не приходило отвѣта, поднималась часъ отъ часу сильнѣйшая гроза. «Пойдемъ опять въ банкъ, пойдемъ всѣ выѣсть!» кричало собраніе.

Тутъ пожилой Кушель, въ старинной польской буркѣ, съ страшными усами, съ пистолетами за поясомъ, началъ толковать съ воза о необходимости всеобщаго ополченія въ Царствѣ.

— Ничто не пойдетъ въ прокъ, говорилъ онъ,—если не ворвемся тотчасъ въ Литву! Но прежде всего надобно непременно повѣсить председателя подляской воеводской комиссіи, потому что этотъ бездѣльникъ,—тутъ явился онъ самыми колкими словами несчастнаго председателя (бывшаго тогда, кажется, въ Варшавѣ), личнаго своего врага ²⁾. Его прервали крики: «ладно, ладно! пойдемъ въ Литву — повѣсимъ председателя...» Народъ у насъ, какъ вездѣ, скоро рѣшаетъ такіа дѣла. Слово на счетъ Литвы, вѣрно, въ опрометчивости было

¹⁾ Справедливость этой поговорки доказалъ Шембекъ поведеніемъ своимъ какъ въ отношеніи къ цесаревичу, осыпавшему его благодарностями, такъ и въ отношеніи къ революціи, въ продолженіи которой онъ не пролилъ ни капли крови и находился только въ одномъ сраженіи, при с. Гроховѣ 13-го (25-го) февраля 1831 г., подъ Варшавою, а послѣ удаленъ изъ арміи за пронырство и беспокойное поведеніе.

²⁾ Старнальскаго, находившагося въ своемъ воеводствѣ, въ г. Седльцѣ.
Прим. перев.

молвлено въ такую минуту. Оно доказывало, однако-жъ, что эта мысль была не чужда, была по душѣ народу ¹⁾.

Среди сего порыва народныхъ страстей и всеобщей ярости противъ администраціоннаго совѣта, является членъ исполнительнаго его отдѣленія графъ Владиславъ Островскій, и вмѣсто категорическаго отвѣта на вчерашнія требованія клуба приносить бумагу, коею совѣтъ назначаетъ себѣ въ члены Ксаверія Брониковскаго, отставнаго маіора Махницкаго и меня ²⁾. «Прошу васъ, господа, объявилъ намъ (также съ воза) Владиславъ Островскій,—сей же часъ явиться въ засѣданіе совѣта». Это была новая увертка контръ-революціи, новая уступка Любецкаго. Система этого министра, который гимнастически боролся съ волненіемъ, состояла, какъ я сказалъ, въ искусномъ охлажденіи революціонныхъ началъ, въ постепенномъ политическомъ ихъ истомленіи. Сначала, какъ мы видѣли, онъ поддерживалъ правленіе значеніемъ Чарторыскаго, Паца, Нѣмцевича. Когда это не усмирило города, онъ расширилъ свой контръ-революціонный кругъ и вовлекъ въ него Владислава Островскаго и Делевеля, возстававшихъ на бездѣйствіе правленія. Когда же не помогло и это, рѣшился онъ вступить въ гнѣздо бури, впутать самый клубъ въ свой кругъ, дабы все, что только возставало противъ правленія, погрязло въ администраціонномъ совѣтѣ и не могло выпутаться изъ него. Но въ отношеніи къ клубу министръ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Онъ не могъ съ нами управиться. Понимая тогда все дѣло точно такъ, какъ теперь его описываю, разсуждая, что участіе въ правленіи мое и Брониковскаго ³⁾ долженствовало быть только минутное; что допущенія нѣсколькихъ клубистовъ въ составъ правленія требовалъ клубъ единственно для ниспроверженія администраціоннаго со-

¹⁾ Не народу, крестьянству, а шляхтичамъ и тому мелкому ремесленному люду, который въ безуміи своемъ привелъ Польшу на край гибели.

²⁾ Махницкій поступилъ въ военную службу пѣзъ адвокатовъ въ 1809 г., во время войны Наполеона съ Австріею, и принятъ былъ маіоромъ, а въ 1821 г., за участіе въ тайныхъ обществахъ, удаленъ изъ службы. Впослѣдствіи, въ началѣ 1826 г., онъ былъ взятъ подъ стражу, и заключеніе его продолжалось до послѣдовавшаго въ 1829 г. высочайшаго повелѣнія о немедленномъ освобожденіи всѣхъ венодвергнутыхъ до того времени сулу, и о несодержаніи впредь никого подъ стражею, безъ письменнаго объявленія арестованному о причинахъ его заключенія и отсылки къ суду въ теченіи первыхъ трехъ дней для допроса и поступленія по установленному порядку.

Прим. перев.

³⁾ Маіоръ Махницкій отъ всего уклонялся и вскорѣ уѣхалъ изъ Варшавы въ Познанское герцогство.

вѣта при содѣйствіи Лелевеля и Островскаго, на которыхъ мы считали, видя вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ своей стороны администраціонный совѣтъ, постигнувъ-таки замыслы клуба, допускалъ насъ охотно въ свой составъ, именно для отвращенія грозившей ему опасности,—я тотчасъ объявилъ Любецкому, что не войду въ правленіе до тѣхъ поръ, пока онъ и прочіе министры будутъ засѣдать въ правленіи.—«Администраціонный совѣтъ, сказалъ я въ присутствіи всѣхъ его членовъ, и сказалъ это первый,—долженъ непременно объявить себя упраздненнымъ. Народъ озлобленъ противъ князя Любецкаго — революція хочетъ своего собственнаго правленія—революція не можетъ дѣйствовать отъ имени русскаго правительства». Я говорилъ какъ мыслить, мнѣ казалось, что я вижу дѣло ясно, я стремился къ власти скоро, слишкомъ скоро, а потому безуспѣшно: такіе шаги, такіа рѣчи мои навлекли на меня ненависть людей весьма важныхъ. Но еще молчали, потому что клубъ былъ силенъ, а я въ клубѣ имѣлъ друзей. Любецкій и Мостовскій подали тотчасъ въ отставку. Администраціонный совѣтъ не существовалъ уже *de facto*. Въ залѣ его засѣданій, послѣ вчерашняго Якобинскаго нашествія—такъ называли депутацію клуба,—царствовать безпорядокъ, какъ послѣ пьянаго пира, какъ послѣ ночныхъ сатурналій. Одно дыханіе народа развѣяло эту ветхую власть, поддерживаемую дотогѣ такъ искусно, такъ мудро. Множество депутацій, одна за другой, ото всѣхъ отрядовъ войска, со всѣхъ пунктовъ столицы, являлись въ совѣтъ, слѣдуя вчерашнему примѣру. Инсurreкція въ массѣ расположила свой главный бивуакъ передъ банкомъ, а главную свою квартиру утвердила въ банкѣ, въ покояхъ Любецкаго. Не было уже никакого правленія!

Всякое волненіе, подвигаемое съ одного пункта, увеличивается собственною силою. Клубъ шибко гналъ дѣла впередъ. Движеніе, имъ произведенное, вошло въ массы и нѣсколько тысячъ вооруженнаго народа, вмѣстѣ съ войскомъ, потянулись поутру, въ 10-мъ часу, къ Мокотовской заставѣ «для освобожденія польскихъ солдатъ, которыхъ русскіе, какъ распущенъ былъ слухъ, удерживаютъ насильно».

Великій князь, по отъѣздѣ депутатовъ совѣта изъ Вержбно, ждалъ цѣлую ночь въ величайшемъ безпокойствѣ ратификаціи договора (?), заключеннаго имъ съ совѣтомъ. Онъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и тотчасъ съ наступленіемъ слѣдующаго дня послалъ Замойскаго въ Варшаву узнать о результатѣ. Замоискій, на пути въ городъ, встрѣчается съ генераломъ Герштенцвейгомъ и узнаетъ отъ него, что гвардейскіе конные егеря отпраздновали отъ себя депутацію къ великому князю для представленія ему, «что службою при немъ они исполнили все, что налагали на нихъ и долгъ, и честь, и

что потому надѣются, что цесаревичъ позволить имъ присоединиться къ народу, и что даже лично объявить имъ позволеніе». Конные егеря, въ самомъ дѣлѣ, стояли этого. Великій князь, отдаваясь имъ въ руки, выхваляя ихъ (*«ce sont des soldats à mettre en cartes d'or»*, говорилъ онъ), превознося безпрестанно благородное ихъ поведеніе, поставилъ въ положеніе самое трудное. Но при всемъ этомъ онъ не хотѣлъ посланнымъ отъ нихъ депутатамъ дать точнаго позволенія. «Пусть они себѣ идутъ—я ихъ не удерживаю, но и не позволяю». Конные егеря хотѣли уйти сами собою, безъ позволенія. Но Замойскій удерживаетъ ихъ отъ этого. Онъ представляетъ имъ, что, «находившись до сихъ поръ при великомъ князѣ, они должны остаться при немъ, пока онъ самъ велитъ имъ уйти, что объ этомъ идутъ уже переговоры, что они непремѣнно получаютъ позволеніе». Замойскій смотрѣлъ на положеніе гвардейскихъ конныхъ егерей больше со стороны политической: «если революція удастся (говорилъ онъ), то егеря найдутъ еще время присоединиться къ ней»,—о самомъ же себѣ объявлялъ, что пристанетъ къ ней послѣдній. «А если она не удастся—разсуждалъ Замойскій—то не малымъ будетъ счастьемъ для народа, что не все войско отложилось отъ великаго князя». Егеря, наконецъ, убѣдились и дали честное слово дожидаться.

Замойскій пріѣзжаетъ въ городъ. Онъ находитъ совѣтъ, послѣ ночной сцены, въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ. До двухсотъ человѣкъ толпилось въ залѣ и, по крайней мѣрѣ, 100 говорили разомъ. Шумъ,, безпорядокъ, страхъ—невыразимые!.. Въ этомъ смятеніи Любецкій отводитъ Замойскаго въ сторону. Онъ говоритъ ему, что всѣ сношенія совѣта съ великимъ княземъ прерваны натискомъ клубистовъ, что теперь нельзя ручаться ни за что, а, наконецъ, тихомолкомъ, вмѣстѣ съ княземъ Чарторыскимъ, пишетъ къ вел. кн. Константину Павловичу письмо слѣдующаго содержанія: «Возстаніе беретъ сильно верхъ—порывы его въ эту ночь были страшные—удержать ихъ нельзя ничѣмъ. Совѣтъ не можетъ имѣть нынѣ никакихъ сношеній съ вашимъ императорскимъ высочествомъ—одна мысль договора съ вами подвергла его величайшей опасности. Въ такомъ положеніи дѣлъ совѣтъ предлагаетъ вашему высочеству одно изъ двухъ: или сдаться, или тотчасъ уходить» ¹⁾. Съ этимъ письмомъ, едва доконченнымъ, Замойскій поспѣшилъ къ великому князю. На пути отъ Крулевской улицы къ Александровскому костелу видитъ онъ зрѣлище: тянутся огромныя вооруженныя массы народа—съ ними Шембековъ полкъ, съ нимъ Шембекъ и Хлопицкій, оба влекомые потокомъ, оба блѣдные.

¹⁾ Изъ рукописи графа Владислава Замойскаго.

Хлопицкій сердитый, почти скрежещущій зубами, впереди этой взволнованной толпы, этого наводненія, готоваго затопить лагерь цесаревича. Замойскій старается остановить ихъ. Онъ торгуется съ Хлопицкимъ о двухъ часахъ времени, выставляетъ политическія выгоды, могущія произойти отъ добровольнаго согласія цесаревича на отпускъ польскаго войска; а надобно помнить, что клубъ для взволнованія массъ распространилъ слухъ, будто бы Константинъ Павловичъ насильно удерживаетъ при себѣ польское войско. Хлопицкій вынулъ часы и сказалъ Замойскому, «что если къ 12-ти часамъ польское войско не будетъ отпущено изъ лагеря цесаревича, то онъ не найдется въ состояніи удерживать долѣе этого напора, и самъ въ челѣ его долженъ будетъ поневолѣ ударить на отрядъ великаго князя. Замойскій, выпросивъ эту короткую отсрочку, прищипорилъ коня и ускакалъ впередъ. У самаго уже лагеря великаго князя останавливается онъ вторично конныхъ егерей, хотѣвшихъ идти въ городъ, ручается имъ торжественно, что если чрезъ полъ-часа не привезетъ имъ позволенія великаго князя, то самъ, вмѣстѣ съ полкомъ, оставитъ его.

Константинъ Павловичъ, взявъ въ руки вышепоянутое письмо Любецкаго и Чарторыскаго, замѣтилъ, съ крайнимъ удивленіемъ, что оно безъ подписи ¹⁾.

— Что это значить? спросилъ онъ Замойскаго, который, не теряя присутствія духа, отвѣчалъ тотчасъ:

— Это, ваше высочество, живая, вѣрная картина того, что происходитъ теперь съ совѣтомъ.

Тутъ выставляетъ онъ великому князю, въ самыхъ живыхъ краскахъ, положеніе совѣта, сцену съ клубомъ, тревогу и разрушеніе послѣ этой сцены,—проситъ великаго князя считать письмо подписаннымъ и увѣряетъ честнымъ словомъ, что оно вручено ему княземъ Чарторыскимъ и Любецкимъ. Но великій князь и по прочтеніи того письма не соглашался дать позволенія войску. Тогда Замойскій сказалъ ему, «что весь народъ, всѣ инсургенты идутъ на него съ генералами и съ войскомъ, что этого натиска нельзя остановить ничѣмъ, кромѣ позволенія польскимъ войскамъ присоединиться къ народу, что только то время, которое можетъ пройти во взаимныхъ привѣт-

¹⁾ Любецкій признался потомъ Замойскому, что, пользуясь его поспѣшностію возвратиться къ цесаревичу, онъ умышленно не подписалъ того письма и самаго князя Чарторыскаго уговорилъ не подписывать, такъ какъ письмо, по мнѣнію его, Любецкаго, имѣло двѣ стороны: за преступленіе принялъ бы его государь; преступленіемъ призналъ бы и клубъ—каждый по своимъ уваженіямъ.

ствіяхъ разлученныхъ братьевъ, остается великому князю для собственнаго его спасенія, что на сей конецъ только до полудня выхлопоталъ онъ у Хлопидкаго отсрочку. Ужаснуло это Константина Павловича; но онъ все еще колебался. Тутъ Замойскій приступилъ къ дѣлу съ другой стороны.

— Ваше высочество,—сказалъ онъ,—умѣя цѣнить заслуги солдата, не можете отказать въ просьбѣ людей, которые были вѣрны долгу чести, которые въ исполненіи трудной обязанности явили вамъ столько доказательствъ своей преданности.

Княгиня Ловичъ, находившаяся при этой сценѣ, возстала противъ Замойскаго, что онъ побуждаетъ великаго князя къ такому шагу, за который вся отвѣтственность падеть на него (Константина).

— *Son honneur le lui défend* ¹⁾, сказала она.

— *Son salut, sa sécurité l'exigent* ²⁾, возразилъ Замойскій и, обратясь къ Константину Павловичу, сильно, настойчиво требовалъ его согласія для собственной личной его безопасности.

— Что-же обѣщаетъ мнѣ правленіе, если я соглашусь? спросилъ Константинъ Павловичъ.

— Ничего, развѣ нѣсколько часовъ отсрочки, сказалъ Замойскій.

— Я ихъ не удерживаю—пусть себѣ идутъ!

— Но, ваше высочество! Они сняли себѣ право на ваше точное позволеніе—они исполнили свой долгъ; ваше высочество не можете отказать въ позволеніи, котораго они просятъ. Увѣренный въ вашей справедливости, я обвадежилъ ихъ въ томъ и далъ имъ даже слово, что, въ случаѣ вашего отказа, я самъ почту себя уволеннымъ отъ всѣхъ обязанностей моихъ при вашемъ высочествѣ.

Пораженный этими словами, Константинъ Павловичъ вымолвилъ, наконецъ:

— Поди, скажи имъ отъ меня, что я позволяю имъ идти.

Княгиня Ловичъ удержала Замойскаго, когда онъ уже хотѣлъ выходить, напоминая ему, чтобы онъ позволеніе великаго князя передалъ польскому войску въ тѣхъ самыхъ, не въ другихъ словахъ, а именно: «что великій князь только позволяетъ, но не уполномочиваетъ, а тѣмъ менѣе приказываетъ».

Замойскій увѣряетъ княгиню, что онъ не дозволитъ себѣ никакой перемѣны въ выраженіяхъ. Заботливость жены тотчасъ возбудила въ

¹⁾ Его честь не позволяетъ ему этого.

²⁾ «Его спасеніе, его безопасность требуютъ этого».

великомъ князѣ опасеніе, чтобы Замоѣскій не прибавилъ чего нибудь отъ его имени. «Je mettrai cela par écrit» ¹⁾, сказалъ онъ и началъ писать. Ихъ было трое въ тѣсной комнаткѣ. Безпрестанный разговоръ Замоѣскаго съ княгинею Ловицкою прерывалъ поминутно Константинъ Павловича. Онъ изорвалъ первыя строки, набросавшия съ трудомъ, приказалъ женѣ и Замоѣскому молчать, и написалъ на французскомъ языкѣ воззваніе къ польскому народу, въ слѣдующихъ словахъ:

— «Je permets aux troupes polonaises qui sont restées fidèles jusqu'au dernier moment auprès de moi, de rejoindre les leurs. Je me mets en marche avec les troupes impériales pour m'éloigner de la capitale, et j'espère de la loyauté polonaise qu'elles ne seront pas inquiétées dans leur mouvement pour rejoindre l'empire. Je recommande de même tous les établissements, propriétés et les individus à la protection de la nation polonaise, et les mets sous la sauve-garde de la foi la plus sacrée. Constantin. Varsovie, le 3 décembre 1830» ²⁾.

Принимая это воззваніе изъ рукъ Константина Павловича, Замоѣскій испрашивалъ, не угодно ли будетъ его высочеству дать ему, какъ адъютанту, какія либо особыя приказанія.

Великій князь простился съ нимъ слѣдующими словами:

— Je n'ai plus d'ordres à vous donner, vous avez des devoirs— adieu ³⁾.

Въ передней было множество военныхъ всякаго чина, русскихъ и польскихъ. Замоѣскій, вышедши отъ великаго князя, объявилъ польскимъ, что цесаревичъ повелѣваетъ имъ отправиться въ городъ, а русскимъ сказалъ:

— Au revoir, messieurs, peut-être sur un champ de bataille! ⁴⁾.

Но воззваніе Константина Павловича не застало уже польскихъ войскъ въ его лагерь. Они сами, безъ позволенія, соединились съ толпами народа подъ предводительствомъ Хлопицкаго и Шембека, между костеломъ св. Александра и серединою Бельведерской аллеи.

¹⁾ Я это напишу.

²⁾ Дозволяю войскамъ польскимъ, кои пребыли вѣрными до послѣдней минуты, присоединиться къ своимъ, чтобы удалиться отъ столицы, и отъ благодѣянія поляковъ я ожидаю, что они не станутъ безпокоить войскъ моихъ на маршѣ къ предѣламъ имперіи. Покровительству народа польскаго поручаю также всѣ заведенія, имущество и всѣхъ остающихся россіянъ, отдаю ихъ подъ охраненіе добросовѣстности святой.

³⁾ Я не могу давать вамъ никакихъ приказаній; вы имѣете обязанности. Прощайте.

⁴⁾ До свиданія, господа, можетъ быть, на полѣ битвы! Пер. соч.

Привѣтствіе было сердечно и трогательно. Изъ Бельведерской аллеи вся эта огромная масса потянулась чрезъ Новый-Свѣтъ на Краковское предмѣстье, откуда устремилась къ банку, раздѣляясь на двѣ большія части, потому что не могла умѣститься на однихъ и тѣхъ же улицахъ. Никакое перо не можетъ описать этой картины. Толпившіеся на улицахъ жители кричали непрерывно: «да здравствуетъ польское войско!» разрывали ряды и въ восхищеніи обнимали храбрыхъ. Женщины махали платками изъ растворенныхъ оконъ, увѣшанныхъ коврами; знамена каждаго полка украшались вѣнками изъ цвѣтовъ; военная ихъ музыка гремѣла изъ конца въ конецъ Варшавы. На всѣхъ главныхъ зданіяхъ столицы показался написанный большими буквами стихъ Мицкевича:

«Привѣтствую тебя, заря свободы! За тобою солнце спасенія» ¹⁾!

3-й день декабря 1830 г. будетъ навсегда памятенъ ²⁾. Въ этотъ день заключила Варшава отъ имени всей Польши торжественный союзъ съ возстаніемъ—клялась въ неизмѣнной вѣрности дѣлу своей независимости. Въ воздухѣ носился еще дымъ выстрѣловъ 29-го ноября 1830 г. Народъ, въ восторгѣ, въ восхищеніи, забылъ и злобу къ братьямъ, которые въ первую минуту заблужденія (?) обратили противъ него свое оружіе и месть, долго кипѣвшую въ сердцахъ. Курнатовскій и Красинскій (которые вмѣсто того, чтобы уйтъ съ цесаревичемъ, рѣшились, невѣдомо зачѣмъ, прибыть въ Варшаву), прервали на время эту восхитительную гармонію. Окруженные со всѣхъ сторонъ, стаченные съ коней среди тысячи сабель и штыковъ, на нихъ устремленныхъ, они обязаны были спасеніемъ своимъ Хлопицкому, Шембеку и торжественной клятвѣ «пролить кровь за отечество» — клятвѣ, принятой народомъ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ лицемѣріемъ они ее дали и потомъ не сдержали. Цѣлый день продолжалось это празднество, этотъ народный пиръ. Польское войско, обойдя всѣ улицы столицы, нашло, наконецъ, гостепріимство и минуту отдыха, въ которомъ такъ нуждалось. Здѣсь является великое зрѣлище, запечатлѣнное единодушіемъ народа. Городъ превратился въ обширный бивакъ; войску приносили пищу прекрасныя варшавянки, сначала такъ встревоженные, но потомъ, въ продолженіе возстанія, прославившія себя примѣрными гражданскими добродѣтелями—отвагою и самоотверженіемъ. Не было власти: но порядокъ и спокойствіе остались ненарушенными. Трудно

¹⁾ «Witaj intrzenko swobody, za tobe slonie zbawieniu!»

²⁾ По истинѣ—злосчастный день для Польши!

Перев.

найти болѣе кроткій народъ! ¹⁾ Одно слово, вымолвленное ласково, дружески, управляло толпами, удерживало даже тѣхъ, кои могли увлечься какимъ нибудь злымъ помысломъ. Вечеромъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, разложили огни на обширныхъ площадяхъ и на дворахъ всѣхъ казенныхъ зданій. Городъ представлялъ зрѣлище очаровательное. Стража безопасности, въ которой баталіонъ университетскихъ студентовъ отличался дѣятельностію, обходила ночью самыя отдаленныя улицы и даже малолюдныя предмѣстья. Паролемъ и отзывомъ этихъ рундовъ были: Польша, независимость, Костюшко, Хлопицкій и т. п.

Мохнацкій

¹⁾ Помѣщенное вслѣдъ за этимъ разсказомъ Мохнацкаго воспоминаніе генералъ-лейтенанта А. Ѳ. Липина показываетъ до какихъ звѣрскихъ сценъ убійствъ безоружныхъ русскихъ пѣшихъ и многихъ женщинъ въ Варшавѣ дошелъ этотъ яко-бы «кроткій» народъ.

Ред.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ въ 1830—1831 гг.

Записки Мохнацкаго.

VI ¹⁾.

Занятіе Модлина.—Временное правленіе. — Противуреволюціонный духъ. — Засѣданіе клуба.—Рѣчь Голоовскаго.—Актъ, установившій временное правленіе. — Стража безопасности. — Распоряженія исполнительнаго отдѣленія.—Предложеніе Шанецкаго. — Созваніе сейма. — Болѣзнь Хлопицкаго. — Диктатура. — Въ оперѣ.

Н о при всей пользѣ, какую произвело воззваніе Цесаревича, главные интересы возстанія: установленіе власти революціонной, задержаніе Константина Павловича, война, вторженіе съ войскомъ въ забранныя (?) области, были еще не рѣшены, были весьма сомнительны. Администратіонный совѣтъ посылалъ повсюду приказанія не мѣшать отступленію русскихъ, — будучи самъ при послѣднемъ издыханіи. Онъ показывалъ видъ, будто занятъ великими дѣлами, а между тѣмъ царствовало въ немъ совершенное бездѣйствіе. Городъ революціонировался часъ отъ часу болѣе; а революція не

¹⁾ См. „Русск. Ст.“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157—202; 341—362; 546—566; изд. 1890 г., т. LXV, стр. 681—711.

Помѣщая Записки Мохнацкаго на страницахъ „Русской Старины“ въ давнемъ и превосходномъ переводѣ тайнаго совѣтника С—ча, мы уже говорили, что знакомимъ съ этимъ источникомъ къ исторіи польской смуты—въ видахъ всесторонняго ея освѣщенія.—Въ повстанцѣ Мохнацкомъ читатель видитъ одного изъ враговъ Россіи, одного изъ крайнихъ вожаковъ смуты, похоронившей „конгресувку Польшу“; этотъ вожакъ въ своемъ сказаніи пытается быть безпристрастнымъ, но вовсе не достигаетъ этого безпристрастія, столь однако

мѣла еще своего правленія. Примѣръ 1794 года совѣтовалъ не тратить времени. Кому и какъ управлять возстаніемъ? этотъ важный вопросъ надлежало рѣшить прежде всего. Уже были двѣ явныя партіи—аристократія и ея противники. 1-я удерживала ходъ возстанія; другая влекла возстаніе впередъ, и хотѣла увлечь еще далѣе! Лелевель, изъ опасенія, чтобы не приписали ему участія въ тайныхъ замыслахъ и насильственныхъ порывахъ клуба, не предлагалъ, при упадкѣ администраціоннаго совѣта, ни малѣйшаго старанія обезпечить себѣ въ составлявшемся временномъ правленіи рѣшительный перевѣсъ, снисканіемъ равнаго съ другими значенія обоимъ клубистамъ, мнѣ и Брониковскому—натуральнымъ его союзникамъ. Въ этомъ отношеніи, политика Лелевеля была ошибочна и слаба: безъ такой подпоры въ правленіи, какъ могъ бы онъ успѣть въ томъ, чего требовалъ клубъ, для спасенія народнаго дѣла, и что отчасти соглашалось съ собственнымъ его убѣжденіемъ; какъ могъ бы успѣть, чтобы рѣшено было приступить къ дѣйствіямъ наступательнымъ, къ вторженію въ Литву?... Власть, утвердись на клубѣ, втянувъ, посредствомъ его, всю столицу въ свой кругъ была-бы очень сильна. Варшава, горнило возстанія, вошла-бы тотчасъ въ завѣдываніе дѣлами края, какъ въ 1794 г., хотя-бы и не въ томъ самомъ видѣ и порядкѣ. Но этихъ простыхъ понятій ничья голова не хотѣла тогда схватить. Дорогія минуты проходили безъ пользы. Любецкій, въ этомъ бездѣйствіи, находилъ и время и способы къ новымъ уловкамъ. Онъ твердо стоялъ въ томъ мнѣніи, что не должно разрывать союза съ Россією, а только въ границахъ конгресснаго царства, подъ вліяніемъ событій выторговать у русскаго правительства нѣкоторыя конституціонныя улучшенія. Подобно Любецкому, мыслили и другіе. Клубъ явно возставалъ противъ этого. Клубъ могъ довести дѣло до совершеннаго

необходимаго для историка; впрочемъ, какъ мы уже и говорили („Русская Старина“ 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 681), ваяболѣ важныя ошибки Мохнацкаго исправлены въ примѣчаніяхъ покойнаго переводчика его Записокъ, тайнаго совѣтника С—ча, другія-же и вообще общій тонъ разсказа Мохнацкаго совершенно ослабляются для читателя „Русской Старины“, если онъ вспомнитъ обширную, въ высокой степени замѣчательную, переписку императора Николая Павловича съ гр. Дибичемъ, а также интересныя разсказы о тѣхъ же событіяхъ 1830—1831 гг. Дениса Давыдова, П. А. и К. П. Колзакowychъ, Александр. Павл. Петрова, Андрея Ник. Липшова и другихъ русскихъ людей,—разсказы, разновременно помѣщенные въ нашемъ же изданіи „Русская Старина“. Мы не замедлимъ также напечатать имѣющіяся у насъ записки о томъ же времени генерала-отъ-инфантеріи А. Одинова.

Ред.

разрыва, итакъ—надлежало уничтожить клубъ. Это было рѣшено—рѣшено единомысленно. Составили актъ, устанавлиющій временное правленіе. Назначили членами: князя Чарторьскаго, графа Паца, сенаторовъ каштеляновъ: Кохановскаго, Леона, Дембовскаго и по слову Владислава Островскаго и Лелевеля,—а обоимъ клубистамъ, допущеннымъ въ администраціонный совѣтъ, предложили только присутствовать въ новомъ правленіи, съ голосомъ совѣщательнымъ. Хотѣли единодушно отдѣлаться отъ нихъ всѣми способами, à tout prix.

Но открытію новаго правленія помѣшало по-утру вступленіе войска, а вечеромъ неприбытіе членовъ администраціоннаго совѣта для подписанія акта, которымъ устанавливалось временное правленіе; ибо назначенные въ это правленіе не имѣли довольно отваги установить его сами собою. Имъ хотѣлось непременно быть произведеніемъ администраціоннаго совѣта, — т. е. съ соизволенія русскаго правительства управлять возстаніемъ противъ Россіи. Лелевель, впадая изъ одной ошибки въ другую, изъ одного обмана въ другой, смудрилъ тогда свою извѣстную фразу: „пускай Николай Павловичъ—конституціонный царь Польши—воюетъ съ Николаемъ Павловичемъ, царемъ самодержавнымъ всея Россіи!“ И это всѣмъ чрезвычайно понравилось!... Не случилось, на бѣду, предсѣдательствовавшего въ совѣтѣ, графа Соболевскаго, для подписанія акта. Отложили до слѣдующаго дня.

Засѣданіе въ правленіи мое и Брониковскаго, непріятное для предсѣдателя клуба, еще менѣе могло нравиться тѣмъ, которые и на самаго Лелевеля, при всемъ уваженіи, какимъ онъ пользовался, посматривали искоса. Путь, которымъ пошелъ клубъ, былъ опасенъ: онъ открывалъ то же поприще и другимъ заговорщикамъ. Боялись больше всего, чтобы зачинщики возстанія не пріобрѣли въ немъ большаго значенія. Чтобы ихъ устранить, надобно было ихъ обезславить. Въ этой цѣли, умышленно, систематически, распространяли страхъ, на счетъ терроризма, грабежей, на счетъ общественной революціи (*revolution sociale*), о которой клубу и во снѣ не грезилось. Лица высшаго класса, опутанныя теоріями Любецкаго, хотѣли невозможнаго—хотѣли Польши, установленной дипломатическимъ протоколомъ. Но быстрый ходъ событій увлекалъ ихъ за собою. Не предвидя способа воздержать его, они предприняли управлять имъ, но управлять по своему минутному взгляду на отечественное дѣло. Они поляки, и поляки вовсе не худые, но проявили въ себѣ увѣренность, что только то, чего имъ хочется, хорошо и полезно для отечества, а все прочее—безумство. На 1-й разъ (а они люди момента) не хотѣлось имъ ничего, кромѣ конституціоннаго царства,

съ управленіемъ больше независимымъ, чѣмъ прежде, больше отдѣльнымъ отъ Россіи: ничего другаго не обнимали ихъ головы. Для себя лично они желали только: рѣшительнаго въ томъ управленіи участія. Ихъ честолюбіе ограничивалось 8-ю воеводствами: дальше они его не простирали. Но между тѣмъ, съ другой стороны, дѣло отчизны, общій духъ народа, мнѣніе войска, свойство послѣдовавшихъ событій, стремились къ чему-то иному. Итакъ, ни въ характерѣ, ни въ образѣ мыслей, ни въ политическомъ образованіи, ни въ интересахъ людей, бравшихся управлять челномъ революціоннымъ, не было качествъ, потребныхъ для завѣдыванія дѣломъ народа. Вліяніе ихъ въ Царствѣ было велико (не такъ однакожъ велико, какъ они воображали), оно имѣло свой вѣсъ; — но ихъ идеи, но сближеніе ихъ съ видами революціи развивались очень медленно. Обыкновенный умъ еще не то, что разумъ высокій, который объемлетъ вещи быстро и широко. Много было у нихъ ума, много знанія, свѣта, много хорошихъ качествъ, хорошихъ для края намѣреній, но мало понятій обширныхъ. Россія не уважала польской аристократіи—ставила ее ни во что. Паны польскіе не могли благопріятствовать Россіи: ошибался кто подозрѣвалъ ихъ въ этомъ. Остановить революцію старались вначалѣ только потому, что „не знали, чего хочетъ революція“, — когда-же революція сказала ясно, чего хочетъ и что мыслить,—стали спрашивать: „да кто они такіе, эти революціонисты?“

Люди сего рода, рассуждалъ я, не направятъ дѣла на прямой путь. Одни его начали, другіе берутся вести его далѣе!... Я предвидѣлъ въ этомъ нашъ неминуемый упадокъ; ибо революція, только революція спасти можетъ. Въ простотѣ души моей я рассуждалъ тогда, что у насъ никто не захочетъ и не сѣмѣетъ обольстить умы—подготовить народъ, чтобы дѣйствовалъ противъ собственной пользы. Но кто-жъ не ошибался, особенно при вступленіи на политическое поприще? Безошибочность толпы есть также одна мечта: толпу можно увлечь столь-же легко, если еще не легче, какъ обмануть одного человѣка... Видя ясно, какой оборотъ берутъ дѣла съ упраздненіемъ административнаго совѣта, читая на кислыхъ, недовольныхъ лицахъ, что подъ названіемъ временнаго правленія замышляютъ новыя проволочки, новыя затѣи, или только легкое измѣненіе прежняго порядка, — замѣчая, что совсѣмъ не имѣютъ въ виду тѣхъ основныхъ, государственныхъ (!!) мѣръ, какія предложены клубомъ, я рѣшился пойти опять на засѣданіе клуба, принести народу еще сильнѣйшую на все это жалобу и попытаться нельзя-ли вывести правленіе прямо изъ клуба, а точнѣе сказать,

изъ заговора, имѣвшаго еще оружіе въ рукахъ. Я сдѣлалъ шагъ слишкомъ скорый, слишкомъ опрометчивый, и онъ сильно повредилъ и мнѣ, и клубу, и даже общему дѣлу.

Администраціонный совѣтъ былъ уничтоженъ. Предстояло теперь: ограничить, а если-бы удалось, то и совсѣмъ устранить вліяніе людей, поддерживавшихъ совѣтъ своимъ кредитомъ. Съ этою мыслию пошелъ я въ клубъ. Но я слишкомъ считалъ на вліяніе, которое въ клубѣ удалось мнѣ приобрести безъ особенныхъ стараній—почти случайно; я слишкомъ считалъ на твердость въ предпріятіи, на логическую основательность шаткой, легковѣрной толпы, которая стояла плотно и дружно, пока цесаревичъ стоялъ за заставою, но рассыпалась въ мигъ, какъ скоро минула первая опасность. Нашъ клубъ не былъ систематически устроенъ. Всякій, кто хотѣлъ, записывался въ члены клуба; войти въ него и выйти не воспрещалось никому. На это именно и ударилъ Любецкій. Всякое учрежденіе можно испортить; всего легче—посредствомъ его самого. Въ духъ сего правила подослано было, въ тотъ вечеръ, на засѣданіе клуба, множество лицъ, чтобы, во имя любви къ отечеству, противиться дальнѣйшимъ мѣрамъ къ спасенію отечества. Засѣданіе было чрезвычайно многочисленно; всѣ, по прежнему, были вооружены. Чиновники Любецкаго, которые тароватаго министра финансовъ любили больше, чѣмъ Польшу Сигизмундовъ,—его пріятеля, его домочадцы, его всегдашніе гости, а съ ними кузены большихъ пановъ, которые всѣ дерзкую революцію ненавидѣли еще больше, чѣмъ чуждую власть,—университетскіе студенты (сердца добраго, но ума, благодаря Шинявскому, довольно темнаго), одуренные профессоромъ Ширмою, который изъ личнаго ко мнѣ негодованія ¹⁾, возмущалъ ихъ головы, выставляя послѣдствія домашней распри, который приказывалъ имъ вѣровать въ Любецкаго и Хлопицкаго какъ въ евангеліе, — за ними причетъ лавочниковъ и обывателей Оомы Лубѣнскаго,—далѣе множество агентовъ тайной полиціи, еще неизобличенныхъ, дрожавшихъ за свою жизнь и въ клубѣ висѣли для себя предчувствовавшихъ, — наконецъ, адъютанты, вся штабная знать и члены какой-то конгрегаціи, основанной маркизомъ Александромъ Веліопольскимъ для противодѣйствія клубу: все это, словно по данному знаку, дало другъ другу руку и собралось разомъ въ редутиныхъ залахъ. Революціонистовъ, радикалистовъ,

¹⁾ Причиною негодованія была колкая критика, не помню, на какое-то сочиненіе г. Лаха-Ширмы,—до революціи напечатанная, которой авторомъ онъ почиталъ меня.

Прим. авт.

заговорщиковъ было числомъ гораздо меньше. Не проникая этой внезапно послѣдовавшей перемѣны, я началъ говорить съ тою же смѣлостію, съ тою-жъ откровенностію, какъ говорилъ на первомъ засѣданіи.

— „Приношу вамъ, господа, прискорбное извѣстіе. Требованія ваши остались безуспѣшны. Хотя и упраздненъ администраціонный совѣтъ, но безъ его дозволенія не хочетъ, назначенное вмѣсто него, временное правленіе приступить къ открытію своихъ засѣданій, не смѣетъ даже признать себя установленнымъ, и, по мнѣнію моему, не будетъ лучше совѣта. Проходитъ драгоцѣнное время, со вредомъ для края. Цесаревичъ идетъ свободно въ забранныя губерніи. Люди съ именами историческими воспрепятствуютъ (?) ему отступленіе. Люди, извѣстные либерализмомъ, вошли въ явный союзъ съ врагами отечества. Перестанемъ вѣрить именамъ историческимъ!... Не вѣрьте никакой знаменитости, никакимъ заслугамъ. Генераль Хлопицкій не исполняетъ своего долга“... тутъ начали перебивать меня—начали шумѣть. Въ порывѣ, котораго я не могъ удержать, который не далъ мнѣ распознать состава собранія, вскричалъ я неосторожно: „Господа! Хлопицкій измѣняетъ революціи! Я пришелъ объявить вамъ, что я выхожу изъ правленія, которое ставитъ народъ на край пропасти. Довершимъ начатое нами, пойдемъ опять, пойдемъ всѣ вмѣстѣ, съ оружіемъ въ рукѣ, и установимъ правленіе революціонное!“ Лишь только я кончилъ, возстали вмгъ громкіе крики однихъ—противъ меня, другихъ—въ мою защиту; эта ужасная тревога сопровождалась свистомъ, топаньемъ и стукомъ оружія. Грозили мнѣ смертію со всѣхъ сторонъ: „погибнешъ, погибнешъ—долгой со стола!“

Среди этого шума началъ говорить статсъ-референдарій Альбертъ Гржимало, утверждая, что отступленіе великаго князя съ войскомъ принесетъ Польшѣ большую пользу, что распространитъ либеральныя идеи (?) въ коренныхъ русскихъ областяхъ, что и тамъ сыщется намъ много партизановъ. Я поссорился съ Гржималою. За нимъ выступилъ Войцехъ Воловскій, ловкій адвокатъ: „Единодушіе“, вскричалъ онъ, „согласіе, довѣріе да будетъ, господа, нашимъ девизомъ! Несогласіемъ, недоувѣріемъ мы погубимъ себя!... И кому-жъ совѣтуютъ намъ не довѣрять?... Какіе люди, вопрошаю я, взяли бразды правленія? Довольно назвать ихъ: воевода князь Адамъ Чарторыскій, полякъ прямой, добродѣтельный, Нѣмцевичъ, достигшій глубокой старости, безъ всякаго упрека, Хлопицкій, великій воинъ Наполеона!... А въ измѣнѣ кто обвиняетъ ихъ?... Человѣкъ неизвѣстный, молодой, опрометчивый, честолюбивый, побуж-

даемый только желаніемъ возвысить себя ¹⁾! Я противнаго ему мнѣнія! Его заносчивость вредитъ больше всего нашему дѣлу! Надобно дѣйствовать, но дѣйствовать обдуманно. Надо дать время людямъ, объявшимъ кормило правленія. Впрочемъ, находится другой здѣсь членъ правленія, Ксаверій Брониковскій. Пускай онъ скажетъ: дѣйствуетъ-ли правленіе, дѣйствуютъ-ли названныя мною лица революціонно или нѣтъ? Пускай скажетъ по совѣсти—подъ честнымъ словомъ! "... Рѣчь Воловскаго прервали рукоплесканія, столь же шумныя, какъ ропотъ, заставившій меня молчать. Глаза всѣхъ устремились на предсѣдательствующаго Ксаверія Брониковскаго. Наступила глубокая тишина. Брониковскій всталъ на столъ и сказалъ: „какъ свидѣтель теперешнихъ дѣйствій правленія, объявляю подъ честнымъ словомъ, что правленіе дѣйствуетъ революціонно“. По сихъ словахъ онъ замолчалъ. Это былъ смертный приговоръ для клуба. Какъ на полѣ колосья, такъ волны умовъ уступаютъ вѣтру. Тутъ возстали уже на меня съ грозными криками, и даже съ грозными жестами обступили кругомъ. Я хотѣлъ подкрѣпить мое мнѣніе, объяснить слово—измѣна, но общее негодованіе не дозволило мнѣ начать рѣчи. Не смотря на это сопротивленіе, я вскочилъ на столъ съ ружьемъ въ рукѣ. Меня стащили со стола и приставили штыки къ груди. Ярость дошла до того, что самымъ спасеніемъ моей жизни я обязанъ только друзьямъ, которые окружили меня въ ту минуту и вывели изъ залы на дворъ. „Клеветникъ!... Террористъ!... Польскій Робеспьеръ!“ Одни эти отголоски доходили до меня, когда я пустился бѣжать. Изъ чего же Брониковскій, съ которымъ я издавна былъ въ тѣсной дружбѣ, съ которымъ вмѣстѣ сидѣлъ предъ революціей въ Кармелитской тюрьмѣ, изъ чего обвинилъ онъ меня публично въ клеветѣ? Этого я и теперь еще не могу хорошо понять. Не ужъ-ли онъ не постигалъ, что революціонными дѣйствіями направляли люди, позволявшіе (!) русскимъ отступить. Можетъ быть, пошелъ онъ противъ меня, только уступая тогдашнему составу клуба; можетъ быть онъ былъ и убѣжденъ въ томъ, что говорилъ; можетъ

¹⁾ Последній упрекъ былъ несправедливъ. Если бы я думалъ о возвышеніи себя, то не было мѣста, котораго не далъ бы мнѣ Любецкій, лишь бы я вошелъ въ его систему. Я могъ оставаться въ правленіи, могъ быть министромъ, могъ быть чѣмънибудь, какъ многіе другіе. Но я предпочелъ добиваться установленія чистой (!?) революціонной власти. Впрочемъ, я той вѣры, что нѣтъ никакого грѣха искать во время революціи большаго участія во власти для того, чтобы дать ходъ нашему мнѣнію, коль скоро мы убѣждены, что мнѣніе наше полезно (!?) общественному дѣлу. Грѣшно скорѣе не имѣть никакого мнѣнія и браться за власть безъ мысли, только для карьеры.

быть не хотѣлъ такъ низко возстать противъ людей, которыхъ (будучи гораздо осмотрительнѣе меня) не надѣялся одолѣть: но какъ-бы то ни было, этотъ поступокъ съ его стороны былъ весьма не политическій, ибо вслѣдъ затѣмъ начали кричать: „Прочь съ клубистами! Не нужно клуба! Да здравствуетъ князь Чарторыйскій, да здравствуетъ Хлопицкій!“... Академики погасили свѣчи и догаравшія лампы. Адъютанты, обнаживъ сабли, кричали: „смерть неспокойнымъ, бѣшеннымъ!“... Хотѣвшихъ продолжать засѣданіе разогнали штыками.

На другой день явилась новая газета, подъ названіемъ: „Совѣстный Полякъ“, изъ банковской типографіи, состоявшей подъ начальствомъ министра финансовъ. Партія Любецкаго оказала мнѣ ту честь, что первыя страницы своего официальнаго журнала посвятила нападкамъ на меня, не весьма однако-жъ совѣстнымъ. Сверхъ того, распустили множество другихъ пасквилей по Варшавѣ и по воеводствамъ. Не теряя нисколько духа ни отъ вчерашней сцены въ клубѣ, ни отъ газетной статьи, и видя, что клубъ, потрясенный въ основаніи, отчасти силою, отчасти коварствомъ, не можетъ далѣе служить орудіемъ революціи, я вознамѣрился прибѣгнуть къ послѣднему средству — рѣшился попробовать, не удастся-ли сокрушить всѣ преграды однимъ ударомъ, сильнѣйшимъ, чѣмъ всѣ прежніе. Въ этой цѣли, доставъ себѣ верховую лошадь, я развѣзжалъ на другой день цѣлое утро по улицамъ Варшавы, и толковалъ офицерамъ и солдатамъ, какъ дурно идутъ дѣла. Представленіе мое: „что должно догнать русскую гвардію, а выпустившихъ (!) ее выгнать изъ правленія“ было многими одобрено. Начальники малыхъ отрядовъ недоброжелательствовали Любецкому, а отчасти и самому Хлопицкому. Я намекалъ, гдѣ только было можно, чтобы взяли въ главнокомандующіе Шембека, какъ храбраго воина и отличнаго поляка. Мнѣ обѣщали помощь въ случаѣ нужды. Я занесся слѣшкомъ далеко, чтобы можно было отретироваться. Въ моихъ замыслахъ было почти столько же внутренняго убѣжденія, что дѣло будетъ спасено совершеніемъ того, чего я хотѣлъ, сколько горячки, а отчасти и желанія отвратить личную опасность. Я отправился потомъ, не теряя ни минуты, къ школѣ подпрапорщиковъ, которая стояла на улицѣ Орля, подъ открытымъ небомъ. Здѣсь царствовало величайшее негодованіе противъ хода, какой взяла революція. Школа подпрапорщиковъ была тогда всемогуща. Имѣя въ ней голосъ посредствомъ брата и многихъ друзей, я объявилъ напрямикъ этой дѣльной (!?) молодежи: „что Хлопицкій обманываетъ народъ, что Любецкій, употребляя во зло довѣріе къ нему князя Чарторы-

скаго, Нѣмцевича и прочихъ патріотовъ, дѣйствуетъ противъ возстанія; что если школа, начавшая революцію, не спасетъ ее тотчасъ насильнымъ напоромъ то возвратится все прежнее положеніе"; подпрапорщики послушались меня и стали заряжать ружья. Я хотѣлъ идти съ ними тотчасъ въ банкъ,—зачѣмъ?—Отвѣчаю на это чистосердечно, какъ было у меня тогда на умѣ: затѣмъ, чтобы приснулъ одинъ финансовый мозгъ (кн. Любецкаго), если не подъ самыя звѣзды—по выраженію Гейне—то, по крайней мѣрѣ, подъ банковый сводъ, и образумилъ этимъ прочіе мозги, еще не такъ затвердѣлые; мертвые же не только не говорятъ, но имѣютъ еще и то хорошее качество, что не ошибаются и ошибками своими не увлекаютъ отечества въ пропасть. Этотъ послѣдній доводъ могъ доказать краснорѣчивѣе клуба—„чего революція хочетъ“. Но Петръ Высоцкій (тогдашній предводитель школы), встрѣтивъ ее и меня на улицѣ Лѣшно, началъ колебаться, когда мы ему объявили, куда и зачѣмъ идемъ: „кого-жъ намъ уважать“—сказалъ онъ—„если не тѣхъ, которые теперь дѣйствуютъ за одно съ Любецкимъ? Знаю, что дѣла идутъ худо, но безъ большаго пролитія крови мы не одолѣемъ встрѣчаемыхъ нами препятствій“. Не смотря на безпредѣльное довѣріе школы къ благородному характеру Высоцкаго, слова его не вдругъ на нее подѣйствовали. Я просилъ Высоцкаго взять надъ ними начальство и вести насъ въ банкъ; старался внушить ему, что именно онъ, какъ виновникъ революціи, долженъ учредить новое правленіе въ ея духѣ. Нѣкоторые изъ подпрапорщиковъ, понимавшіе ближе общее дѣло, представляли ему, что обойдется и безъ пролитія крови; я шепнулъ ему на ухо, „что надобно пожертвовать одною только головою, которая управляетъ контръ-революціею“. Тогда Высоцкій, ставъ среди улицы на колѣни передъ школою, вскричалъ подпрапорщикамъ: „не иначе, какъ по моему трупу вы пойдете въ банкъ!“ Школа воротилась тотчасъ на свое мѣсто. Предпріятіе кончилось ничѣмъ, но меня подвергло оно величайшей опасности.

Борьба мнѣній въ разныхъ пунктахъ столицы, публичныя засѣданія клуба, сближеніе солдата съ народомъ, часть отъ часу большее, ослабленіе военной дисциплины, естественное того сближенія слѣдствіе, — все это приводило генерала Хлопицкаго въ такую ярость, что въ послѣдніе два дня онъ нѣсколько разъ хотѣлъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго. Онъ былъ въ безпрерывномъ, раздраженіи въ постоянной горячкѣ. Великому князю гарантированъ былъ свободный выходъ изъ Царства, а между тѣмъ отрядъ гвардейскихъ конныхъ егерей, подъ командою капитана

Скаролинскаго, напалъ на арьергардъ Константина Павловича. Хлопицкій узнаеть о выходѣ ихъ изъ Варшавы, и въ самыхъ горькихъ выраженіяхъ вопіеть на ослушаніе¹⁾. Разказы и, вѣроятно, преувеличенные, о толкахъ противъ него въ клубѣ, о послѣднемъ порывѣ школы подпрапорщиковъ, расшевелили въ немъ желчь. Въ Варшавѣ назначено было собраться только 2-мъ полкамъ Шембека и Скримнецакаго (1-му егерскому и 8-му пѣхотному), прочимъ дано было повелѣніе оставаться въ воеводствахъ, на своихъ мѣстахъ: но Круковецкій (начальникъ 2-й пѣхотной дивизіи) какъ на зло является въ Варшаву. Хлопицкій видитъ его, ругаетъ послѣдними словами, слышитъ отъ него наоборотъ такіе-же ругательства, приходитъ въ страшное бѣшенство, получаетъ родъ апоплексическаго удара и ложится въ постель. Виною этой болѣзни выставили меня. Партія Любецкаго велѣла тотчасъ разгласить „будто-бы я пришелъ къ генералу Хлопицкому и назвалъ его измѣнникомъ, отъ чего онъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что опасно занемогъ и чуть было не умеръ“. Эта вѣсть разнеслась съ быстротою молніи и вмгъ собралось множество народа и войска на Банковой площади и на дворѣ дома Замоискихъ, гдѣ Хлопицкій, какъ говорили, догораетъ. Ожесточеніе было велико; черныя и зеленыя шторы, опущенныя въ знакъ траура на окнахъ комнатъ больнаго генерала, свидѣтельствовали объ опасности. Тотчасъ въ разныхъ мѣ-

¹⁾ Канитанъ Скаролинскій не самовольно и не для преслѣдованія великаго кляла вышелъ изъ Варшавы съ отрядомъ гвардейскаго конно-егерскаго полка. Самъ Хлопицкій послалъ его, какъ надежнѣйшаго изъ офицеровъ того полка, для побужденія мѣстныхъ властей къ оказанію войскамъ цесаревича, на пути къ границѣ имперіи, всѣхъ возможныхъ пособій, для воздержанія польскихъ военныхъ отрядовъ, которые могли-бы встрѣтиться на томъ пути, отъ всякаго непріятельскаго дѣйствія, а въ особенности для обузданія и отраженія мятежническихъ шаекъ, которыя начинали составляться въ Варшавѣ въ той цѣли, чтобы пуститься вслѣдъ за цесаревичемъ, чтобы вездѣ возбуждать народъ къ возстанію, безпикнуть войско сего высочества, истреблять приготовленные ему припасы и схватить гдѣ-нибудь самого цесаревича. Куда и съ какою именно цѣлію посланъ былъ канитанъ Скаролинскій съ отрядомъ конныхъ егерей, Хлопицкій не могъ огласить при тогданнемъ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ: онъ принужденъ былъ даже распустилъ слухъ, будто-бы Скаролинскій самовольно ушелъ изъ Варшавы съ конными егерями. Если-бы автору не было это извѣстно въ самое время выступленія Скаролинскаго, то не могъ онъ не свѣдѣть позже изъ объясненій Скаролинскаго, что онъ былъ отправленъ Хлопицкимъ. О сей экспедиціи упомянулъ авторъ, конечно, для того только, чтобы ослабить свою вину, показавъ больше поводовъ къ гнѣву и негодованію на Хлопицкаго.

стахъ города принялась чернь ставить для меня висѣлицы, военные хотѣли изрубить меня, а профессоръ Ляхо-Ширма, начальникъ академиковъ—разстрѣлять. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, составилъ на меня военный судъ, окружилъ карауломъ домъ, въ которомъ я жилъ, велѣлъ забрать мои бумаги и отъ имени академической гвардіи писалъ пламенные желанія князю Чарторыскому, къ Хлопицкому, къ Любецкому, къ Нѣмцевичу, ругаясь, что академія утопить свой винажалъ въ груди бѣшеннаго буяна, дерзнувшаго оскорбить сихъ знаменитыхъ мужей. Я не могъ нигдѣ укрыться въ Варшавѣ. Преслѣдуемый повсюду, я былъ внезапно окруженъ у банка чернью и солдатами, и въ этомъ положеніи принужденъ былъ принять убѣжище, предложенное мнѣ въ правленіи,—въ покоехъ того самаго министра, который поднялъ противъ меня всю столицу ¹⁾. Контръ-революція вышла побѣдителемъ изъ борьбы съ клубомъ, который, надѣлавъ много страху, изнемогъ и разсыпался, какъ всякое нестройное сборище: его кончина была похожа на кончину осы, которая тотчасъ по укушеніи теряетъ жало и умираетъ. Система Любецкаго взяла перевѣсъ, принявъ только другой видъ. Временное правленіе Царства Польскаго (а слова „Царства Польскаго“, какъ знаменовавшія, что дѣло идетъ только о восьми воеводствахъ, прибавлены не безъ основанія). Временное правленіе, говорю я, составившееся изъ исполнительнаго отдѣленія админи-

¹⁾ Съ этого только времени, т. е. по истощеніи всѣхъ способовъ къ дѣйствію, я началъ считать себя совершенно побѣжденнымъ. Оставленный друзьями преданный въ клубъ Брониковскимъ, въ правленіи—Лелевелемъ, я палъ подъ бременемъ общаго негодованія, и чуть было не сгорѣлъ въ томъ огнѣ, который развести было предметомъ моихъ усилій. Какъ пѣвникъ революціи, дѣйствовавшей противъ собственной своей пользы, я имѣлъ случай узнать короче князя Любецкаго, въ квартирѣ котораго я скрывался. Онъ обходился со мною весьма благосклонно, и разговаривалъ по нѣскольку часовъ. Я удостовѣрился, что въ цѣлой Польшѣ не было человека ловчее его, но виѣстѣ и упрямѣе въ своей системѣ, состоявшей въ томъ, чтобы благосостояніе всего нашего края основывать на самомъ тѣсномъ союзѣ съ Россією. Я старался увѣрить его, что мы возстали въ самое время безсилія (!?) Россіи; онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Я говорилъ ему, что однимъ нашимъ могуществомъ—если бы виѣстѣ съ нами возстали и избранныя области—мы успѣли-бы вытѣснить Россію (!!) изъ Европы; выставляя ему въ особенности какую роль играетъ раздѣлъ Польши въ политической системѣ Россійскаго государства. На это онъ молчалъ. Когда-же я сказалъ, что намъ должно было задержать Константина Павловича, провозгласить его въ Варшавѣ королемъ, и съ его прокламаціями двинуться въ Литву,—то онъ почитался отъ меня на нѣсколько шаговъ. Онъ былъ всегда министр—и только министр... человекъ не изъ обыкновенныхъ, но не полякъ.

страціоннаго совѣта, не успѣвъ вывести происхожденія своего изъ совѣта родословнаго за скрѣпою Соболевскаго, которой тщетно и отъ него и отъ Любецкаго домогались, принуждено было наконецъ, (4-го декабря), установиться само собою. Оно предположило себѣ за правило: во 1-хъ, приобрѣтать довѣріе народа, а во 2-хъ, не падать къ укрощенію всякаго движенія снизу, которое могло-бы увлечь правленіе далѣе той цѣли, которую оно себѣ предназначило. Языкъ новой власти въ ея публичныхъ актахъ, столько-же осторожный, столько же двусмысленный, какъ и языкъ администраціоннаго совѣта, имѣлъ въ виду больше Петербургъ, нежели Варшаву. Любопытны побужденія, которыми временное правленіе прикрывало взятіе государственнаго дѣла въ свое завѣдываніе—любопытно видѣть какъ изъяснялись князь Чарторыскій, Нѣмцевичъ, Пацъ, Кохановскій, Дембовскій, Островскій и Лелевель въ актѣ, которымъ установлено ими временное правленіе. Вотъ точныя ихъ слова:

„Администраціонный совѣтъ, въ увеличенномъ вслѣдствіе постановленія, отъ 30 ноябля, составѣ, усматривая изъ единогласныхъ со всѣхъ сторонъ донесеній, что не пользуется онъ довѣріемъ народа, и убѣждаясь часъ отъ часу болѣе, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, онъ не въ состояніи управлять Царствомъ, призналъ дѣломъ, для блага общаго необходимымъ, объявить рѣшительно, что онъ не можетъ вѣдать далѣе управленіемъ Царства. А какъ независимо отъ разныхъ самавожнѣйшихъ побужденій и польза народа, и польза царя, не могущаго, по отдалѣнію мѣста своей резиденціи, принять мѣръ, соотвѣтственныхъ нуждамъ края, требуютъ безотлагательнаго установленія правительства для завѣдыванія высшею властію, то симъ уваженіемъ, члены, призванные администраціоннымъ совѣтомъ, для засѣданія въ немъ, побуждаясь крайнею потребностію народа и для предупрежденія бѣдственныхъ послѣдствій безначалія, постановляютъ слѣдующее: Ст. 1-я. Учреждается временное правленіе“ и т. д.

Администраціонный совѣтъ не отпѣлъ самъ своей отходной, не упразднилъ самъ себя; онъ призналъ за лучшее предоставить другимъ донести, вмѣсто его, Польшѣ и царю, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ не имѣлъ силы потребной для удержанія порядка. Итакъ, тѣ самые, коимъ возстаніе открыло путь въ администраціонный совѣтъ, не имѣли духа, даже отдѣлясь отъ совѣта, стать твердою ногою на новомъ революціонномъ грунтѣ,—и всѣ входили въ политику, которыхъ характеръ посредническій я объяснилъ выше.

Вопреки неоднократнымъ, самымъ сильнымъ, самымъ выразительнымъ изъясненіямъ духа народа и войска, все одна и та же мысль брала перевѣсъ—мысль сохранить Россіи конгресный край, снискать конституціонныя улучшенія для Царства. Администраціонный совѣтъ, эта власть эластическая, расширяясь и сжимаясь, вбирая въ себя новыя элементы, все разнаго калибра, то изъ сената, то изъ посольской палаты, то, наконецъ, изъ клуба, ни на минуту среди сихъ политическихъ напряженій не выпускала изъ вида единственной своей цѣли — снисканія улучшеній, скажу больше онъ началъ вооружать Царство, чтобы оказаніемъ готовности къ защитѣ придать вѣса тому, что для Польши надвислянской постановилъ выторговать въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Посредничество Любецкаго между 29-мъ ноябремъ и царемъ предполагали, въ случаѣ нужды, подкрѣпить (!) оборонительнымъ оружіемъ! — Изъ сихъ-то замысловъ проистекли распоряженія администраціоннаго совѣта на счетъ устройства стражи безопасности во всемъ Царствѣ — распоряженія превосходныя, изданныя еще 2-го декабря, исполненныя чрезвычайно быстро, живописующія всю изворотливость министра финансовъ, даже смѣлость, съ какою свой колебавшійся кредитъ онъ предпринималъ спасти у петербургскаго двора. Онъ призывалъ къ оружію во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ 3-хъ дневный срокъ, всѣхъ мужчинъ отъ 18 до 45 лѣтъ, за исключеніемъ духовенства и чиновниковъ, состоящихъ въ государственной службѣ. Президентамъ городовъ и бургомистрамъ мѣстечекъ дана была особая инструкція на счетъ формированія этой стражи. Ее составляли: 1) владѣльцы недвижимой собственности, 2) купцы, 3) начальники фабрикъ, рукоеслъ и мастерскихъ, 4) подмастерья и работники; первые обязаны были избрать промежду себя сотниковъ, а вмѣстѣ съ начальниками фабрикъ и рукоеслъ десятниковъ. Устроенные такимъ образомъ сотни и десятки стражи безопасности, снабженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, косами и пиками, имѣли повелѣніе собираться два раза въ недѣлю, а кромѣ того всякій день, поочередно, для содержанія ночныхъ патрулей, карауловъ на заставахъ и т. п. Хотя въ самомъ началѣ министръ финансовъ и предсѣдательствовавшій въ администраціонномъ совѣтѣ графъ Соболевскій удостовѣряли въ газетахъ официально, что стража безопасности учреждается только „для обезпеченія общественнаго спокойствія и для сохраненія собственности и личной безопасности, при имѣющей послѣдовать перемѣнѣ квартиръ войска“; хотя впоследствии администраціонный совѣтъ, сходя со сцены, и изъяслялъ „чувствительную бла-

годарность войску, стражѣ безопасности и академической молодежи за преодоленіе ими всѣхъ трудностей, когда они обременены были восстановленіемъ ослабѣвшаго порядка“, но не менѣе того самое образованіе стражи было сильною со стороны Любецкаго мѣрою, которой цѣль состояла въ томъ, чтобы дать почувствовать, что изъ учрежденной стражи безопасности могутъ возникнуть добрыя линейныя полки, и что поэтому, на самый худой конецъ, должно непременно сдѣлать что-нибудь для конгрессной Польши, для любимаго министра, а отчасти и для забранныхъ областей, которыми этотъ министръ, какъ я уже сказалъ, имѣлъ въ виду прибрать въ свое финансовое управленіе, безъ малѣйшаго нарушенія границъ Имперіи и Царства. Воеводскія коммиссіи разослали распоряженія совѣта съ эстафетами къ ободовымъ комиссарамъ, а ободовые комиссары передали ихъ въ 40 часовъ бургомистрамъ самыхъ отдаленныхъ мѣстечекъ. Сверхъ того, исполнительное отдѣленіе совѣта предписало ободовымъ комиссарамъ, чтобы они, безъ малѣйшаго отлагательства, приказали всѣмъ оставленнымъ нижнимъ чинамъ польскаго войска собраться въ мѣстахъ, гдѣ находились тогда цейхгаузы и полковые штабы. Сіе послѣднее распоряженіе не было опубликовано исполнительнымъ отдѣленіемъ, но вышло наружу изъ мазовецкой воеводской коммиссіи, которой предсѣдатель Рембелинскій, опытный и дѣятельный формировщикъ, припомнивъ себѣ времена варшавскаго герцогства, оказывалъ сначала необыкновенную энергію, вѣроятно, въ надеждѣ великаго и знаменитаго поприща въ возстаніи. Наконецъ, администраціонный совѣтъ пригласилъ обывательскіе совѣты всѣхъ воеводствъ собраться къ 15-му декабря „для подерѣвленія мѣстныхъ начальствъ своимъ содѣйствіемъ“.

Такимъ образомъ все Царство двинуто было въ мгновеніе ока. Временное правленіе вошло въ духъ этихъ учреждений и сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ: оно подвинуло вооруженіе изъ городовъ въ селенія, и поручило генералу Хлопицкому начальство не только надъ регулярнымъ войскомъ, но и надъ всѣми военными силами, надъ стражею безопасности и надъ возстаніями (слово, въ первый разъ вымолвленное правительствомъ). „Поляки! говорило временное правленіе,—пришло счастливое время, когда всѣ силы народа должны развиться со всею энергіею и стать въ защиту народныхъ вольностей“. Только въ защиту народныхъ вольностей, замѣтимъ это хорошо, а не въ защиту давнихъ границъ!.. Домогаться уступокъ и ручательства въ ихъ ненарушимости, не переступая границы Царства

Отломокъ сейма, собравшійся (какъ сказано выше) 1-го декабря (19-го ноября) въ Варшавѣ и посылавшій отъ себя депутатію въ администраціонный совѣтъ, тогда-же, по предположенію одного изъ наличныхъ пословъ, Ольриха Шанецкаго, коснулся было идеи послать адресъ къ императору: что мы желаемъ твердаго союза съ Россією, лишь-бы допущены были въ конституціи тѣ измѣненія, какія постановить сеймъ средствами-же къ предохраненію могли-бы служить: непремѣнное каждые два года собраніе сейма, выборъ маршала самою палатою посольскою и предоставленіе обѣимъ палатамъ равнаго съ королемъ права предлагать проекты законовъ ¹⁾. Въ этихъ словахъ заключается все: и исторія потери двухъ мѣсяцевъ, и весь ходъ несчастій нашихъ отъ вещи понятной народу, — отъ Польши къ пустой теоріи, къ непонятной метафизикѣ монархическо-представительной. Помянутое предложеніе посла Шанецкаго, само по себѣ малозначущее, имъ однимъ случайно учиненное, не знаю даже подкрѣпленное-ли кѣмъ-либо другимъ, быть можетъ, и забвенію тогда-же преданное, доказывало, однакожъ, выразительно, позволяло, по крайней мѣрѣ, предусматривать какія понятія могли имѣть сеймовыя палаты о свойствѣ, нуждахъ и ходѣ нашего дѣла. Временное правленіе, состоявшее изъ членовъ сената и посольской палаты и, слѣдовательно, бывшее частію сейма, помышляло, какъ мы уже видѣли, только о конституціи. Только о конституціи и помышлялъ и отломокъ сейма (мною предъ снмъ упомянутый), не совѣщавшійся новсе съ правленіемъ. Итакъ, чего-жъ инаго, чего особаго захочетъ и цѣлый сеймъ, вершины котораго поддерживаютъ Любецкаго въ Варшавѣ? Отсюда родилась, должна была естественно родиться мысль: „созвать сеймъ, потому что не можетъ и не будетъ (желать) сеймъ ничего инаго, какъ только конституція“. Предстояло въ отношеніи къ этому одно затрудненіе: кто созоветъ сеймъ? Любеккій не хотѣлъ участвовать въ созваніи, ибо, по конституціи, только монарху принадлежало право созывать сеймъ. Созваніе безъ воли царя было актомъ мятежнымъ, а Любеккій только усиливался наклонять революцію къ своимъ видамъ, отъ участія-же въ дѣлахъ, несогласныхъ съ именемъ царскимъ, постоянно отговаривался. Съ 1822 г. происходили выборы на сеймъ подъ вліяніемъ правительства, каждый

¹⁾ Все это заимствовано изъ статьи г. Ольриха Шанецкаго, напечатанной въ газетѣ „Dziennik Powszechny“ („Всеобщія Вѣдомости“), подъ заглавіемъ: „Дѣйствія посольской палаты“.

Прим. соч.

разъ сильнѣйшимъ ¹⁾. Любецкій былъ увѣренъ, да и не могъ имѣть иной мысли, что когда соберется сеймъ, то или онъ или другіе успѣютъ настроить его такъ, что какое-бы ни было вліяніе революціоннаго мнѣнія на засѣданія сейма, не выйдутъ дѣла изъ границъ конгресснаго statu-quo. Но при всемъ этомъ онъ не хотѣлъ сзывать сейма, потому что созваніе его безъ воли царя считалъ актомъ мятежнымъ.

Исторія, при недостаткѣ доказательствъ матеріальныхъ, имѣетъ свой приблизительный расчетъ, и нерѣдко должна только на немъ основываться. Находясь въ такомъ положеніи, безъ доказательствъ матеріальныхъ, я могу, однакожъ, сказать почти навѣрное, что сеймъ не для объявленія трона свободнымъ былъ созванъ. Къ такому заключенію ведутъ всѣ факты, всѣ характеры, ведутъ положеніе, званіе и политика людей, дѣйствовавшихъ на этой сценѣ. Что произошли послѣдствія совершенно противныя тѣмъ, какія были въ виду—ихъ-ли было это виною?..

Чего не хотѣлъ сдѣлать Любецкій, то могло сдѣлать временное правленіе, которое хотя уже не отъ имени, но, по собственнымъ словамъ, еще „на пользу царя“ (w interesie króla) дѣйствовало. Такъ и случилось: временное правленіе, сославшись на нѣкоторыя статьи конституціонной хартіи и устава о народномъ представительствѣ, пригласило членовъ обѣихъ палатъ собраться въ Варшавѣ 18-го (6-го) декабря. Въ универсалѣ (засылной грамотѣ) оно отдало на волю сенаторовъ и пословъ назначить, по прибытіи своемъ въ Варшаву, день открытія сейма ²⁾, а особою статьею предо-

¹⁾ Авторъ весьма ошибается. Правительство не имѣло ни малѣйшаго вліянія на выборы пословъ и депутатовъ, даже вовсе не занималось выборами,—и въ этомъ была великая со стороны его ошибка.

Прим. переводчика.

²⁾ Оказывается изъ актовъ администраціоннаго совѣта, что еще имъ, и именно исполнительнымъ его отдѣленіемъ, предположено было созвать сеймъ на 18 (6) декабря 1830 г. Проектъ постановленія о созваніи составленъ былъ въ поманутомъ отдѣленіи 2 декабря (20 ноября), когда еще цесаревичъ Константинъ Павловичъ находился у Варшавы съ русскими полками и съ тѣми отрядами польскаго войска, которые оставались вѣрными, ибо только 3 декабря (21 ноября) пополудни отпустилъ его высочество польскіе отряды и отправился съ русскими полками къ предѣламъ имперіи. Но изготовленный 2 декабря проектъ постановленія не былъ въ тотъ день утвержденъ. Не видно изъ актовъ совѣта, почему онъ не былъ тогда же принятъ: видно изъ оныхъ только то, что универсалъ, конемъ созванъ сеймъ, изданъ и разосланъ 3 декабря (21 ноября) бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Мостовскимъ, „вслѣдствіе постановленія“—какъ сказано въ универсалѣ „Временнаго Правленія“. Но здѣсь представляется вопросъ (котораго также

ставило рѣшенію сейма: дальнѣйшее свое существованіе яко власти и условія сего существованія. Что-жъ могло быть условіемъ существованія временнаго правленія? Не что иное, какъ возстаніе, какъ происшествія 29-го ноября, изъ которыхъ это правленіе возникло. Итакъ, своею особою статьею, если вникнуть глубже въ смыслъ ея замысловатыхъ, извилистыхъ выраженій, правленіе объявляло Царству какъ нельзя внятнѣе: „все, что произошло до сихъ поръ, есть, въ нашемъ мнѣніи, неправильно, незаконно, а потому приостанавливаемъ инсurreкцію до открытія сейма; онъ рѣшитъ, была-ли ночь 29 ноября чѣмъ-нибудь выше простаго, площаднаго смятенія, была-ли происшествіемъ прискорбнымъ?“ Но умы были еще такъ неопытны въ дѣлахъ государственныхъ, такъ заняты событіями, одно за другимъ слѣдовавшими, что это сомнѣніе на счетъ существованія инсurreкціи, что этотъ розыскъ о ней, о правдѣ, что эта, такъ сказать, аппеляція противъ акта силы (мятежа) въ судъ самый несвойственный—въ судъ представителей части Польши, избранныхъ подъ вліяніемъ (временнаго правительства).

не объясняютъ акты совѣта (какимъ образомъ постановленіе временнаго правленія о созваніи сейма могло послѣдовать 3-го декабря (21-го ноября), когда то постановленіе, коимъ временное правленіе учреждено, само состоялось только 4-го декабря (22-го ноября)? Учиненные на сей счетъ верховнымъ уголовнымъ судомъ разысканія обнаружили, что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: проектъ постановленія о созваніи сейма, приготовленный 2-го декабря въ исполнительномъ отдѣленіи, не былъ въ тотъ день принятъ администраціоннымъ совѣтомъ, потому что предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ графъ Валентинъ Соболевскій, отказался подписать оный, напомнивъ представлявшимъ его къ утвержденію, что на основаніи конституціонной хартіи не можетъ быть сейма безъ воли монарха. По отбытіи графа Соболевскаго изъ засѣданія совѣта, члены, настаивавшіе на созваніи сейма, положили: преобразовать администраціонный совѣтъ во временное Царства Польскаго правленіе, составить въ семъ правленіи актъ о созваніи сейма и, на основаніи этого акта, издать универсалъ, сзывающій сеймъ. Трактацію по обоимъ предметамъ отложили до слѣдующаго дня, а между тѣмъ, какъ заключать должно, велѣли печатать универсалъ, предполагая, что будетъ принятъ на засѣданіи слѣдующаго дня. Когда-же и 3-го декабря (21-го ноября) графъ Валентинъ Соболевскій не только остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, но и отказался отъ званія предсѣдателя и отъ присутствованія во временномъ правленіи, то, по долгимъ преніямъ, окончилось засѣданіе 3-го декабря безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидали, и не прежде, какъ 4-го (22-го) состоялся постановленія и объ учрежденіи временнаго правленія и о созваніи сейма.

При временномъ правленіи остались министрами изъ прежнихъ Мошковскій и кн. Любецкій, но безъ засѣданія во временномъ правленіи.

Примѣч. переводчика.

Временное правленіе отперло костелы, открыло училища. Клубъ, понимавшій возстаніе, постигшій его въ видѣ потока, никогда не стоящаго на мѣстѣ, былъ обращенъ въ ничто. У всѣхъ на умѣ былъ только сеймъ. Онъ и прежде, какъ мы видѣли, занималъ самыхъ заговорщиковъ, потомъ занялъ столицу и, наконецъ, всю конгрессную Польшу.

Революція остановилась; временное правленіе сказала ей: „ты не пойдешь дальше, пока не соберутся послы и сенаторы“. Но потрясенная событіями 29-го ноября, ободренная клубомъ и отсутствіемъ цесаревича, не могла-ли столица пойти между тѣмъ далѣе, нежели указывало правленіе, далѣе, нежели требовала политика министра финансовъ? Кому-жъ удастся не допустить до этого, кто до назначеннаго правленіемъ срока успѣетъ воздержатъ вырвавшихся

а паче всего клубы демагогическіе, которые могли вновь возникнуть, кто успѣетъ воздержатъ польское войско разнузданное и головы распаленныя?... Въ этихъ мысляхъ обратились глаза правителей, глаза всѣхъ боязливыхъ на Хлопицкаго: онъ одинъ могъ отвратить справедливый страхъ, овладѣвшій контръ-революціею, онъ одинъ могъ, до собранія сейма, до 18-го декабря, удержатъ вещи въ томъ порядкѣ, какой уладила заключенная съ цесаревичемъ конвенція, какой устроила потомъ временное правленіе.

Отъ ссоры съ Круковецкимъ и отъ многихъ другихъ причинъ, мною выше объясненныхъ, Хлопицкій, человѣкъ вспыльчивый, характера чрезвычайно задорнаго, занемогши сильно, велѣлъ пустить себѣ кровь, и цѣлый день 4-го декабря прохворалъ. Онъ сложилъ званіе главнокомандующаго и увѣрялъ торжественно, что не приметъ его уже на себя. Просьбы, моленія были бесполезны. Въ войскѣ господствовала та мысль, что никто кромѣ Хлопицкаго не можетъ повести его на поле славы (!!). Весь народъ раздѣлялъ это предубѣжденіе. Чѣмъ ярче сіяла въ постели слава героя, тѣмъ сильнѣе возставало все на клубистовъ, какъ на виновниковъ его болѣзни. Всякая популярная знаменитость, когда грозитъ ей опасность, пріобрѣтаетъ, какъ извѣстно, еще болѣе могущества. Такимъ образомъ клубъ, въ этомъ несчастномъ происшествіи, игралъ роль адской машины, которая, выстрѣломъ своимъ, не только не взорвала власти на воздухъ, но еще сильнѣе укрѣпила ее въ общемъ мнѣніи.

Отъ опасности до поклоненія переходъ не далекъ. Хлопицкій сдѣлался колоссомъ. 5-го декабря, по утру, временное правленіе, имѣвшее нужду въ военной подпорѣ, отправляетъ къ нему послами, послѣ многихъ предварительныхъ стараній, князя Чарторьскаго и

Нѣмцевича. Они оба, вмѣстѣ съ графомъ Владиславомъ Замойскимъ, входятъ къ великому страдальцу революціи, и заклиняютъ его именемъ отечества не оставлять народнаго дѣла. Но Хлопицкій не вдругъ открылъ имъ свою мысль. Онъ упорно отказывался отъ пріятія начальства надъ войскомъ даже съ неограниченною властію, которую предлагали ему оба члена правленія. Долго продолжались уговариванія, увѣренія, что все будетъ ему послушно. Нѣмцевичъ, когда просьбы его остались безуспѣшны, заплакалъ. Тутъ Хлопицкій подымается вдругъ съ постели и говоритъ: „такъ вы этого непременно хотите? Хорошо! Я возьму власть въ руки, но власть неограниченную, диктаторскую—другой я не хочу. Мнѣ нужна диктатура для удержанія порядка“. Князю Чарторыскому и Нѣмцевичу понравилась эта мысль, которую однакожь они не совсѣмъ поняли. Владиславъ Замойскій обнималъ колѣна Хлопицкаго, благодаря его, отъ имени отечества, за открытіе намъ столь спасительнаго средства. „Я возьму диктатуру, пока соберется сеймъ“, продолжалъ Хлопицкій—„но, Господа! намѣреніе мое должно быть въ величайшей тайнѣ. Васъ, г. Нѣмцевичъ, прошу написать мнѣ тотчасъ прокламацію къ войску!“—Всѣ трое ушли съ большою въ сердцѣ отрадою.

Мысль диктатуры, конечно, не въ то время родилась въ головѣ Хлопицкаго, когда посольство къ нему явилось. Еще наканунѣ была о ней рѣчь, на вечерѣ у г-жи Вонсовичевой. Въ Римѣ, какъ гласятъ самыя лѣтописи, имѣли женщины большое вліяніе на важнѣйшія перемѣны не только въ правленіи, но и въ общественномъ составѣ республики. Наши польки, столько-же дѣятельныя, столько-же изворотливыя, какъ и древнія римлянки, всегда питали въ себѣ духъ политическій: ихъ страсть—заправлять дѣлами. Говорили на вечерѣ у г-жи Вонсовичевой, что временное правленіе намѣрено дать Хлопицкому неограниченную власть. Вонсовичева, какъ утверждаютъ отвѣчала на то, что „диктатура принадлежитъ къ числу вещей, которыя берутся, а не даются“. Сіе остроумное замѣчаніе, быть можетъ, навело Хлопицкаго на мысль. Да и въ самомъ дѣлѣ: кто могъ власть неограниченную, право жизни и смерти, предоставить человѣку, который былъ могущественнѣе всѣхъ—любимцу народа? Человѣку, который былъ уже *de facto* диктаторомъ? Откуда бы, впрочемъ, ни возникла мысль диктатуры, а достовѣрно то, что Хлопицкій, до прибытія еще князя Чарторыскаго и Нѣмцевича, велѣлъ Круковецкому, Шембеку и Скримнецкому быть у него въ 11 часовъ утра. Онъ позвалъ ихъ въ свою комнату тотчасъ по выходѣ посольства отъ правленія, и взявъ съ нихъ честное слово, что все

будеть ему послушно, приказаль имъ собрать находившіяся въ Варшавѣ войска на Марсово поле, къ 2-мъ часамъ пополудни.

Между тѣмъ, произошло странное недоразумѣніе. Показалось Чарторьскому и Нѣмцевичу, что подъ словомъ диктатура разумѣть Хлопицкій неограниченную власть только надъ войскомъ, для скорѣйшаго возстановленія въ немъ порядка, потрясеннаго въ послѣдніе дни. Въ такомъ понятіи объясняли они, возвратясь въ правленіе, желаніе Хлопицкаго, и вмѣстѣ съ прочими членами изложили постановленіе, которымъ давали ему самую обширную власть, какая быть можетъ, но только надъ войскомъ. Подписавъ это постановленіе, они послали его въ домъ Замоискихъ, гдѣ жилъ Хлопицкій. Не пришло на умъ ни одному изъ членовъ правленія, что диктаторская власть должна была простираться и на дѣла гражданскія, правительственныя ¹⁾).

Хлопицкій получаетъ то постановленіе и снова приходитъ въ ужасный гнѣвъ: поступокъ Чарторьскаго, написаніе постановленія, называетъ измѣною. Онъ просилъ о тайнѣ, а Чарторьскій и Нѣмцевичъ объявили эту государственную тайну цѣлому правленію! Придумалъ, сверхъ того, Хлопицкій, что это была хитрость со стороны Чарторьскаго, что мысль Чарторьскаго была та, чтобы, предложивъ ему, Хлопицкому, неограниченную власть, оторвать часть сей власти, чтобы именно управленіе краемъ оставить за собою, а его сдѣлать просто начальникомъ военныхъ силъ. Онъ хотѣлъ себя симъ провозгласить диктаторомъ, а его назначили! И такъ были люди выше его. Отсюда главная причина его ярости чрезвычайной, неизъяснимой. Онъ надѣваетъ тотчасъ генеральскій мундиръ, ругаетъ все правленіе по солдатски, прицѣпляетъ всѣ свои ордена, французскіе, польскіе и русскіе, бѣжитъ въ правленіе, кидаетъ съ презрѣніемъ присланное ему постановленіе, и, ударивъ кулакомъ по столу, объявляетъ: „что не нужно ему ничего постановленія; что онъ самъ беретъ неограниченную власть, что останется она въ его рукахъ нѣсколько дней, пока соберется сеймъ“ ²⁾).

¹⁾ Но кому-жъ такъ казалось, тотъ весьма ошибался. Всякій главнокомандующій—а Хлопицкій былъ главнокомандующимъ съ 30 ноября—имѣетъ полную, неограниченную власть надъ войскомъ, и не нужно ему никакой другой для удержанія порядка. Диктатура надъ войскомъ есть выраженіе, не имѣющее никакого смысла: диктатура, какъ власть, объемлетъ все, иначе она не была-бы диктатурою. Прим. авт.

²⁾ Съ этого времени наступила нѣкоторая холодность между Чарторьскимъ и Хлопицкимъ, хотя и прежде не было между ними большой дружбы. Пока неограниченная власть оставалась въ рукахъ Хлопицкаго, титуловалъ его Чарторьскій въ разговорѣ съ нимъ: „панъ диктаторъ“,—а Хлопиц-

Высказавъ это остро, подтвердивъ членамъ временнаго правленія быть ему послушными, вышелъ онъ изъ присутствія, сѣлъ на коня, и со всѣмъ штабомъ своимъ отправился на Марсово поле, гдѣ ожидало его войско.

Онъ прибылъ туда часу въ четвертомъ пополудни, окруженный многочисленною свитою. Осанка величавая, выраженіе лица мужественное, взоръ быстрый, голосъ громкій—все знаменовало богатыря, хватающаго желѣзною рукою бразды правленія, для пораженія враговъ. За нимъ высыпала толпою вся Варшава. Его встрѣчали радостные клики народа и войска, при звукахъ полковыхъ музыкъ, игравшихъ народныя пѣсни. Варшавская стража или, какъ называли ее уже тогда, народная гвардія, имѣла также свою музыку. Обѣхавъ ряды, Хлопицкій обратился сперва къ школѣ подпрапорщиковъ .

Благодарилъ народъ и войско за мужество ихъ, за любовь къ вольностямъ, объяснилъ потомъ сколь нужно правленіе сильное, и, провозгласивъ себя диктаторомъ, спрашивалъ находившихся вокругъ него: согласны-ли на это народъ и войско? Дружные крики: „да здравствуетъ диктаторъ!“ раздались на обширной площади; послѣ сего Хлопицкій, давъ слово, что не употребить во зло своей власти и отдастъ ее сейму, снялъ шляпу и съ чувствомъ воскликнулъ: „да здравствуетъ отечество!“ Музыка снова повсюду загремѣла, все войско проходило церемоніальнымъ маршемъ передъ диктаторомъ и частями исчезало съ площади. Послѣ сего торжественнаго акта, Хлопицкій обѣхалъ всю почти столицу, какъ бы для оглашенія диктатуры, подтвержденной народомъ и войскомъ, и вовсе не думалъ, какъ писали послѣ, возвращаться съ Марсова поля боковыми улицами, боявшись будто послѣдствій похищенія власти. Вечеромъ вышла прокламація, обѣщавшая диктатуру всей Польшѣ, въ слѣдующихъ словахъ: „Принимая во вниманіе, что настоящее критическое положеніе наше требуетъ величайшей во всемъ энергіи и поспѣшности и что малѣйшая остановка въ дѣйствіяхъ можетъ быть пагубною для общаго дѣла, я не изъ тщеславія и не изъ властолюбія, кои мнѣ чужды, но единственно по уваженію обстоятельствъ, слѣдуя примѣру римлянъ, которые, въ опасную минуту отечества, диктатору одному вѣрили верховную власть, объявляю вамъ, поляки, вамъ, храбрые польскіе рыцари, что

кій, въ минуты гнѣва, называлъ князя „Wasan“ (сокращенное Вацъ-панъ—Вы, сударь). Хлопицкій принялъ близко къ сердцу обиду, которую приписывалъ Чарторыскому, и тотчасъ выѣхалъ изъ дома Замоискихъ, родственниковъ князя Чарторыскаго.

Прим. авт.

только на нѣсколько дней, т. е. до собранія сеймовыхъ палатъ, принимаю на себя званіе диктатора, съ открытіемъ же сейма сложу предъ нимъ сіе званіе. Вѣрьте, соотчичи, что власть диктаторскую я употреблю единственно для блага вашего“.

Принятіе Хлопицкимъ званія диктатора обрадовало, осчастливило Варшаву. Единство власти, война съ Россією наипорнѣйшая, Польша цѣлая по самый Днѣпръ, — занимали попеременно воображеніе инсургентовъ, уже весьма высоко настроенное. Диктатура соотвѣтствовала всеобщему желанію: она была издавна въ мысли народа. Въ ней видѣли оружіе наступательное, а не узду. Пятый день декабря, — день такъ важный въ исторіи нашего возстанія, общавшій намъ близкую будущность, полную геройской славы, — принесшій полную бѣдствій и обманутыхъ надеждъ, — кончился общимъ восторгомъ, какъ-бы торжественнымъ празднествомъ Польши, какъ-бы свадебнымъ ея пиромъ. Съ наступленіемъ вечера продолжался тотъ-же энтузіазмъ въ публичныхъ зрѣлищахъ, открытыхъ въ первый разъ послѣ 29-го ноября 1830 г. Въ народномъ театрѣ, многочисленная публика не могла удержать своего воинственного восторга, когда явились на сценѣ знамена съ изображеніемъ гербовъ Польши, Литвы и Руси (!). Эту мысль обратили тотчасъ къ диктатурѣ, какъ предвѣстницѣ соединенія разорванныхъ земель. Актеры и актрисы окружили знамена и запѣли величественные геройскіе гимны. Вся публика однимъ огромнымъ хоромъ соединяетъ съ ними свой голосъ, и вмѣстѣ съ ними повторяетъ припѣвы: „къ оружію“! — По окончаніи оперы, „Краковяки и гурале“ (Krokowiacy и Gorale), оркестръ заигралъ танецъ Костюшки, потомъ унылый и важный танецъ Домбровскаго, наконецъ мазурку италіанскихъ легіоновъ. Подняли вдругъ занавѣсъ, и на сценѣ начали танцовать актеры и актрисы. Ихъ пляски приводятъ въ искушеніе партеръ: онъ соединяется со сценою, и цѣлый теартъ превращается въ одинъ кругъ танцующихъ. Изъ залы вынесли скамьи и кресла. Подпрапорщики, солдаты, офицеры, женщины, академики, національные гвардіанты, — все это смѣшалось въ одну массу и продолжало танцы до того, что устали, наконецъ, пальцы у музыкантовъ, и воинственный, веселый народъ долженъ былъ то припѣвать, то подыгрывать самъ себѣ. Такимъ вечеромъ привѣтствовала Варшава диктатуру! Этотъ восторгъ, эти пляски, эта радость, эти громкіе клики въ честь Хлопицкаго, „въ честь храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ были, конечно, побужденіемъ къ войнѣ, а не къ договорамъ, воззваніемъ къ стремленію далѣе, а не къ бездѣйствію.

Мохнацкій.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ въ 1830—1831 гг.

Записки Мохнацкаго.

VII ¹⁾.

Причины, погубившія дѣло востанія.—Уловки Любецкаго.—Александръ I.—Стремленіе обратить Польшу въ губернію Россіи.—Дѣйствія правленія.—Клубъ.—Рѣчь Любецкаго.—Лелевель.—Хлопицкій.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Въ тотъ же вечеръ кончилась великая недѣля поляковъ ²⁾. Бросимъ теперь взглядъ на сіи первые семь дней народнаго востанія; весь дальнѣйшій ходъ дѣла до самаго упадка его будетъ только развитіемъ ихъ. Загадка была самая простая: воспользоваться первымъ порывомъ, чтобы вмѣстѣ съ Царствомъ поднять и отторгнутыя земли (!!). Кто-жъ совратилъ дѣло съ того пути?..... борьба между поднявшими оружіе и тѣми, кои не осмѣлились пристать тотчасъ къ востанію,—между стремившимися развитъ начатое дѣло и тѣми, кои, для достиженія опредѣленной мѣстной цѣли, ста-

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157—202; 341—362; 546—566; изд. 1890 г., т. LXV, стр. 681—711; изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 281—302

²⁾ Въ Парижѣ, послѣ июльскихъ происшествій, издано было описаніе ихъ, подъ названіемъ: „La grande semaine des français“. И въ Варшавѣ первымъ семи днямъ сумасброднаго востанія не преминули дать названіе „Великой недѣли поляковъ“. Обезьянами всего французскаго издана была тотчасъ и брошюра подъ названіемъ: „Wielki Tydzien Polakow, czyli opis pamietnych wypadkow w Warszawie od dnia 29 Listopada do 5 Grudnia 1830 gosi. (Великая недѣля поляковъ, или описаніе достопамятныхъ происшествій въ Варшавѣ съ 29 ноября по 5 декабря 1830 года). Въ ней столько лжи и самохвальства, сколько и страха. См. также примѣчаніе далѣе (стр. 546).

Прим. перев.

рались удержатъ его въ извѣстныхъ предѣлахъ: вотъ два первые раздѣла, два первые оттѣнка мнѣнія,—и двѣ первыя партіи. Вотъ начало всѣмъ дальнѣйшимъ домашнимъ раздорамъ. Но первоначальныя ошибки возстанія, какъ ни важны они были, нисколько не оправдываютъ стороны противной. Въ общественной жизни, въ политикѣ есть только одна прямая дорога: всѣ прочія, и вправо и влево, только сбивчивые объѣзды... Тѣ поляки, которые въ ночь 29-го поспѣшили въ администраціонный совѣтъ, подали собою дурной примѣръ. Имъ предстояли, если хотѣлось имъ поступить въ этомъ дѣлѣ хорошо и честно, два инныя средства: или безъ всякаго размышленія, тотчасъ по взломаніи арсенала, присоединиться къ возстанію (мятежу) или же не выходить изъ дому и ожидать конца, если для блага отечества, которое они считали въ опасности, не хотѣлось имъ брать на себя отвѣтственности, происходящей изъ положенія ихъ въ обществѣ, изъ вѣса въ народѣ. Послѣдній путь указывали имъ въ особенности прошедшая ихъ жизнь, ихъ патріотизмъ, снискавшій имъ всеобщее справедливое уваженіе. Но они ни къ инсургентамъ не пристали, ни нейтральными не остались: предпочли тотчасъ отправится въ непріятельскій лагерь,—и сдѣлали контръ-революцію. Первая депутація администраціоннаго совѣта, отправленная въ ночь 29-го ноября къ цесаревичу, весьма замѣчательна. Любецкій, въ присутствіи князя Чарторьскаго, вызываетъ Константина Павловича въ бой съ инсurreкціею, стоявшею уже тогда въ оборонительномъ положеніи, у арсенала. Онъ просто требуетъ атаки на инсургентовъ. Константинъ Павловичъ не раздѣлялъ энергіи министра финансовъ. Чего не удалось 29-го смять силою, то на другой день словами, столь-же безуспѣшно, старались сокрушить. Первая прокламація администраціоннаго совѣта, составленная въ квартирѣ графа Соболевскаго, въ домѣ Браницкихъ, подъ защитою гвардейскихъ конныхъ егерей, была вторымъ, не менѣ явнымъ актомъ контръ-революціи. Владиславъ Замоискій, племянникъ князя Чарторьскаго, голова молодая, сильная, къ дѣлу государственному натурою созданная, предвидя, что волненіе возьметъ верхъ, и желая, чтобы среди сего волненія удержался администраціонный совѣтъ, который поставитъ на ноги онъ первый помогъ,—Замоискій подаетъ совѣту дѣльную мысль, какъ устоять противъ происшествій, ежеминутно возрастающихъ — подаетъ мысль поставить новый администраціонный совѣтъ на пунктѣ, соотвѣтствующемъ репутаціи и значенію новыхъ его членовъ. Любецкій отвергаетъ ту мысль, вводитъ свою—вводитъ въ тогдашнемъ увеличенномъ составѣ совѣта мысль посредничества между

Россіей и возстаніемъ, начинаетъ даже вооружать въ этой цѣли все Царство (прокламація 2-го декабря) и даетъ контръ-революціи иной видъ. Не могу довольно высказать, сколь важно вникнуть въ систему и положеніе сего министра. Любецкій, этотъ солдатъ Суворова, Любецкій, которому Екатерина еще въ его молодости дала медаль за Пражскую рѣзню, не видя возможности остановить революцію, постановилъ дать ей цѣль конституціонную. Пошедши по его слѣдамъ, князь Чарторыскій, Пацъ, Нѣмцевичъ, князь Михайло Радзивилъ, Кохановскій, всѣ люди извѣстѣйшіе въ краѣ, вмѣсто того, чтобы хотѣть большей силы на сѣверѣ, вмѣсто того, чтобы хотѣть земли, т. е. хотѣть возможнаго(!?), — захотѣли только добиться больше конституціонныхъ вольностей для надвислянскіи части Польши, для правительства сего края, для себя, т. е. захотѣли невозможнаго.

Послѣдніе годы царствованія Александра и первые царствованія Николая Павловича представляютъ вѣрные доводы, что Россія начала, наконецъ, открывать глаза. Видно было часъ отъ часу яснѣе, что политика русская, политика сходная съ видами Петра и Екатерины, обратилась къ тому, чтобы приставную конституціонную часть, ненужную, обратить въ губернію, въ округленіе имперіи. Итакъ, коль скоро основныя, вѣчныя начала петербургскаго кабинета настоятельно требовали, чтобы польское конституціонное царство лишилось даже и тѣхъ вольностей, какія ему дали, — коль скоро петербургскимъ кабинетомъ замѣчена уже была необходимость, чтобы кусокъ земли, покаместъ полуотдѣльный въ отношеніи правительственномъ, превращался исподволь въ неразрывную часть огромной Россіи и потонулъ въ ней, какъ въ океанѣ, коль скоро постановлено было принять такое направленіе за правило государственное, то спрашиваю и на судъ каждаго публициста отдаю — на какомъ основаніи, но какой государственной логикѣ можно было допустить хоть на минуту, что „были способы, что представляла политика какіе-либо извороты, посредствомъ которыхъ, подъ вліяніемъ происшествій 29-го ноября, можно-бы было подвинуть русское правительство къ усиленію конституціонныхъ вольностей конгрессной Польши, къ освобожденію ея даже въ правительственномъ отношеніи изъ - подъ власти Петербурга? Допустить возможность такихъ уступокъ, надѣяться успѣха, было не что иное, какъ мечта. Основаться на мечтѣ въ дѣлѣ государственномъ, основаться на ней, обратить мечту въ систему правительственной власти — возстанія, было контръ-революціею — было, слѣдовательно, громадною ошибкою,

ибо столь великія, огромныя государственныя ошибки были всегда и вездѣ преступленіями противъ государства.... Администраціонный совѣтъ, не постигая сего и основываясь только на своей—надеждѣ на уступки, постановилъ способствовать отступленію цесаревича съ войскомъ, чтобы имѣть въ немъ посредника въ Петербургѣ для испрошенія всеобщей амнистіи....

Артиллерія изъ Гурь и изъ Скерневицъ прибыла въ лагерь цесаревича; Герштенцвейгъ хотѣлъ атаковать Варшаву; силы инсургентовъ уменьшились; городъ заперся отъ нихъ, отказывалъ солдатамъ въ пищѣ; дѣйствія правленія носили на себѣ печать злоумышленія; Любецкіе, запутанные въ банковыя операціи, интриговали; городскія власти, частію новыя, частію воскресшія въ минуты замѣшательства, говорили языкомъ двусмысленнымъ, брали подъ свою опеку частную собственность, внушали этимъ самымъ отвращеніе къ возстанію, приписывали ему виды грабежа.... Контр-революція плыла на распущенныхъ парусахъ; опасность доходила до высочайшей степени. Въ такомъ положеніи дѣлъ выходитъ на сцену клубъ, объявляетъ положительно чего хочетъ революція, выводитъ умы изъ неизвѣстности, одобряетъ и просвѣщаетъ (!) жителей, возбуждаетъ сильное волненіе въ массѣ народа, ведетъ его сперва въ правленіе, потомъ за заставу, въ лагерь цесаревича и уничтожаетъ администраціонный совѣтъ. Но какъ клубъ былъ только несвязное, нестройное собраніе, какъ Лелевель, нѣ руки котораго отдавали огромную силу клуба, не умѣлъ схватить ея, и, подобно другимъ, далъ провести себя Любецкому, какъ Лелевель, говорю я, будучи отъ природы только профессоромъ и антикваріемъ, а не государственнымъ человѣкомъ, не умѣлъ вдругъ проникнуть связи, какая въ этомъ дѣлѣ существовала и какая впослѣдствіи должна была возникнуть между частію возстанія муниципальнаго и военнаго, между Старымъ Мясомъ и вооруженною силою ¹⁾, то клубъ, достигнувъ только части своихъ намѣреній, поднявъ большую тревогу въ партіи Любецкаго и въ лагерь цесаревича, разсѣялся, коль скоро минула первая опасность, и утратилъ силу еще прежде, нежели контр-революція, такимъ явленіемъ пораженная, *de facto* разогнала ее штыками, обороняя самое себя. Съ этой поры было очевидно, что начавшіе возстаніе, не будутъ имѣть никакого участія въ управленіи имъ. Все дѣло

¹⁾ Подъ Старымъ Мясомъ сочинитель разумѣтъ (какъ и выше) простой народъ, населяющій въ особенности сію часть города, — разумѣтъ неистовства, совершенныя народомъ во время возмущенія, бывшаго въ Варшавѣ въ 1794 г.

Прим. переводчика.

взяло иной ходъ. Съ той минуты, идея клуба, — идея въ первоначальныхъ начертаніяхъ своихъ вовсе не якобинская, больше инсurreкціонная, чѣмъ общественная и только къ тому стремившаяся, чтобы столицѣ, какъ колыбели, горнилу инсurreкціи, дать рѣшительное и дѣятельное участіе въ управленіи возстаніемъ (какъ было въ 1794 г.),—эта идея часъ отъ часу ослабѣваетъ, малѣетъ, кончается, такъ что послѣ, въ продолженіе войны, люди, дѣйствовавшіе въ ночь 29-го ноября, должны были (признать) не разъ, что они идею клуба, импровизированную ими среди важныхъ обстоятельствъ, идею, изъ которой впослѣдствіи проистекло столько смѣшнаго, вздорнаго и гнуснаго, огласили своею и усиливались дать ей ходъ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, почти все, что совершается, совершается, повидимому, безъ плана. Но въ томъ, что уже совершилось, можно почти всегда подмѣтити общій планъ, систему, связь. Есть въ первыхъ дняхъ возстанія какая-то система, которая все влечетъ за собою.

Бросимъ взглядъ на тѣ дни.

Изъ неудачъ инсurreкціи 29 ноября, изъ безуспѣшнаго нападенія на Бельведеръ, возникаетъ тотчасъ контръ-революція. Изъ дѣйствій контръ-революціи возникаетъ клубъ. Изъ дѣйствій клуба, или изъ страха, наведеннаго имъ на контръ-революцію, возникаетъ диктатура,—послѣдній резервъ Любецкаго. Временное правленіе, по отступленіи великаго князя изъ-подъ Варшавы, присвоило себѣ политику низверженнаго администраціоннаго совѣта: оно вводитъ все въ посредническій духъ министра финансовъ. Хотя онъ и не былъ членомъ временнаго правленія, но вліяніе его осталось то же: оно, если это возможно, становилось еще сильнѣе. Превозносили всѣ, какъ прежде предъ революціей, его польскій духъ, его несравненную голову. На счетъ перваго я всегда сомнѣвался; послѣдней отдаю полную справедливость. Что можетъ быть замысловатѣе тѣхъ умствованій, которыми онъ увлекалъ головы? „Война съ Россією, — говорилъ онъ въ банкѣ, окруженный толпою любопытныхъ, — война съ Россією вовсе не нужна. Зачѣмъ добиваться оружіемъ того, что отдаютъ, добровольно, для собственной даже пользы? Императоръ Александръ помышлялъ искренне о соединеніи всѣхъ частей Польши. Эта мысль великая (?), для самой Россіи (!) полезная, не чужда (!) и императору Николаю Павловичу (!). Развѣ отъ этого уменьшатся ея силы, развѣ умалится Россія, когда императоръ провозгласитъ себя королемъ цѣлой Польши, — понимаете меня, цѣлой Польши? Расположенія Австріи сомнительны. Но Пруссія не откажется принять вознагражденіе на западѣ. Могущественная Польша

и Россія подъ скипетромъ Николая Павловича будутъ импонируютъ цѣлой вселенной“¹⁾. Когда же спрашивали его: „гдѣ порука, что такъ, а не иначе поступитъ императоръ Николай Павловичъ съ Польшею, получивъ извѣстіе о нападеніи на Бельведеръ?“, то онъ отвѣчалъ: „порукою въ томъ здравая (!?) политика, ясное понятіе собственной пользы. Не совѣтую однакожъ тратить попустому время—надобно ополчаться и надобно какъ можно скорѣе. Есть у насъ деньги и оружіе, есть войско, трактовать о мирѣ (!?) наилучше съ оружіемъ въ рукахъ. Но я не хочу и думать, чтобы дошло до непріятельскихъ дѣйствій. Его императорское высочество цесаревичъ, которому поляки дали отступить почетно съ его гвардіею, будетъ, какъ общалъ, посредникомъ между царемъ и народомъ. У него сердце доброе, онъ любитъ насъ. Я самъ поѣду въ Петербургъ. Знаю императора. Представлю ему все дѣло въ настоящемъ видѣ. Расскажу, какъ невинно, безъ всякаго плана, случилось это несчастіе въ Варшавѣ, только отъ распущеннаго слуха, будто русскіе хотятъ вырѣзать поляковъ. Такому слуху повѣрила школа подпрапорщиковъ и университетская молодежь. За подпрапорщиками и студентами пошелъ народъ, за народомъ войско, вотъ и все!... Никто больше меня не (достигнетъ) у императора (!!). Не станеть у меня доказательства, такъ я вытащу ихъ изъ-подъ подошвы (любимое выраженіе Любецкаго), и къ новому году привезу вамъ губерніи“.

Но больше всѣхъ виноватъ, le grand coupable этихъ первыхъ дней, былъ, по мнѣнію моему Лелевель. Онъ полагалъ, что „дѣйствія заговорщиковъ должны ограничиваться, съ одной стороны, постепеннымъ подущеніемъ войска, а съ другой вовлеченіемъ въ дѣло, исподволь, людей извѣстнѣйшихъ и народа“. Но сколько времени нужно было для этого? Дозволяли-ль обстоятельства располагать временемъ произвольно?... Идея самая ложная, идея вовлечь въ революцію установленное царемъ правленіе—овладѣла Лелевелемъ вполне по внушенію Любецкаго. Предполагать, что правленіе это воскреситъ Польшу и сокрушитъ Россію, не вздорная-ли была мечта? Сужденія Лелевеля были странны; онъ думалъ, напримѣръ, что администраціонный совѣтъ пристаеъ къ революціи, переходя въ банкъ. Цѣлая его система основывалась только на томъ: чтобы все, что по натурѣ своей, было противно

¹⁾ Въ приводимыхъ здѣсь фразахъ министра финансовъ Любецкаго я не перемѣнилъ ни одного слова и передаю ихъ точно такъ, какъ они выходили изъ его устъ: онъ повторялъ ихъ нѣсколько разъ въ моемъ присутствіи.

возстанію, ввести въ него, вклеить въ его рамку. Онъ мѣтилъ, потому, въ три пункта: хотѣлъ, во первыхъ, произвести революцію въ самой Россіи—отсюда надписи его изобрѣтенія на розданныхъ войску особыхъ знаменахъ: „за вашу и нашу волюность“; хотѣлъ, во вторыхъ, вовлечь въ революцію правленіе Царства, и, въ третьихъ, сеймъ;—а то, что дѣйствительно было революціонное, нашъ патріотическій (?) клубъ, онъ, какъ глава этого учрежденія, сбивалъ съ пути и обманывалъ. Казалось Лелевелю, что правительственная власть была заодно съ революціею. — а власть въ тѣ дни только подслушивала и ослабляла революцію! Лелевель, въ той мысли, чтобы дать революціи законный видъ, чтобы легализировать ее, подкрѣплялъ Любецкаго. А Любецкій, въ той мысли, чтобы значеніемъ людей такихъ, какъ Лелевель, держать революцію въ уздѣ, подкрѣплялъ Лелевеля и доказывалъ, что онъ необходимъ въ правленіи ¹⁾. Изъ всѣхъ политическихъ слабостей играетъ страхъ

¹⁾ Но послушаемъ самого Лелевеля въ любопытныхъ его запискахъ, которыхъ одну часть, подъ заглавіемъ „Депутація въ Вержбнѣ“, онъ издалъ въ свѣтъ, а другую, еще не изданную, я случайно имѣлъ въ рукахъ и списалъ для памяти. „Не революціонныя крики“,—говоритъ онъ,—„ввели меня въ правленіе, — отсюда не они. Я обязанъ этимъ славѣ авторской, а больше всего званію посла на сеймѣ“. Эти слова, произнесенныя въ свое время и передъ диктаторомъ, бросаютъ свѣтъ на образъ мыслей Лелевеля въ первыхъ дняхъ возстанія. Они объясняютъ, для чего Лелевель старался дѣлать чувствовать, что вступаетъ онъ на сцену только какъ членъ дореволюціоннаго сейма, какъ имѣвшій за собою въ комиссіяхъ того сейма больше голосовъ, чѣмъ другіе, что дѣйствуетъ только въ законномъ кругѣ члена сейма, а не въ званіи сообщника заговорщиковъ, введеннаго повстаніемъ въ совѣтъ правленія. Забылъ глубокомысленный историкъ, что революціи идутъ новыми путями.... По сей-то причинѣ былъ Келеховскій посолъ (т. е. Лелевель) якобинцемъ для аристократовъ, а модерантомъ для клубистовъ, и, слѣдовательно, былъ совершенно ничѣмъ. „Тѣмъ, конхъ мысли еще не приготовлены къ революціи“,—продолжаетъ Лелевель,—надобно всегда давать время и способъ приставать къ ней“. — Ошибка самая грубая въ революціонной политикѣ! Если революція народная, а наша была народною (?), то врагами ея должно считать неприсягающихъ къ ней тотчасъ. Внутреннихъ враговъ въонхъ не допускаетъ революція къ управленію дѣлами. Если она кротка, какъ была наша (?), то даетъ имъ время подумать, но за предѣлами власти. Если же кровава, то посылаетъ ихъ немедленно на эшафотъ. У Лелевеля было такъ мало моральной силы для занятія мѣста, которое давала ему революція, что идеи клуба онъ называлъ фантастическими. По его мнѣнію можно было достигнуть всего безъ разрыва съ Россіею и конституціею. Въ этомъ мнѣніи онъ поѣхалъ депутатомъ въ Вержбнѣ; оно же побудило его пристать къ мысли, что правленіе, какого требовало возстаніе, можетъ быть установлено сеймомъ, произтекающимъ не изъ возстанія, но изъ порядка вещей, возстанію предшествовавшаго. Лелевель не доставало высшего

величайшую роль на свѣтѣ. Диктатура была дѣломъ страха. Временное правленіе нанесло сильный ударъ возстанію, отдавая его на разсмотрѣніе сейма, котораго оно само боялось. Сеймъ сзывали на 18-е декабря, а до 18-го декабря клубъ могъ подвинуть происшествіе такъ далеко, что и сеймъ не нашелся-бы, наконецъ, въ возможности дать имъ конституціонное направленіе. И вотъ посему, для удержанія порядка вещей, какой былъ до сейма, а еще болѣе, для положенія крѣпкой преграды усиліямъ, которыхъ цѣлю могло быть учрежденіе власти настоящей революціонной, бросились въ объятія военнаго единовластія, иное возвыщавшаго народу, иное нивѣвшего на умѣ. На этотъ счетъ я сдѣлаю только одно замѣчаніе, для обозначенія точнѣе характера контръ-революціи. Не вѣрить въ дѣло народа (?), быть даже противъ него изъ убѣжденія, изъ ограниченности ума, изъ упрямства или изъ какой-нибудь фантазіи, вольно каждому: нѣтъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, никакого преступленія, ибо никто не можетъ передѣлать самого себя. Хло-

политическаго вдохновенія: отъ того умствованія его были малы, а этимъ самымъ ошибочны.

Систему свою въ началѣ возстанія толкуетъ еще Лелевель слѣдующимъ образомъ: „когда скоро“ — говоритъ онъ — совершенно развернулась наша революція, начали вдругъ требовать независимости, (а развѣ требованія эти не были началомъ и причиною революціи?) „начали требовать разрыва съ Россією, ниспроверженія всякой легальности, расшаренія правъ народа и даже вторженія въ герцогство Познанское и въ Галицію. Съ своей стороны правленіе боялось отступить слишкомъ и вдругъ, въ самомъ началѣ, отъ установленныхъ европейскою дипломатією правилъ, и отъ Россіи, — и сія боязнь брала въ правленіи перевѣсъ. Требованія ультра-революціонныя возникли въ клубѣ; они угрожали дѣйствіямъ правленія, державшагося въ умѣренности, сколько дозволяли обстоятельства. Въ правленіи нельзя было искоренить боязливыхъ чувствованій. Отъ того, что правленіе сіе было не революціонное, а вовлеклось только въ революцію, возсталъ борьба между легальностью и революціонностію. Правленіе — какъ оно ни называлось, администраціоннымъ-ли совѣтомъ, исполнительнымъ-ли отдѣленіемъ, правленіемъ-ли временнымъ, — сохраняло нѣкоторый видъ легальности, и по такому характеру своему останавливало революцію, въ чемъ она выступала изъ границъ законныхъ; — будучи-же само побуждаемо ею къ дѣйствію или угрожаемо, нивѣжало, для поддержанія своего быта, то видъ свой, то названіе, — легализировало революціонное по мѣрѣ возможности и обращало его на законный путь. Такимъ образомъ не было правленіе совершенно противно революціи, а только умѣряло ее. На этотъ путь — присовокупляетъ Лелевель, направилъ его Любецкій. А я скажу чистосердечно, что нельзя быть больше профессоромъ и меньше человекомъ государственнымъ. Характеръ Лелевеля безъ укора. Наука велика, но сухія, стародавнія книги и тяжелыя розысканія стерли закалъ съ его души, обезсилили ее.

Прим. автора.

пицкій былъ противъ революціи. Это еще не бѣда: онъ могъ измѣниться отъ долгаго бездѣйствія послѣ Наполеоновыхъ кампаній—могъ потерять охоту къ великимъ (?) дѣламъ — могъ предвидѣть бѣдствія, конечную гибель Польши, могъ держаться правила, что лучше имѣть вѣрный кусокъ края, чѣмъ гоняться за невѣрнымъ цѣлымъ,—а можетъ быть, и это всего вѣрнѣе, не хотѣлъ пускать подъ старость снисканную военную славу на тяжелое испытаніе въ борьбѣ, по мнѣнію его, неравной. Все это понять легко. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ, когда обратимся къ людямъ, которые знали его такимъ, а не инымъ, которые знали его хорошо, какимъ представлялъ его себѣ народъ, а между тѣмъ, изъ одной неосновательной боязни, чтобы возстаніе не взяло якобинскаго характера, не только не старались вразумить народъ, но еще крѣпче держали его въ заблужденіи, и такого человѣка, съ такимъ правомъ, съ такимъ упорнымъ отвращеніемъ къ тому, что называлъ онъ однимъ бунтомъ съ самаго начала до конца, подкрѣпляли всѣми силами, твердя безпрестанно: „положимся на Хлопицкаго“¹⁾. Генералъ этотъ, взявъ на себя диктатуру, сдѣлался только генералъ-полицеймейстеромъ временнаго правленія. Онъ не имѣлъ души великой, способной вмѣстить въ себѣ вдохновеніе (!?) народа. Но въ этомъ, какъ я уже сказалъ, не его вина: такъ угодно было судьбѣ..... Виною въ бѣдствіяхъ, имъ на несенныхъ, виною въ пагубной для насъ проволочкѣ, виною въ обманѣ народа—только панегиристы его, только тѣ, которые съ величайшимъ хладнокровіемъ приложили ледъ къ сердцу Польши, сильно бьющемуся, кои этимъ льдомъ охлаждали всеобщій ея энтузіазмъ, кои изъ льда сковали власть неограниченную (Хлопицкаго), совершенно противную цѣли возстанія.

Такъ понималъ и такъ понимаю я донинѣ событія нашей великой (!?) недѣли! Если-бы мой судъ о вещахъ показался кому при-

¹⁾ Должно, однакожъ, сказать, что когда Хлопицкій, до провозглашенія себя диктаторомъ, отказывался нѣсколько разъ отъ главнаго начальства надъ войскомъ, то нѣкоторые изъ знавшихъ его короче, и между ними князь Чарторыйскій, не считали, кажется, большою бѣдою, что этотъ человѣкъ уклонялся отъ общественныхъ дѣлъ. Тогда-то пришла на минуту мысль ввѣрить начальство надъ войскомъ генералу Князевичу, а до прибытія его изъ Дрездена, гдѣ онъ жилъ, Шембеку, съ званіемъ начальника главнаго штаба арміи. Но когда трактовали объ этомъ, вбѣжалъ въ правленіе статсъ-совѣтникъ Крушевскій съ требованіемъ отъ имени всего войска, чтобы непремѣнно упростили Хлопицкаго, что только ему будетъ послушно войско.

Прим. автора.

страстнымъ, то пусть вспомнить, что въ событіяхъ, здѣсь описанныхъ, я самъ принималъ дѣйтельное участіе, и потому, какъ одинъ изъ дѣйствующихъ, какъ сторона тяжущаяся и побѣжденная, не могъ, разбирая тѣ событія, изгладить въ себѣ первыхъ впечатлѣній, сколько ни усиливался преодолѣть ихъ.

На счетъ великаго князя я стою твердо въ тогдашнемъ моемъ мнѣніи, что въ возстаніи нашемъ онъ могъ быть употребленъ для многихъ и разнообразныхъ видовъ. И теперь еще, когда совокупляю въ памяти все, что случай давалъ намъ въ послѣдней революціи, когда размышляю о великихъ послѣдствіяхъ, какія онъ могъ имѣть, является мнѣ тотчасъ передъ глазами живая, прелестная (!!) картина: огромная Русская Имперія, вознесенная успѣхами цѣлаго вѣка изъ малаго родового достоянія до высоты необыкновенной, внезапно (становится въ затруднительное положеніе). Константинъ Павловичъ во дворцѣ въ Варшавѣ, подъ стражею инсургентовъ, могъ играть такую роль, какой требовали обстоятельства. Одно его повелѣніе, добровольное или вынужденное, отдавало въ наши руки литовскій корпусъ, съ корпусомъ—Литву, а съ Литвою—остальную часть забранной Польши,—цѣлую Русь. Не самолюбіе, что я на этотъ путь наводилъ дѣло въ клубѣ, не страсть защищать упорно изъявленное однажды мнѣніе — нѣтъ! Одно безпристрастное (!) зрѣлое уваженіе всѣхъ обстоятельствъ заставляетъ меня такъ судить. Право первородства, уступленное Константиномъ Павловичемъ младшему брату, засимъ привязанность къ Константину Павловичу темнаго народа, самымъ отреченіемъ его отъ престола еще больше усиленная, наконецъ, и то, что раздѣлялъ онъ (?) ненависть націи къ чужестранцамъ, т. е. къ нѣмцамъ: все это вмѣстѣ—не ужъ-ли не представляло никакой мысли нашей революціонной политикѣ?... Но къ несчастію (!), времена Марины и Шуйскихъ ушли изъ памяти поляковъ. Преданіе стародавней политики нашей въ сношеніяхъ съ Москвою погасло! Старинныя, великія (!?) формы политики исчезли: осталось только униженное почтеніе къ Россіи!...

Мохнацкій.

Примѣчаніе. Вся цѣлѣность фантазій демагога польской, въ высокой степени для всего польскаго народа злополучной, революціи такъ велика, что нѣтъ ни малѣйшей надобности ее опровергать; мы, однако, оставляемъ здѣсь его разсужденія, такъ какъ они даютъ окраску той партіи революціонеровъ-митажниковъ 29-го ноября 1830 г., къ которой принадлежалъ Мохнацкій.

Переводчикъ.